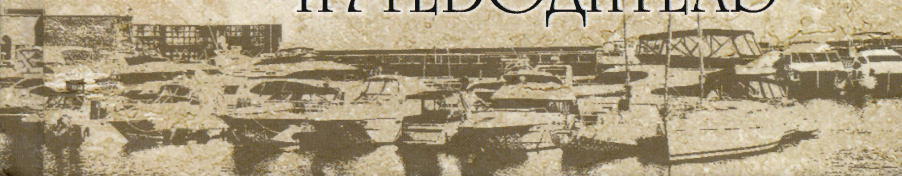

ВЛАДИВОСТОК

Г. Турмов
А. Хисамудинов

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ®

С 2001 года издательство **«Вече»** выпускает книги серии **«Исторический путеводитель»** — уникальное научно-популярное издание для туристов, путешественников и любителей истории.

Серия «Исторический путеводитель»:

лауреат премии «Лидер российского турбизнеса» за 2001 г.,
отмечена дипломом IV Международного форума «Путешествие за здоровьем» за успешное раскрытие темы «Путешествие за здоровьем» — 2002 г.,
награждена дипломом V Международного форума «Путешествие за здоровьем» за пропаганду путешествий за здоровьем — 2003 г.,

награждена дипломом конкурса «Хрустальная ладья» ГАО Москва как «Лучший партнер 2004 года по информационному обеспечению гостиничного дела»,

лауреат специальной премии «Хрустальная ладья» ГАО Москва — 2005 г. «За многолетнюю плодотворную деятельность по информационной поддержке гостинично-туристического комплекса»,

лауреат Национальной туристической премии им. Ю. Сенкевича — 2009 г. за лучшую публикацию о туризме и путешествиях по России;

лауреат шестого Всероссийского конкурса региональной «Краеведческой литературы» «Малая Родина» за 2010 год, проводимый Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям;

а также отмечена:

в 2009 г. Почетной грамотой Посольства Венгерской Республики в Российской Федерации;

благодарственным письмом посольства Социалистической Республики Шри-Ланка в Российской Федерации «За большую и ответственную работу по выпуску «Исторического путеводителя» по Шри-Ланке.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ®

Г.П. Турмов
А.А. Хисамутдинов

ВЛАДИВОСТОК

Москва
«Вече»
2010

УДК 908(470+571)
ББК 63.3(2)+26.89
Т86

Турмов, Г.П.

Т86 Владивосток / Г.П. Турмов, А.А. Хисамутдинов. —
М. : Вече, 2010. — 304 с. : ил. / Автор идеи и проекта
С.М. Бурыгин. — (Исторический путеводитель).
ISBN 978-5-9533-4924-6

История Владивостока начинается в 1858 году с подписания Айгунского договора между Россией и Дайцинским государством (Китай). Инициатором этого договора был генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев-Амурский. В результате Россия получила приморскую территорию на Дальнем Востоке.

В 1859 году Н.Н. Муравьев-Амурский, обходя на корабле берега залива Петра Великого, обратил внимание на хорошо укрытую бухту. Генерал-губернатор предложил назвать её Золотым Рогом и приказал основать на берегах бухты военный пост с именем — Владивосток.

К началу XX века крохотный военно-морской пост превратился в крупнейший порт и военно-морскую базу России на Дальнем Востоке.

Об истории Владивостока, его достопримечательностях, памятниках культуры рассказывает очередная книга серии.

УДК 908(470+571)
ББК 63.3(2)+26.89

ISBN 978-5-9533-4924-6

© Бурыгин С.М., автор идеи и проекта, 2010
© Турмов Г.П., Хисамутдинов А.А., 2010
© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРОВ

Не просто писать об истории Владивостока. Солидные монографии и многочисленные справочники рассказывают в основном об официальной стороне жизни города. Но Владивосток многолик, история его неоднозначна, и многие аспекты прошлого до сих пор оставались в тени, неведомые даже краоведам, не говоря уж о широких слоях горожан. Порой лишь счастливая случайность, верная спутница многочасовых бдений над подшивками старых газет и журналов, архивных материалов и книг, помогла найти разгадку неясным историческим моментам.

С первых дней, когда в далеком 1639 г. Россия вышла к берегам Тихого океана, основной задачей стали поиски подходящего места для главного города-порта. Вначале им стал Охотск, ясачный острог, основанный русскими первопроходцами в 1665 г. для сбора податей с местных жителей. Роль этого небольшого поселения в те годы была огромной. Именно отсюда брали курс

*Транспорт «Манджур» 2 июля 1860 г. в бухте Золотой Рог
(с картины худ. В.И. Шилева)*

в самые разные точки Тихого океана построенные здесь же русские суденышки с весьма нехитрым вооружением. Отсюда великий Витус Беринг со своей знаменитой экспедицией отправился на поиски легендарной Америки.

В октябре 1790 г. Охотск получил свой герб. В его верхней части был изображен герб Иркутска, столицы Восточной Сибири, — бегущий тигр с соболем в зубах, а в нижней части располагались на голубом фоне два скрещенных якоря со штандартом — символом морского порта. Как видите, элементы этого герба были использованы и в символике Владивостока.

В 1799 г. была образована Российско-Американская компания, и роль Охотска еще более усилилась: он стал центром все-российского рынка на Тихом океане. С 15 июля по 15 сентября здесь широко проводились ярмарки, о товарообороте которых можно судить по одной цифре: в 1837 г. здесь было продано товаров на 324 859 рублей.

Но в навигационном отношении Охотск располагался в весьма неудачном месте. Быстро меняющиеся мели, резкие приливо-отливные течения, навигационные опасности значи-

Первые дни поста Владивосток (по рисунку А.Ф. Будищева)

тельно осложняли работу мореплавателей, поэтому в 1849 г. порт в Охотске был закрыт и перенесен в Аян, основанный в сентябре 1864 г. Но с закрытием в 1867 г. Российско-Американской компании и этот порт перестал играть серьезную роль.

Функция главного города в Тихом океане перешла к Петропавловску-Камчатскому. В 1812 г. он был объявлен городом, летом 1854 г. военный губернатор В. С. Завойко с немногочисленным гарнизоном успешно отразил нападение англо-французской эскадры. Во избежание новых неприятностей все население Петропавловска уже в следующем году было переведено в Николаевск-на-Амуре.

К середине XIX века в России поняли, что поиски дальневосточного форпоста зашли в тупик. Ни один из имевшихся портов не отвечал необходимым требованиям: иметь гавань, которую можно было бы легко защитить с берега от неприятеля, достаточно вместительную для военного флота и близкую к рынку.

Тогда генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев обратил внимание на юг Приморья. Что же представляла собой эта земля?

Боярский сын С. К. Ремезов создал еще в 1701 г. удивительнейшую карту. На ней Приморье обнесено крепостной стеной и обозначено как «царство Никанское», граничащее с Китаем и Кореей. Кстати, на той же карте в устье Амура есть надпись: «До сего места царь Александр Македонский доходил».

Современники «Никанского царства» оставили о нем такое свидетельство: «...государство Никанское паче Китайского государства зело людми и богатством, златом и серебром и камением драгим, шелком, камками и всякими алканы, благовонными травами и шафраном изобилствует; мужской и женский пол пред китайскими людми зело чист; и ныне он, Никанский царь, с Китайским царем воюются, а Китайский царь через свое Китайское государство в Никанское царство русских людей с товары для торгу не пропускает».

Судя по карте, бухта Золотой Рог почему-то не привлекала первых мореплавателей, но зато на острове Русском в бухте Новик располагался крупный порт.

*Первый православный храм Владивостока,
освященный 1 апреля 1862 г.*

Другой знаменитый картограф, француз Д'Анвиль, в 1737 г. аккуратно нарисовал на своей карте полуостров Муравьева-Амурского, отметив на нем реку Раздольную (Суйфун) — Suifond Pira, остров Русский — Yohang toun, острова Попова и Рейнике — Mama-saha и Sarhatchousaha и некоторые другие географические объекты.

Пусть не смущают уважаемых читателей непривычные названия знакомых мест. Это те немногие свидетельства прошлого, которые напоминают нам о давних событиях.

Развалилось Бохайское (Никанское) царство, и на приморских берегах опять воцарилась тишина. Лишь изредка заходили в лазурные бухты утлые суденышки пришлых сезонных промысловиков, земля была, по сути, ничейная — шла добыча трепанга, поэтому одна из бухт (нынешний Золотой Рог) и носила имя Хайшэньвэй — бухта трепанга. Пытался добраться сюда из Китая иезуит Ля Бруньер, французский миссионер, но смог дойти только до реки Иман (ныне Большая Уссурка).

Никто из пришельцев не нарушил тишину этих мест до середины XIX века, а предшествовало этому событие, имеющее,

казалось бы, весьма далекое отношение к Приморью, — Крымская война.

Англо-французская эскадра безуспешно пыталась найти русские корабли, ушедшие из Петропавловска-Камчатского. Неприятель в растерянности бороздил пустынные дальневосточные моря, силясь угадать, куда мог деться русский отряд. А разгадка была простой, ныне ее знает каждый школьник: Амур в устье своем судоходен и там спокойно на якоре можно переждать любую непогоду. Вот и генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев собрал немногочисленные русские силы в этих местах.

Два английских фрегата — «Винчестер» и «Барракуда» — держали курс на юг вдоль приморского берега. Рано поутру 12 августа 1855 г. англичане направились в соседнюю бухту. Адмирал Сеймур приказал исследовать ее и сделать промеры. «Мы вошли в порт Мей, просторную, хорошо защищенную гавань, — писал Дж. Тронсон. — Холмы, поросшие дубом, вязом и орешником, плавно спускались к самой воде. Кое-где деревья отступали, и берег там был покрыт густой травой и цветами. Лианы винограда в одном месте создавали настоящий сад, а в другом — берег гавани был занят огородом (место пересечения нынешних улиц Светланская и Алеутская. — *Прим. авт.*). В поле около берега росли злаки, такие как ячмень, гречиха и просо; несколько лошадей паслись около обработанной земли. Нам не составило труда раздобыть картофель, который был очень хорошего качества — некрупный, круглый и сухой».

В книге Тронсона, кстати, был приведен первый рисунок с изображением бухты Золотой Рог и стоящими на ее рейде двумя английскими фрегатами — «Барракудой» и «Винчестером».

У небольшого мыса моряки заметили, как в зарослях мелькнул полосатый хозяин здешних мест — тигр. Мыс этот, а также близлежащая сопка, тотчас же получили название Тигровых. Это одно из немногих названий в нашем городе, уцелевших со времени захода англичан в бухту Золотой Рог.

По речке Объяснения английские моряки на большом парусном баркасе поднялись миль на пять. Кто бы мог в это поверить, глядя на сегодняшний небольшой ручей?

История Владивостока богата интересными событиями, но повезло ему и на людей, беззаветно любивших свой город и много сделавших для его процветания. Мы должны быть им благодарны еще и за то, что после себя первые жители Владивостока оставили немало документального материала в виде дневниковых записей, газетных и журнальных статей, воспоминаний и писем — ценнейшего материала для историков и краеведов.

По мысли авторов, цепочка небольших очерков о старом Владивостоке поможет вам составить представление о жизни нашего города и его обитателей. К сожалению, в книгу вошли не все материалы о старом Владивостоке, но впереди новые встречи.

Глава 1.

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ, ПЕРВЫЕ ВЛАДИВОСТОКСКИЕ РАЙОНЫ, УЛИЦЫ И ИХ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ

ПАМЯТЬ О ГРАФЕ

Могила графа Н.Н. Муравьева-Амурского

«Товарищи, поздравляю вас! Не тщетно трудились мы: Амур сделался достоянием России! Да здравствует император Александр и да процветает под покровом Его вновь приобретенная страна! Ура!» — голос генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева слегка дрожал от волнения, когда 18 апреля 1858 года он зачитывал свой приказ войскам в Усть-Зейском посту. Два дня назад был заключен Айгунский договор, возвестивший миру о присоединении к России дальневосточных земель.

Николай Муравьев родился 11 августа 1809 г. в Санкт-Петербурге. В звании пажа участвовал в коронации императора Николая Павловича в Москве. 25 июля 1827 г. поступил на службу прапорщиком в лейб-гвардии Финляндский полк. За участие в русско-турецкой войне присвоено очередное звание поручика, был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. За участие в подавлении Польского восстания 1831 г. награжден польским знаком «За военные достоинства» 4-й степени, орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом и золотой шпагой с надписью «За храбрость», 4 июня 1841 г. на Кавказе за отличие произведен в генерал-майоры. В 1844 г. получил орден Св. Станислава 1-й степени с высочайшей грамотой за «отличие, мужество и благоразумную распорядительность, оказанные против горцев». 16 июня 1846 г. назначен на должность военного губернатора Тулы и Тульского гражданского военного губернатора. 5 сентя-

Граф Н.Н. Муравьев-Амурский

бря 1847 г. назначен генерал-губернатором Восточной Сибири. 14 марта 1848 г. вступил в должность.

Подробную информацию о заключении Айгунского договора поместили «Санкт-Петербургские ведомости» в № 175 за 1858 г. «Спешу сообщить вам известие, — писал 20 июня корреспондент газеты, — радостным образом взволновавшее наш город и которое с не меньшим удовольствием будет везде принято в Восточной Сибири. Курьер с Амура, из нашего Усть-Зейского поста, проездом в Петербург при-

вез сюда известие, что генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву удалось заключить с китайскими уполномоченными новый трактат о разграничении России с Китаем. При первом известии об этом в Иркутске один из здешних купцов предоставил 500 рублей серебром в распоряжение губернатора, другой назавтра угостил за свой счет здешний гарнизон; такие изъявления удовольствия, выражающиеся денежными пожертвованиями, посылаются, вероятно, здесь со всех сторон при официальном объявлении о трактате после ратификации, потому что, сколько я мог заметить, известие об этом событии принято здесь с живою радостью, особенно между торговым сословием. Да иначе и быть не могло: бесспорное, трактатом утвержденное, обладание Амуром, прекрасным и по удобству единственным для Восточной Сибири торговым путем, есть факт чрезвычайно важный для этой страны. Мысль об обладании Амуром, о пользовании им была давнишним исконным желанием и стремлением в Восточной Сибири. Генералу Н. Н. Му-

равьеву удалось начать и довести до конца это дело; имя его теперь будет неразрывно связано в нашей истории с памятью о приобретении Амура, с памятью о тех благодетельных последствиях для промышленности и торговли — как Восточной Сибири, так, смеем думать, даже и всей России, которые непременно и в непродолжительном времени проистекут из этого исторического события».

Та же газета через пять номеров дала еще одно сообщение о событиях на Дальнем Востоке: «Государь император, по всеподданнейшему докладу Его Императорского Высочества Великого Князя генерал-адмирала, соображений генерал-губернатора Восточной Сибири об особенной важности местоположения Усть-Зейской станицы, находящейся при впадении реки Зеи в Амур, названной генерал-губернатором по случаю закладки в ней 9 мая храма во имя Благовещения Пресвятой Богородицы “Благовещенскою станицею”, — в 5-й день июля сего года Высочайше повелеть соизволил: учредить в этом месте город, назвав его “Благовещенск”». И добавим — в память о благой вести для России.

26 августа того же года император всероссийский Александр Николаевич издал следующий указ, на этот раз подводящий итог личным заслугам Н. Н. Муравьева: «Граф Николай Николаевич! Примерно ревностное и полезное служение ваше, неоднократно ознаменованное военными подвигами и особыми отличиями на поприще гражданского управления, обратили на себя внимание в Бозе почившего родителя моего. Справедливо оценивая ваши достоинства, Он вверил начальствованию вашему обширный край в отдаленнейших пределах империи. Вы вполне оправдали доверие одиннадцатилетними неутомимыми трудами на пользу и благоустройство вверенной управлению вашему Восточной Сибири [...] В воздаяние за таковые заслуги ваши, Я возвел вас указом, сего числа Правительствующему Сенату данным, в графское Российское империи достоинство, с присоединением к имени вашему названия Амурского, в память о том крае, которому в особенности посвящены были в последние годы настоятельные труды ваши и постоянная заботливость».

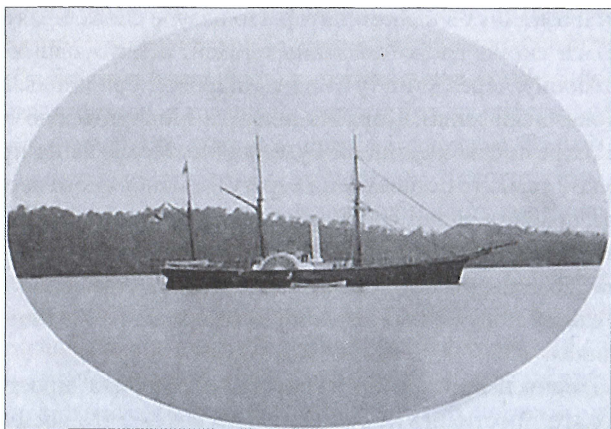

Тем же указом одновременно с возведением Н. Н. Муравьева в графское достоинство он был награжден чином генерала от инфантерии. В том же историческом 1858 г. был подписан еще один указ, после чего и появилось на картах Приморье.

В заключении Айгунского договора вместе с Муравьевым-Амурским участвовали также обер-квартирмейстер подполковник Константин Фадеевич Будогоский, показывавший во время переговоров на картах все земли, которые отходили к России, и Яков Парфелевич Шишмарев, переводчик с маньчжурского языка. К. Ф. Будогоский и возглавил экспедицию, которая по горячим следам была организована Сибирским отделом Русского географического общества для исследования новых земель. Вместе с ним в самом начале 1859 г. на Уссури выехали два астронома — поручик А. Ф. Усольцев и капитан П. А. Гамов, топограф капитан А. И. Елец, художник академик А. А. Мейер, переводчик Я. П. Шишмарев, а также три отделения съемщиков. Цели и задачи экспедиции были предельно ясны: съемка демаркационной линии, а также побережья Японского моря, и составление подробной карты Приморья.

5 мая 1859 г. основной состав экспедиции достиг озера Ханки, где путешественники заложили первый в Приморье военный пост под названием Турий Рог. Дальнейший путь экспедиции лежал на юг, через пустынную приханкайскую равнину. Усольцев позднее напишет: «Смотря на степное раздолье, так и кажется, что тут же вырастут тысячи людей и пойдут трепать эти раздольные степи, и наставят они хлеба и сена на весь Амур. Но когда это еще сбудется, а теперь пока одни антилопы составляют исключительных обитателей этих пустынь; безопасность их нарушает тигр и волк... С убеждением думается, что в недалгом времени нарушится это безмолвие, и будут эти места театром разумной и обширной деятельности».

Дорога по степи показалась путешественникам несколько утомительной, но стоило им выйти к реке Суйфуну (ныне Раздольная), как все воспряли духом. Буйная южная растительность, напоминающая тропические леса, поразила членов экспедиции. Дубы, достигающие в диаметре семи футов, гигант-

Пароходо-фрегат «Америка». Фото В.В. Ланина

ские папоротники, крепкие лианы, переползающие с одного дерева на другое, создавали непроходимую чащобу. С величайшим трудом люди продирались через дебри, прорубая узкие лазейки для своего небольшого вьючного каравана и проходя в день всего две-три версты.

Оставим экспедицию Будогоского на подступах к конечной цели путешествия — Новгородской гавани и перенесемся мысленно к берегам Японии. «15 июня 1859 года на хакодатском рейде было только два русских судна: пароходо-корвет “Америка” под флагом генерал-губернатора Восточной Сибири и винтовой корвет “Боярин”; другой такой же корвет “Воевода” отправлен был накануне вперед в залив Посьета, а винтовой клипер “Джигит”, находившийся здесь при нашем консульстве, послан был 13-го числа в Шанхай с почтой и с тремя кяхтинскими купцами, которые решились наконец подняться со своего теплого местечка и пуститься к неведомым морям — за тридцать земель в тридешатое государство, — чтобы разузнать, какие предметы могут выдержать доставку из Шанхая по Амуру в Сибирь и какие проценты можно нажить от этой поставки...» Чиновник особых поручений генерал-губернатора подполковник Дмитрий Иванович Романов оторвался от бумаг, разложенных на узеньком столике маленькой каюты пароходо-корвета «Аме-

рика», и выглянул в иллюминатор. По палубе сновали матросы, слышался скрип плохо смазанных талей, поднимающих судовую шлюпку, через минуту застучал паровой брашпиль, загрохотал якорный канат. Корабль покидал Новгородскую гавань после встречи с экспедицией Будогоского. Помахав на прощанье рукой тем, кто оставался на берегу, Романов снова вернулся за стол, положил перед собой чистый лист бумаги и написал на нем заголовок — «С русского берега». Путевые заметки, начатые им, должны были со временем составить статью для одного из самых популярных изданий того времени — «Морского сборника».

«15 июня, наконец, и мы на пароходе “Америка” простились с Хакодате, простились не окончательно, потому что зайдем еще сюда на обратном пути из Китая, — продолжал писать Романов. — В этот день с утра поднялся ветер, который усиливался все более и более. Барометр, падая, быстро опустился наконец до 29, 08[...] Следующий день, 18 июня, предполагалось посвятить подробному обзору и исследованию всех частей залива Петра Великого. Снявшись с якоря, мы пошли вдоль западного берега укрывшего нас залива и в недалеком расстоянии от места нашей стоянки усмотрели углубление, вдавшееся в берег в юго-западном направлении. Мы обошли крутом вдоль берегов этого новооткрытого залива».

Встретив в Посьете экспедицию Будогоского, «Америка» снялась в Китай и 1 июля 1859 г. бросила якорь в гавани Вейхайвей. Вскоре в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась небольшая заметка следующего содержания: «...начальник нашей демаркационной комиссии подполковник Будогоский отправляется в Пекин для утверждения окончательной пограничной черты русских владений в Маньчжурии. По этой черте весь приморский берег Маньчжурии, прикасающийся к Японскому морю, и, как по исследованиям оказалось, никому не принадлежащий, отмежеван в черту русских владений. Южная часть этого берега близ Кореи, значит, в широте закавказских провинций, оказывается изрезанною таким количеством самых отличнейших бухт и гаваней, что едва ли можно найти другой

берег в мире, где бы на таком малом пространстве прекраснейшие гавани следовали одна за другою в таком количестве, что трудно выбрать и определить, которая из них лучше. Знаменитая Севастопольская гавань и Золотой Рог в Босфоре должны уступить первенство здешним гаваням и бухтам. Вблизи этих гаваней местность покрыта девственными тропическими лесами, перевитыми лианами, в которых дубы достигают диаметра одной сажени. Образцы этой гигантской растительности изумительны и никогда нами не были еще видимы; подобное что-нибудь можно встретить только в лесах Америки. Какая великая будущность таится в этих доисторических лесах в связи с великолепнейшими гаванями мира! Недаром этот лабиринт заливов носит название залива Петра Великого, недаром лучший из портов назван Владивостоком, потому что здесь колыбель нашего флота на Тихом океане, русского значения на его широком лоне, не запертом пушками Зунда, Гибралтара и Дарданелл, и нашего владения Востоком. Здесь все дары природы сосредоточены в одну группу и способны развить сильную колонизацию и сильное торговое движение».

Блестящее описание нашего края, не правда ли, и какое точное предвидение его будущего на столетие вперед! Вы, конечно, заметили, что в этом описании, относящемся к середине 1859 г., уже встречается название Владивосток. Правда, означает оно пока еще не город и даже не пост, которых тогда не было и в помине, а хорошую бухту, пригодную для устройства порта.

Кто же дал Владивостоку его звучное и красивое название? Известно, что оно появилось в газете, а затем и на картах, вскоре после того, как пароходо-корвет «Америка», следуя за Будогоским из Николаевска в Новгородскую гавань, зашел на короткое время в бухту Золотой Рог. Статья для «Санкт-Петербургских ведомостей» была написана сразу же по горячим следам на «Америке», и Будогоский увез ее в Пекин, откуда она тотчас же ушла с курьером в Санкт-Петербург.

Фамилии автора под статьей нет, но если мы полистаем подшивку тех же газет, то сможем встретить еще одну похожую статью о Южном Приморье, в частности о заливе Петра Вели-

кого. Она была написана 15 декабря 1858 г. тогда еще капитаном Д. И. Романовым, постоянно сотрудничавшим с этой газетой. Сходство формулировок двух статей, одинаковый стиль позволяют предположить авторство Романова и в более поздней газетной публикации, а значит, ему, возможно, и принадлежит идея назвать новый порт на Тихом океане по аналогии с Владикавказом Владивостоком.

Сам же Н. Н. Муравьев-Амурский об этом историческом плавании писал так: «Бухту Посъета мы отмежевываем себе и границу проводим до устьев Тюмень-Ула, которая составляет границу Кореи с Китаем. Не хотелось бы захватывать лишнего, но оказывается необходимо: в бухте Посъета есть такая прекрасная гавань, что англичане непременно бы ее захватили при первом разрыве с Китаем. Я уверен, что убеждение это действует и в Пекине. При устье реки Суйфуна, немного северо-восточнее бухты Посъета, множество прекрасных заливов».

Первым русским постом в заливе Петра Великого стал Посъет. 22 февраля 1860 г. командир винтового транспорта «Яполец» получил приказ о высадке сюда военного отряда.

Это плавание Муравьева-Амурского блистательно завершило карьеру генерал-губернатора Восточной Сибири. «Надо помнить, — писал известный беллетрист А. Максимов, — что Китай, уступая Амур и Уссури, исполнил требования России только благодаря энергии графа Н. Н. Муравьева-Амурского. Китайцы, видя такую его настойчивость, никак не предполагали, что за ним стоит всего только несколько сот штыков; им казалось, что решительные действия графа могли опираться лишь на грозную военную силу, и они уступили, но уступили в намерении и надежде вернуть потерянное, уступили с затаенною злобою и ненавистью к русским пришельцам». Тогда же Муравьев-Амурский отдал приказ описать Южное Приморье.

15 января 1860 г. граф писал военному губернатору Приморской области контр-адмиралу П. В. Казакевичу: «...все распоряжения мои относительно занятия правого берега р. Уссури и постройка на Уссури канонерских лодок остаются в прежней силе, равносильно как и распоряжения касательно раннего вы-

хода нашей эскадры в море, крейсеровании в течение всего лета вдоль залива Петра Великого, описи берегов и, наконец, занятия двух пунктов на берегу при заливе Петра Великого. Министерство иностранных дел, в отношении своем ко мне от 13 октября [1859], № 30, разрешает, правда, занятие гавани Новгородской (Посьета) только в случае крайности, но так как я в виду политических обстоятельств будущего лета усматриваю совершенную крайность в том, чтобы Россия стала твердою ногою на всем побережье до границ Кореи, то долгом считаю подтвердить Вам снова о занятии военными постами в нынешнем году гаваней Новгородской и Владивосток».

После окончательного разрешения всех спорных вопросов с Китаем граф Муравьев-Амурский с нетерпением ждал возможности сдать свою должность М. С. Корсакову. «...все же нет причины хоронить меня в Сибири, — писал он другу в своем последнем письме из Иркутска. — Разумеется, что я никаких приглашений и предложений не приму ни в Сибирь, никуда; теперь, благодаря Игнатьеву (заключившему Пекинский договор. — *Примеч. авт.*) совесть не грызет меня за китайские дела; но главное в том, что они не видят и не ощущают, как я перестал быть годен на всякое дело; не хотят понять, что у меня есть совесть и что переслуживать, по-моему, — преступление».

В Петербург Н. Н. Муравьев-Амурский прибыл 11 февраля 1861 г. и в тот же день имел продолжительную беседу с царем. После этого он подал прошение об увольнении с должности генерал-губернатора Восточной Сибири с последующим длительным заграничным отпуском для лечения.

В 1881 г. Н. Н. Муравьева-Амурского не стало. В метрической книге Свято-Троицкой Александро-Невской церкви, состоящей при Российско-Императорском посольстве в Париже, читаем: «1881 г., ноября 18-го дня скончался от гангрены член Государственного Совета, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский, 72-х лет от роду. Перед смертью был исповедован и приобщен Святых Таин протоиереем Василием Прилежаевым. Тело предано земле на Монтмартовском кладбище в Париже».

На 25-летнем юбилее «амурских обедов» было принято решение увековечить память о Н. Н. Муравьеве-Амурском. К этому времени уже было собрано по подписке 54 тысячи рублей на памятник бывшему генерал-губернатору, который сначала хотели установить во Владивостоке как «конечном морском пути», но большинством голосов решено было поставить прочный крест с надписью на месте слияния Шилки и Аргуни, откуда ушла в путь первая экспедиция Н. Н. Муравьева. В первый состав комитета вошли адмирал П. В. Казакевич, тайные советники М. С. Волконский и М. Н. Галкин-Враский и отставной статский советник Ф. А. Анненков. Они-то и окончательно решили в пользу Хабаровки. 14 февраля 1888 г. царь утвердил модель памятника. Решено было постамент изготовить из местного камня, который нашли в окрестностях станицы Михайло-Семеновская, но оттуда далеко и было найдено месторождение светло-серого сиенита в 1889 г.

В феврале 1900 г. состоялся 37-й «Амурский обед», на котором предложили перенести прах Муравьева-Амурского из Парижа. Генерал-губернатору Приамурского края сразу же ушла телеграмма: «На Амурском обеде выражено общее желание просить Вас поднять вопрос переноса праха графа Муравьева-Амурского из Парижа в Хабаровск под памятник. Не откажите исполнением сообщить. Генерал Александров, граф Игнатьев, Духовской, князь Волконский».

За согласием перенести прах амурцы обратились к военному агенту во Франции полковнику Валериану Валериановичу Муравьеву-Амурскому, который ответил 2 мая 1900 г. так: «... по вопросу о перевезении на берега Амура тела дяди моего, графа Н. Н. Муравьева-Амурского, имею сообщить, что со стороны родных, из коих ближайший я, не только не будет препятствия к выполнению сего предположения, но полное и совершенное сочувствие и согласие». Что касается места нового погребения тела покойного покорителя Амурской и Уссурийской страны [...]. Думали перевезти во Владивосток, но начавшаяся вскоре первая мировая война, а затем и революция отодвинули выполнение намеченного на долгие годы. В советское время крест на

Шилке и памятник в Хабаровске были отправлены на переплавку. Только недавно хабаровчане вновь отлили памятник графу и установили на прежнем месте. Не остались в долгу и владивостокцы: в 1991 г. прах Н. Н. Муравьева-Амурского был перенесен во Владивосток и похоронен в центре города на склоне горы, мимо которой он когда-то проходил на пароходе-корвете «Америка».

Имя Н. Н. Муравьева-Амурского носит полуостров во Владивостоке.

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ

Описывая город: Михаил Клыков

Клыков Михаил Аввакумович родился 30 августа 1834 г. в Санкт-Петербурге. По собственному желанию 2 апреля 1857 г. его перевели с Балтики в Николаевск-на-Амуре, где в течение следующих семи лет он занимался гидрографическими работами на нижнем Амуре. Будучи командиром лоцманской шхуны «Фарватер», с июня 1865 г. по август 1866 г. Клыков описывал залив Петра Великого. В это время он публиковал свои статьи в газете «Восточное Поморье». Почти девять лет — с

Уссурийский залив (почтовая карточка)

декабря 1872 г. по август 1881 г. — Клыков служил во Владивостоке, руководил гидрографическими работами в Японском море. 13 декабря 1910 г. полковник корпуса флотских штурманов М. А. Клыков скончался в Санкт-Петербурге, похоронен на Смоленском православном кладбище. Именем Клыкова названо множество географических объектов.

Командуя портами: Александр Кроун

Кроун Александр Егорович родился 8 апреля 1823 г. в Санкт-Петербургской губернии. В 1841 г. он окончил Морской кадетский корпус и на корвете «Оливуца» в 1853 г. перешел на Тихий океан. Кроун был командиром канонерской лодки «Морж», командиром Сибирской флотилии, первым главным командиром портов Восточного океана и военным губернатором Приморской области (1870—1875). В 1884 г. он был назначен командующим отрядом судов Тихого океана и пробыл на этой должности до 1885 г. В 1888 г. Кроун был произведен в вице-адмиралы. Он умер 26 января 1900 г. в Санкт-Петербурге и похоронен там на Смоленском евангелическом кладбище. Именем Кроуна назван мыс в Японском море и мыс в б. Провидения (Берингово море).

Мыс Чуркина. Ныне — причалы Владивостокского рыбного порта (почтовая карточка)

Оставив имя на полуострове: Иван Черкавский

Черкавский Иван Францевич был капитаном и командиром 3-й роты 4-го линейного батальона. В 1860 г. его назначили первым командиром Новгородского и Владивостокского постов. 18 июня 1863 г. И. Ф. Черкавский скончался в Новгородском посту. Его именем назван полуостров во Владивостоке и островок в заливе Петра Великого.

...и на мысу: Павел Чуркин

Чуркин Павел Филиппович родился в 1828 г. и получил морское образование. Учился в 1-м Штурманском полуэкипаже и после этого, плавал на кораблях Балтийского флота, выполняя гидрографические и лоцманские работы в Финском и Рижском заливах. В 1854 г. он участвовал в обороне Ревеля от англо-французской эскадры. В 1859 г. на корвете «Гридень», где он был штурманом, Чуркин пришел во Владивосток. Во время стоянки корабля в бухте Золотой Рог зимой 1860—1861 гг. он проводил съемку берега и промеры бухт Диомид, Улисс и Патрокл, а также астрономически определил пост Владивосток. В 1862 г. на том же «Гридне» Чуркин возвратился в Кронштадт, был произведен в поручики Корпуса флотских штурманов и в течение двух лет плавал на Балтике штурманом корвета «Витязь». Именем Чуркина в 1863 г. назван мыс на полуострове Муравьева-Амурского.

Первый из начальников Южных гаваней — Николай Шкот. Шкот Николай Яковлевич родился в 1828 г. в Костромской губернии в семье отставного офицера. Он окончил Морской кадетский корпус и в 1848 г. был произведен в мичманы. Он служил на Черноморском флоте, участвовал в обороне Севастополя, в 1855 г. был произведен за отличие в лейтенанты. В 1856 г. его перевели в Сибирскую флотилию и назначили старшим офицером парохода-корвета «Америка». На нем в 1857 г. Шкот совершил переход из Николаевска в Тяньцзинь с дипломатической миссией Е. В. Путятина. По пути он стал участником открытия

залива Владимира и описи залива Ольги. С 1858 г., командуя транспортом «Японец», Шкот плавал по русским портам Японского и Охотского морей и по р. Амур. В апреле 1860 г. он участвовал в основании первого поста в заливе Петра Великого — в Новгородской гавани. Приказом г. командира портов Восточного океана в октябре 1864 г. Шкот был назначен главным начальником в Южных гаванях, но через два года по болезни был переведен на Балтику. Шкот умер в Санкт-Петербурге 1 сентября 1870 г., похоронен на Красненьком кладбище. Именем Шкота названы мыс в заливе Ольги, остров и полуостров в заливе Петра Великого, поселок и город в Приморском крае.

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНСКИЙ ЖИТЕЛЬ ВЛАДИВОСТОКА ЯКОВ СЕМЕНОВ

Золотая приморская осень уже вступила в свои права, когда с военного транспорта «Японец», пришедшего из Николаевска-на-Амуре в Ольгу и пришвартованного к транспорту «Байкал», на берег сошли пассажиры: пять семей ссыльных поселенцев и один человек, одетый явно побогаче их, — купец Яков Семенов.

Купание мальчиков в Семеновском ковше

Семеновский ковш

Пост Святой Ольги, основанный за два года до этого, был уже крепким военным поселком. Семьи, прибывшие на «Японце», должны были основать здесь новое село, которое так и назвали — Новинка. Купец Семенов — все пассажиры уважительно называли его Яковом Лазаревичем, заметив серьезность и основательность этого человека, — приехал в Ольгу не с пустыми руками. Среди товара, который он привез с собой из Николаевска, были синяя и белая бязь, сукно, мануфактура. Торговля шла отчасти на серебро, отчасти — в обмен на соболя. Для жилья Семенову выделили в Ольге местный лазарет, благо больных в молодой поселке не было.

Ольга стала для Семенова базой торговых экспедиций. По тропам Уссурийской тайги, ведя за уздцы тяжело нагруженную товаром лошадь, корабейник обошел все восточное побережье. Немногочисленные местные жители встречали его радушно. Купец умел говорить по-китайски, и это позволяло ему находить общий язык с покупателями и успешно торговать. Бывало, Семенов привозил домой по три-четыре тысячи рублей серебром, но ему грезились другой размах. Плох тот купец, который не мечтает сделать товар из воздуха и продать его с выгодой. Так и Я. А. Семенов, видевший вокруг себя огромное богатство — дары природы, не переставал думать о том, как использовать их. Особое внимание он обратил на морскую капусту, которой

немало добывалось в окрестностях Ольги. Семенов проводил много времени на побережье, посещая места сезонного промысла ламинарии пришлыми китайцами. Купец неспеша выяснял рынки сбыта, цену и многие другие тонкости торговли. Тогда-то Семенов и сделал для себя главный вывод — надо перебраться на юг Приморья, поближе к торговым ярмаркам Китая и Кореи.

31 октября 1861 г. Я. А. Семенов с женой и синишкой появился в посту Владивосток. Начальник поста лейтенант Е. С. Бурачек выделил предпринимателю под лавку небольшую комнатку в офицерском флигеле. Но Семенова интересовала не столько торговля с солдатами и офицерами нового поста, сколько возможность попасть на знаменитую ярмарку в корейском городе Хунчун. Он упрашивал лейтенанта Бурачка сходить туда, но поддержки не нашел. Это нисколько не обескуражило Семенова, ведь рядом был еще и Китай, основной потребитель морской капусты, и для начала купец решил осесть во Владивостоке, который ему весьма понравился.

Всякое серьезное дело в те времена начиналось с покупки земли. 15 марта 1862 г. начальник поста Владивосток зарегистрировал самый первый акт ее покупки купцом Семеновым и выдал ему свидетельство. «Дано Николаевскому купцу 3-й гильдии Якову Семенову в том, что мною отведено ему для постройки дома и хозяйственных зданий, — земли в тридцати двух саженьях от офицерского флигеля к Ю. 3. по линии домов двадцать сажень и в ширину двадцать сажень, всего четыреста кв. сажень, и для покоса болотистое место на восточном берегу Амурского залива, в полутора верстах от поста, что свидетельствуется моею подписью и печатью». Это был первый документ о выделении земли в посту Владивосток частному лицу. Первый дом семьи Семеновых до наших дней не сохранился, но около этого места на Светланской улице до сих пор стоит другой дом купца, построенный в конце 1902 г. (ул. Светланская, № 44).

В 1864 г. Яков Семенович решил рискнуть: он купил у промышленников партию морской капусты и повез ее в Шанхай на зафрахтованных парусных судах. Но первый опыт оказался

неудачным. Семенов выяснил, что сбыт капусты идет в основном не на юг, а на север Китая. Пришлось купцу отправляться на английском трампе в Чифу и там, заплатив немалую сумму за страховку и пошлину, за бесценок сбыть свой товар. Но Семенов не унывал. Он готов был и сам приплатить, лишь бы разузнать все нити торговли морской капустой. И ведь узнал! Тогда же возникла мысль открыть таможню во Владивостоке. В том же году капитан 2-го ранга Н. Я. Шкот писал по этому поводу: «В южных гаванях, вверенных моему управлению, проживает с давнего времени независимо несколько племен китайцев, основавших там свои поселения до времени нашего теми гаванями владения. Эти китайцы между другими промыслами занимаются ловлею морской капусты, которую потом сбывают в Шанхай. Принимая во внимание, что подобный сбыт китайцами капусты, ловля которой производится в наших пределах, влечет ущерб казенного интереса, следует наложить на тех китайцев за право ловли капусты пошлину».

На следующий год Я. А. Семенов зафрахтовал германскую «Тэлли» и загрузил ее в Посъете капустой, заготовленной его рабочими. Этот рейс покрыл все убытки за первый неудачный опыт и дал хорошую прибыль. Простая морская капуста, которую шторм выбрасывает на берег в огромных количествах, стала поистине «золотым дном» для владивостокского купца. В том же 1865 г. Семенов вместе с напарником оборудовал на берегу бухты Золотой Рог напротив Адмиралтейского сада небольшую верфь, на которой заложил шхуну «Эмилия». Ее строил швед Фрис с солдатами местной команды и китайцами. На этом паруснике купец посещал места добычи капусты, оборудованные им на приморском берегу, а порой — дополнительный доход никогда не бывает лишним — сдавал его во фрахт портовому начальнику для доставки в Ольгу почты и небольших грузов. На своей шхуне, простой в управлении, Семенов сам был шкипером, взяв несколько практических уроков у местных моряков.

В Чифу Семенов познакомился с немецким купцом Густавом Кунстом, который торговал хлопком и шелком. Хотя дела у немца шли не блестяще, он во многом помог новому знакомо-

му. Зато спустя некоторое время уже Семенов оказал поддержку Кунсту, когда тот решил обосноваться во Владивостоке.

Несмотря на большую конкуренцию со стороны китайских купцов, дела Семенова шли неплохо. На морской капусте, агарагаре, а затем и на рыбе строилось его благосостояние. Спустя двадцать лет, обобщая свой опыт по добыче ценного морского продукта, Яков Лазаревич писал: «Что касается развития промысла и сбыта русской морской капусты в будущем, то с распространением ее в Китае и увеличением числа потребителей, на что есть некоторые данные, можно надеяться на постепенное увеличение...».

Мало-помалу Я. Л. Семенов оказался втянутым и в общественную жизнь поста Владивосток. К концу первого десятилетия поста жители сообща подали представителю местной власти — заведующему гражданской частью капитан-лейтенанту А. А. Этолину — около 70 прошений об отводе в частное владение земли во Владивостоке. Но до проведения межевых работ дело все не доходило, в основном потому, что пост не имел настоящего хозяина: военные, отслужив свой срок, возвращались на родину, не вспоминая о тех, кто остался на берегу Золотого Рога.

Меж тем Приморское областное управление послало во Владивосток землемера Почекунина, который, приступая к производству межевых работ во Владивостоке, попросил, чтобы при этом участвовал и городской староста. Он был очень удивлен, когда обнаружил, что никакого старосты во Владивостоке нет. Вот тут-то и призадумались жители молодого поста о том, что настала пора вводить общественное самоуправление. В результате горячих споров и обсуждений родился следующий документ: «1870 год, марта 27-го дня. Жители г. Владивостока как домовладельцы, так и имеющие земли, согласно заявлению г. начальника войск в г. Владивостоке, на основании параграфа 14 временных правил общественного управления во Владивостоке и п. Новгородском... избрали старосту и кандидата к старосте и постановили: всем обществом обязанности старосты возложить на купца Якова Лазаревича Семенова, а обязанности кандидата на Михаила Петрова Колесникова...» Бумагу под-

писали 30 человек, из них две женщины, десять иностранцев и православный китаец. Семь безграмотных мужиков поставили вместо подписи крестик.

Хлопотное и незнакомое дело не испугало Семенова. Мужичья хватка да коммерческая сметка позволяли ему находить выход из самых сложных конфликтов. Различные проблемы — от дел о мошенничестве и клевете до вопросов, каким быть будущему городу, — приходилось решать простому купцу, который даже не получал никакого вознаграждения за свою общественную деятельность. Многие вопросы староста предлагал рассматривать всем миром. Не редкостью в те годы были такие объявления: «1871 год, января 11 дня общественное управление во Владивостоке просит всех жителей города пожаловать завтра в 3 часа после полудни в гостиницу Арнольда для решения некоторых вопросов, касающихся города. Общественный староста Семенов». Владивосток быстро рос. В том же 1871 г. шхуна купца Филиппеуса привезла сюда из Аяна еще 250 русских поселенцев. Стали появляться первые улицы. 13 февраля 1871 г. вышло в свет распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири, которого с нетерпением ждали первые владивостокцы: 127 дворовых участков по уплате посаженных денег поступали в полное распоряжение горожан. В 1874 г. Семенов был избран старостой на новый срок. При этом городское управление в докладе начальству характеризовало его и кандидата при нем так: «...выборные в сии должности лица под судом, следствием и в штрафах не были и имеют от роду староста 39 лет, православного вероисповедования, у исповеди и св. причастия бывает ежегодно...» Через год Семенов сдал хлопотные обязанности по общественному самоуправлению первому городскому голове М. К. Федорову, а сам стал бессменным гласным в городской думе.

В 1878 г. Я. А. Семенов начал вести промысел морской капусты на Сахалине. Почти через десять лет за образцы капусты и рыб, добываемых в этом районе, Яков Лазаревич получил диплом и серебряную медаль Главной экспертной комиссии Всероссийской рыбопромышленной выставки в Петербурге. Это

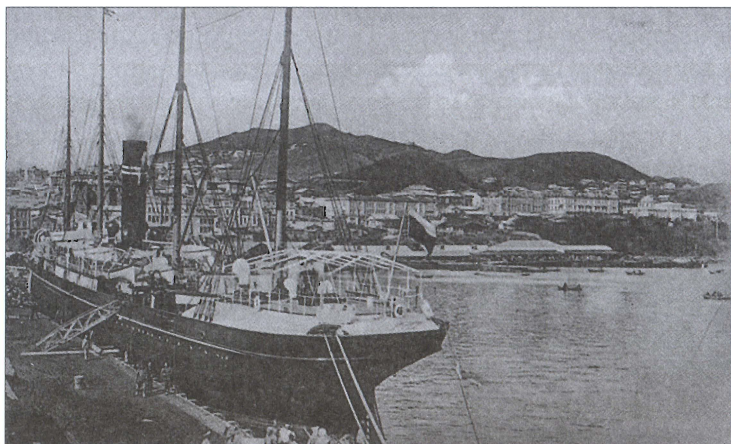
не единственная награда купца: в 1896 г. на знаменитой Нижегородской ярмарке он завоюет Золотую медаль.

Яков Лазаревич Семенов прожил долгую и счастливую жизнь. Его коммерческим начинаниям сопутствовал успех, горожане неизменно избирали его гласным, он был душой многих дел в городе: будь то юбилейные даты, праздники, благотворительные мероприятия. 23 февраля 1913 г. «первого гражданско-го жителя» и почетного потомственного гражданина Владивостока Я. Л. Семенова не стало.

ГОЛОВА ВЛАДИВОСТОКА И КУПЕЦ МИХАИЛ ФЕДОРОВ

Ул. Арсеньева, Светланская ул., № 51.

Дом, где когда-то жил первый владивостокский голова Михаил Федоров, до сих пор стоит в одном из старых районов города. Память об этом человеке нынче осталась только в названии бухты Федоровской. Хотя владивостокский купец первой гильдии, первый городской голова, один из основателей Александровских мореходных классов и Общества изучения Амур-

Коммерческая пристань (почтовая карточка)

ского края Михаил Кузьмич Федоров был незауряднейшим человеком.

Он родился в 1840 г. в Херсонской губернии. Происхождения Федоров был невысокого и поэтому службу начал в 11-м рабочем Черноморском экипаже (с 16 февраля 1856 г.). Ровно через год молодого мастерового произвели в унтер-офицеры, и Федоров перешел работать судовым механиком в компанию Днепроовско-Бугского пароходства, откуда романтика и длинный рубль сманили его на Дальний Восток. 11 июля 1866 г. его отправили служить в Амурский экипаж. На винтовой шхуне «Алеут» летом 1868-го он участвовал в боевых действиях, которые позднее получили название Манзовской войны.

Побродив по дальневосточным морям, прапорщик Федоров решил осесть во Владивостоке, благо подвернулся удобный случай. В 1871 г. он стал механиком на пароходе «Суйфун». Это судно своими размерами скорее напоминало маленький катер, да и ходило оно всего-то до реки Суйфун (Раздольная), не дальше. Эти места полюбились М. К. Федорову, и он решил остаться в Приморье и завести свое собственное дело.

После списания на берег он был определен ассессором комиссии военного суда при Владивостокском порту. Эта должность нисколько не мешала Федорову заниматься торговлей. К тому времени он успел скопить кое-какие деньжата, которых хватило на то, чтобы купить два домика с землей и открыть небольшую лавку. Он был женат на Эмилии Васильевне Ленни, дочери англичанина, жившего во Владивостоке. Их старшая дочь Елизавета родилась 25 декабря 1876 г., затем появилась на свет Анна (10 июня 1888 г.).

Михаил Федоров подхватил бразды правления у Якова Семенова и 15 февраля был избран владивостокским городским старостой. 10 декабря 1873 г. контр-адмирал Кроун утвердил его в этой должности. 30 ноября 1875 г. стал знаменательным днем в истории Владивостока: было разрешено открыть в молодом порту городскую думу. В первом отчете думы отмечалось: «Люди анализа и рефлекса получили род деятельности, которая приносит пользу тому городу, в котором находится

их материальное достояние». Отставной подпоручик корпуса механиков М. К. Федоров был избран первым городским головой, кандидатом — провизор А. К. Вальден. Первыми гласными (депутатами) Владивостокской городской думы стали: купец Я. А. Семенов, титулярный советник В. Н. Павлов, крестьянин В. Я. Кирпичников, подпоручик П. П. Должинский, действительный статский советник Б. Б. Пфейфер, мещанин А. М. Федотов, купец К. А. Школьников, капитан 1-го ранга А. К. Шефнер, поручик Ф. А. Тюлев, коллежский советник Э. П. Стеффенс, капитан-лейтенант В. М. Лавров, мещанин И. Данилов, коллежский секретарь Ф. С. Закрежевский, мещанин С. Г. Мосунов, купец Ив. И. Галецкий, купец О. А. Рейн, коллежский асессор И. О. Куркутов, надворный советник Г. К. Гусев, титулярный советник Н. И. Почекунин, крестьянин О. С. Степанов, коллежский асессор В. Е. Зимницкий, капитан М. А. Клыков, купец Е. П. Зайков, надворный советник С. А. Сидоров, коллежский советник И. М. Брусенцев, мещанин Н. Ф. Коренев, прапорщик В. С. Быковский и коллежский советник П. Е. Хомяков.

Вот какое «Клятвенное обещание» подписывали в те годы члены Владивостокского общественного собрания: «Я, нижеподписавшийся, обещаю и клянусь всемогущим Богом пред Святым Евангелием в том, что хочу и должен при подлежащем выборе в установленные должности городские, для отправления правосудия и других дел по чистой совести и чести, без пристрастия и собственной корысти, устраняя вражду и связи родства и дружбы [...]». В первый год работы городской думы ее голова Федоров заправлял всеми делами во Владивостоке. Много времени и сил он тратил на наведение порядка в городском хозяйстве, которое расширялось день ото дня. Были спланированы, проложены и капитально отремонтированы новые улицы Владивостока (Пологая, Фонтанная, Набережная, Тигровая, большая часть Светланской). Было построено и деревянное здание больницы, которая открылась 16 августа 1893 г. Затем временно М. К. Федоров передал правление городом действительному статскому советнику и военному юристу И. И. Маковскому, но

13 декабря 1887 г. он был вновь избран владивостокским головой, а затем 10 декабря 1891 г. и 14 мая 1896 г. его переизбирали на этот почетный пост.

Владивосток был одним из самых оживленных городов Тихого океана, но помимо преимуществ это создавало и проблемы. Здесь каждый год возникали эпидемии, которые привозили с собой выходцы из Китая, Кореи и Японии. В 1886 и 1890 гг. во Владивостоке свирепствовала холера, унесшая много жизней. Михаилу Кузьмичу приходилось тратить много сил на поддержание надлежащего санитарного состояния города. В те времена он был разделен на 24 участка, за которыми на общественных началах наблюдали специальные надзиратели.

Вот строчки из отчета Владивостокской думы за 1895 г.: «Первые сообщения о появлении за границей холеры получены здесь в конце марта месяца. После чего немедленно была созвана особая санитарно-исполнительная комиссия, под председательством городского головы и состоящая из членов: полицмейстера, городского и городского врачей, ветеринарного врача, аптекаря, членов управы с городским архитектором и представителей ведомств: духовного, морского (врач), военного и железнодорожного (врач). Задачей этой комиссии было указать меры к предупреждению появления эпидемии, а равно и меры к борьбе с нею в случае появления. Комиссия обратила первое внимание на количество дезинфекционных средств, на усиление надзора за проходящими судами, на устройство и снабжение всем необходимым помещений для холерных больных и приведение в возможно наилучшее санитарное состояние дворов обывателей города, затем признала необходимым просить о командировании в распоряжение города 3 врачей. Все это и было исполнено городом, о командировании же 2 врачей сделано представление. 20 июля [1895] было получено уведомление, что в Чифу холера приняла эпидемический характер, а 28 июля оказался в городе первый случай заболевания от холеры. С появления эпидемии, согласно мнения той же комиссии были сформированы санитарные отряды с фельдшерами, которые состояли при полицейских участках для поднятия заболевающих и

умерших; устроено на берегу три барака (шалаша) у Саперной казармы, Штабной пристани и вблизи дома Конторы госпиталя, в каждом бараке был фельдшер и по 2 человека прислуги и необходимые вещи, как хозяйственные, так и специально относящиеся к поданию первой помощи больному. Кроме сего в распоряжение города были командированы на время эпидемии три врача. Кроме мер, принятых городом, был еще устроен особый карантин с холерными бараками в бухте Диамид, который состоял в исключительном ведении администрации».

Городской голова Федоров бесстрашно нес свои обязанности во время эпидемии: он заходил в холерные бараки, проверял санитарное состояние самых значных мест города, заглядывал в трюмы судов, приходивших в порт Владивосток. Благодаря его усилиям, а также работе добровольных помощников, эпидемия закончилась 17 сентября 1895 г.

На своем жизненном опыте Федоров убедился, как важно во время получить соответствующие знания. Поэтому он обращал большое внимание на народное образование. 24 августа 1886 г. во Владивостоке было открыто городское училище, преобразованное в 1889—1890 гг. в трехклассное учебное заведение, с 1892 г. там было введено преподавание токарного и столярного мастерства. Долгое время почетными зрителями училища были купец первой гильдии О. В. Линдгольм и помощник Федорова, член управы А. К. Вальден. Во время праздников он устраивал показ «туманных картин» и за свой счет выставлял угощение.

Понимая, что небольшое здание училища не может вместить всех желающих получить образование, М. К. Федоров предложил построить для него и мореходных классов соответствующее здание. Дело приняло бы затяжной характер, но тут подоспело предложение купца И. М. Лангелитье купить у него новый дом, который был в те годы достопримечательностью центра Владивостока. Ныне здесь располагается владивостокская телефонная станция.

Этот дом приглядела для себя городская управа, купив за 120 тысяч рублей. Отцам города понравились два каменных пакгауза, которые примыкали к зданию. Городские архитек-

торы и инженеры Гвоздиевский и Коновалов переоборудовали помещения под классы городского училища. Вскоре сюда переехали детишки из дома Соллогуба, который арендовала для них городская управа. Кстати, в бывшем доме Лангелитье располагалась и городская библиотека имени Гоголя, ныне Приморская краевая библиотека имени Горького. Можно сказать без преувеличения, что только благодаря деятельности бывшего офицера и его единомышленников Владивосток быстро вошел в десятку лучших городов всего тихоокеанского побережья.

Энергия М. К. Федорова была ключом. Его деловая сметка и предприимчивость очень помогли развивающемуся краю. Основой коммерции Федорова стала река Суйфун — Раздольная. В 1875 г. Михаил Кузьмич построил в устье реки небольшую лесопильню и заимку, в окрестностях которой стал разрабатывать угольные копи. Купив колесный пароходик «Пионер», он совершал регулярные пассажирские рейсы по реке Суйфун, доходя до с. Никольска (Уссурийск). Вскоре Федоров приобрел четыре баржи общей грузоподъемностью 5500 пудов и тем самым расширил свое «суйфунское» дело.

Современный читатель может пренебрежительно махнуть рукой и сказать: «Разве это бизнес?» Но тогда сообщение по этой речной артерии помогло переселенцам в кратчайшие сроки заселить и освоить большую территорию Приморья, а в дальнейшем способствовало строительству отрезка Южно-Уссурийской железной дороги. Занимался М. К. Федоров и местными перевозками по бухте Золотой Рог, арендовав у фирмы «Бринер, Кузнецов и К^о» паровой катер «Дружок».

Интересы торгового мореплавания привели Федорова к мысли открыть во Владивостоке Александровские мореходные классы. 10 октября 1891 г. он стал председателем общественного комитета по организации нового учебного заведения. Михаил Кузьмич был и в числе основателей Общества изучения Амурского края. Когда у только что образованного Общества возникла необходимость где-то разместить музейные коллекции, Федоров предложил для этого свой собственный дом. Стал он и членом строительной комиссии, когда Общество присту-

пило к строительству здания музея. Он не просто помогал советом, но и выделил необходимые пиломатериалы.

19 октября 1906 г. бывший городской голова Михаил Кузьмич Федоров скончался. При его жизни небольшая улочка, где стоял дом городского головы, называлась Федоровской, но в советское время, когда старые названия были не в чести, ее переименовали в Производственную, так как на ней находился завод «Металлист». Уже после войны улица стала носить имя Арсеньева: последние годы своей жизни известный путешественник провел недалеко от дома бывшего городского головы.

ПЕРВЫЕ УЛИЦЫ ВЛАДИВОСТОКА

Многое из прошлого Владивостока сохранилось почти в первоизданном виде до сего дня, и прежде всего это кривые владивостокские улицы, то круто взбирающиеся на самые вершины окрестных сопок, то огибающие их по склонам. Немало сапог и туфелек сбили горожане на этих дорогах. На их состояние, особенно в непогоду, жаловались и местные извозчики. Владельцы немногочисленных лошадных «такси» нередко отказывались под предлогом плохого освещения ехать ночью в отдаленные районы. Их жалобы, как и сетования остальных владивостокцев, можно прочесть в архивных подшивках газеты «Владивосток».

Мальцевский овраг (почтовая карточка)

Но городские власти ничего с дорогами поделывать не могли: первый же дождь, потоками стекающий с гор, начисто смывал все попытки благоустроить улочки. Справедливости ради надо отметить, что и сами горожане не отличались чистоплотностью и нередко выбрасывали мусор чуть ли не под окна своих домов.

В то время Владивосток состоял из слободок, прототипов нынешних городских районов. Улица Светланская была проложена только до Клубного оврага, где располагалось Морское собрание (ныне Матросский клуб). Трудно поверить, но этот овраг был настолько глубок, что в слякоть его можно было преодолеть только пешком или верхом на лошади. К счастью, Клубный овраг недолго портил настроение горожанам: как только на заводе Владивостокского военного порта (ныне Дальзавод) начали строить сухой док, оттуда ежедневно привозили на подводах вынутый грунт и мало-помалу овраг засыпали.

По направлению к Гнилому Углу находилось еще несколько улиц, разбединенных между собой другими оврагами. За Клубным оврагом начиналась улица 1-я Портовая, которая шла до Жариковского оврага (ныне остановка Дальзаводская), за ним лежала улица Афанасьевская — основная улица Офицерской слободы. Это район получил такое название примерно в 1872 г., когда во Владивосток из Николаевска-на-Амуре переведена Сибирская флотилия. Офицеры сразу же облюбовали это место и занялись постройкой своих домов.

Улица Афанасьевская заканчивалась на обрыве Мальцевского оврага. В 1907 г. она стала частью Светланской. Следующей шла Экипажная улица — центр Экипажной слободы. Здесь находились казармы, столовые, хлебопекарня и прочие постройки Сибирского флотского экипажа. Эта слобода тянулась до широкого оврага Гайдамак, получившего имя от клипера «Гайдамак», экипаж которого, вероятно, принимал участие в благоустройстве участка.

Афанасьев (Афонасьев) Дмитрий Матвеевич родился 28 января 1828 г. в Херсонской губернии. Морской офицер. Мичман с 1849 г. В 1858 г. пришел в Николаевск-на-Амуре вахтенным начальником

корвета «Боярин», затем плавал на пароходо-корвете «Америка». Временно исполнял должность начальника штаба Сибирской флотилии и портов Восточного океана (1859—1862), затем служил на Балтике. Капитан-лейтенант с 1858 г. 22 марта 1871 г. переведен в Сибирскую флотилию и назначен начальником штаба главного командира портов Восточного океана. Капитан 2-го ранга с 1873 г. 24 ноября 1875 г. переведен в Балтийский флот. Сотрудник газеты «Восточное Поморье». Умер после 1879 г.

За оврагом Гайдамак шла улица Поротовская, около которой в сопках то там, то здесь были выстроены неказистые домики Матросской слободки, бывшей Артиллерийской. К морю от нее тянулись постройки Морского госпиталя с госпитальной пристанью. Для того чтобы попасть из центра города в госпиталь — единственное медицинское учреждение того времени, — было проще проехать берегом Золотого Рога мимо портовых мастерских. В этом районе была только одна благоустроенная улица — Шефнеровская. Это название она получила по имени командира транспорта «Манджур» Алексея Карловича Шефнера, который долгое время служил во Владивостоке. Рядом с Поротовской улицей были построены дома для врачей и фельдшеров Морского госпиталя, отчего район и стал называться Докторской слободкой.

Только к 1895 г. через овраги Владивостока были проложены мосты, и город получил грунтовку до Луговой. Через несколько лет все улицы были соединены под одним названием — Светланская. Выполняя указы жителей, почти круглый год владивостокская управа занималась благоустройством города и производила капитальный ремонт улиц. Особое внимание обращалось на центральные — Светланскую, Китайскую и Алеутскую. Во многих местах срезались откосы и засыпались ямы. Владивостокцы частенько поругивали отцов города: для производства ремонтных работ улицы надолго закрывались и проехать гужевому транспорту по ним было невозможно.

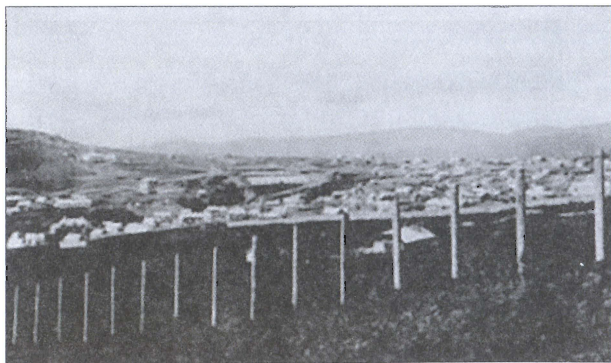
К концу века стали во Владивостоке появляться и капитальные дома. Уже был выстроен дом военного губернатора (ул. Светланская, № 52) и закончилось строительство здания для командира владивостокского порта (Дом офицеров ТОФ). Рядом с ним еще виднелся неказистый домик первого жителя Владивостока Якова Семенова, но уже украшали Светланскую улицу здания Торгового дома Кунста и Альберса.

ОНИ ЗАСЕЛЯЛИ КУПЕРОВСКУЮ ПАДЬ

Остановка «Комсомольская»

Купер Александр Карлович — предприниматель, купец 1-й гильдии. Американец. Брат Генриха Купера. Владелец Гранд-иллюзиона. Принял российское гражданство 6 апреля 1896 г. Действительный член ОИАК с 25 января 1900 г. Благотворитель. Скончался в 1911 г. во Владивостоке. Именем Купера названы мыс и район Владивостока (Куперова Падь).

Купер Александр Карлович — сын К. Г. Купера, предприниматель. Родился 21 июля 1874 г. во Владивостоке. Учился в Японии в английском колледже и в США. Занимался коммерческой деятельностью в Харбине и во Владивостоке. Участник Русско-японской войны. Жил в эмиграции в Японии (с 1921 г.)

Куперовская падь (почтовая карточка)

и в Харбине (с 1923 г.), где был домовладельцем. Умер после 1941 г.

Купер Генрих (Генри) Карлович — брат А. К. Генриха. Американец. Приняв российское гражданство, жил во Владивостоке с 1864 г. Владел земельными участками между улицами Американская (Светланская), Китайская (Океанский проспект) и Пекинская (Адмирала Фокина) и другими. Сдавал их в аренду. Имел несколько трактиров и гостиниц.

Купер Карл Генрихович — предприниматель. Гражданин США. Жена — китаянка Мария. Владелец участков на м. Песчаном (с 11 июля 1874 г.) и на Угловом п-ове (Де-Фриза — с 8 июля 1874 г.).

ВОКЗАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ: СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО, ИЛИ КАК ПООБЕДАЛ С. МОЭМ

Железнодорожный вокзал Владивостока и площадь.

Визитной карточкой любого города является вокзальная площадь. Во Владивостоке она видела сановных особ и последнего императора Российской империи, всероссийского старосту Калинина и отца перестройки Горбачева, на ней появлялись

Владивостокский вокзал (почтовая карточка)

ходоки из западных губерний России в поисках новых земель на далекой окраине, сюда из Кореи привезли прах матросов-варяжцев, в Гражданскую на ней раздавались выстрелы, и здесь же принимали Народно-освободительную армию Иеронима Уборевича. Тлен времени почти не коснулся Вокзальной площади: обветшалые здания вовремя сносились, на их месте строились новые, не нарушая архитектурной гармонии этого оживленного места. Удивительно, но довольно мирно здесь уживаются памятник Ильичу и восстановленный на коньке здания вокзала двуглавый орел.

На заре жизни Владивостока в начале улицы Алеутской, там, где сейчас трамвайное кольцо, находились казармы железнодорожного батальона. Рядом с ними стояло небольшое, но крепкое здание штаба Владивостокской крепости, возведенное в 1894 г. На его месте теперь стоит Владивостокский прижелезнодорожный почтамт. В то время, когда закладывался город, недалеко от этого места располагались портовые мастерские и небольшой сухой док. Отцы города решили было построить в 1897 г. на берегу бухты набережную, но не достроили: то ли из-за отсутствия денег в казне, то ли из-за более насущных потребностей. Вокзальная площадь была спроектирована уже во время строительства железной дороги, то есть в 1891 г. На площади часто можно было видеть фаэтоны или ломовиков, но в дождь она оказывалась непроходимой. Немало барышень и их кавалеров попортили здесь свои наряды. Впрочем, мужчин выручали высокие сапоги и галоши.

Алеутскую улицу пытались несколько раз мостить, но безуспешно — потоки воды, несущиеся с сопки во время дождя, сводили на нет все усилия. Только после строительства вокзала и прокладки трамвайных путей положение изменилось. Площадь стали мостить небольшими гранитными кубиками, которые укладывались на цемент. Гранит доставляли из Японии, а позднее его стали ввозить из каменоломен Русского острова.

Сейчас Вокзальную площадь невозможно представить без трамваев. Были они здесь и в далеком прошлом, правда, совсем не такие, к каким привыкли мы. Трамвайный вагон начала века

имел два мотора и мог одинаково успешно двигаться как вперед, так и назад. Вагоновожатый просто перебрасывал электрическую дугу и переводил стрелку в обратном направлении. Все трамваи были тогда одинарными, прицепных вагонов еще не было. Плата за проезд разделялась на два класса.

...19 мая 1891 г. стал днем рождения Транссиба. Эта дата связана с приездом во Владивосток цесаревича Николая. В тот день состоялась церемония закладки железнодорожного вокзала. На серебряной доске, которую положил цесаревич Николай в фундамент рядом с первым камнем, было написано: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. В лето от Рождества Христова 1891, месяца мая 19-го, в благополучное царствование его императорского величества государя самодержца всероссийского Александра III, в городе Владивостоке заложен сей первый камень строящегося конечного участка Сибирской железной дороги...»

О следующем важном событии в истории Вокзальной площади возвестили выстрелы, прозвучавшие в период Первой русской революции.

Немногие любители творчества знаменитого английского писателя Сомерсета Моэма знают, что в августе 1917 г. он провел один бездельный день во Владивостоке, пробираясь окольными путями из Лондона в Петроград. В то время будущий писатель под псевдонимом Somerville служил агентом английской разведки. 18 июля 1917 г. Моэм получил 21 тысячу долларов для субсидирования партии меньшевиков и покрытия его собственных расходов в поездке. Через десять дней на пароходе он отправился из Сан-Франциско в Йокогаму, а оттуда — во Владивосток. О своем пребывании во Владивостоке С. Моэм написал очень мало. Так, в романе «Эшенден», опубликованном впервые в 1928 г. и переведенном на русский язык в 1992 г., он писал: «Поезд отходил в полночь, и Эшенден (этот роман автобиографичен, и в образе Эшендена С. Моэм описал себя. — *Примеч. авт.*) пообедал с Бенедиктом в вокзальном ресторане, который, похоже, был единственным местом в этом невзрачном городе, где можно было прилично поесть. Там было полно народа; обслуживали же клиентов невыносимо медленно».

В автобиографии писателя-шпиона, которую он назвал «Космополитяне», было отмечено, что во владивостокском ресторане он заказал себе водку и закусил борщом. Обслуживание было самое отвратительное, и сосед Моэма, говоривший по-английски, сказал ему: «С приходом революции ждать в ресторане придется бесконечно!»

После ужина С. Моэм отправился на перрон, где решил подождать посадки на поезд. «Целые семьи сидели на своих вещах, — писал он, — казалось, они расположились здесь лагерем уже давно. Люди метались взад и вперед или, собравшись небольшими кучками, о чем-то ожесточенно спорили. Женщины визжали пронзительными голосами. Неподалеку двое мужчин злобно бранились и наседали друг на друга. Вся картина производила впечатление какого-то вселенского хаоса. Свет на перроне был слабый и мертвенно-бледный, и белые лица всех этих людей напоминали лики ожидающих Страшного суда покойников — спокойных или разъяренных, обезумевших от горя или кающихся».

Попытка британских спецслужб субсидировать российских меньшевиков для продолжения войны закончилась, как известно, провалом. А блестящему писателю посещение, хоть и недолгое, России дало пищу для новых произведений.

АЛЕУТСКАЯ УЛИЦА И ПАМЯТНИК В ЯПОНИИ

У подножия горы Самбонсунги в окрестностях небольшого современного японского городка Сэтана на возвышенном месте стоит строгий и красивый каменный обелиск. На японском и русском языках на нем написано: «Памятник погибшим морякам потерпевшего бедствие русского военного корабля “Алеут”». С этого места открывается широкая панорама Японского моря, за которым осталась родина похороненных здесь людей.

...18 октября 1877 г. шхуна Сибирской флотилии «Алеут» под командованием капитан-лейтенанта Сергея Крашенинникова снялась из Императорской гавани на Владивосток. По пути

Памятник русским морякам, погибшим на корабле «Алеут»

судно прихватил сильный циклон, который отбросил «Алеут» к Хоккайдо, и 7 ноября шхуну выбросило на песчаный берег. Уже по темноте японцы отвели русских моряков в селенье Сетанай, лежащее в шести верстах от места крушения шхуны. Здесь морякам выделили большой дом, внутри которого на глиняном полу по японскому обычаю горел огонь. Моряков поджидал горячий зеленый чай и теплое саке, что тоже было, по общему мнению, весьма кстати.

Деревушка, куда волею судьбы попали «алеутцы», была бедной, люди в основном занимались рыболовством и добычей морской капусты. Жители Сетаная по-доброму относились к морякам, и это прежде всего проявлялось в помощи продовольствием. Когда моряки сказали, что одной курицы на всех мало, селяне стали доставлять по две. А когда в деревушке иссяк запас курятины, то за ней стали посылать в соседнюю деревню. Для населения Сетаная было весьма чувствительным появление лишних шестидесяти ртов, да еще каких! Но никто не выражал недовольства, напротив, при встрече с моряками японцы под-

нимали ко лбу сложенные ладони и отвешивали церемонные поклоны.

В конце ноября к Сетаная подошел клипер «Абрек» и забрал на борт часть людей. Разыгравшаяся непогода заставила судно уйти, не выполнив полностью задачу, и только на следующий год сюда пришла шхуна «Ермак» под командованием 34-летнего лейтенанта Б. К. Деливрона. Но таким уж злополучным местом оказалось это японское побережье, что и на этот раз не обошлось без беды. При подходе к шхуне баркас «Ермака» перевернуло волной, и 13 человек погибли. Найти удалось только восемь трупов, их-то и похоронили здесь же на берегу.

Прошло много десятилетий. Буддийский храм Тэймэди, около которого лежали русские моряки, окончательно обветшал, да и холмики, поросшие травой, сравнялись с землей. Настоятель храма Мацудзаки Киемицу беспокоился о могилах. Ответственный секретарь общества Япония — СССР в Хакодате решил было перенести останки моряков на иностранное кладбище в своем городе, но тут возразили местные жители, которые решили воздвигнуть в районе горы Самбонсунги около города Сэтана памятник. Как позднее один из них писал: «Погибшие догадываются, что близкие чтят их память, однако нетрудно представить, что их души теряют связь с родственниками, они забываются и уходят в небытие». Деньги собирали со всего Хоккайдо, в 1971 г. состоялся перенос праха русских людей, а еще через год, в сентябре, на братской могиле установили красивый памятник. В предисловии к буклету, который был издан в честь этого события, мэр г. Сэтана Сасаки Есихару написал: «Данный памятник, поставленный в память погибших членов экипажа “Алеут”, создан на средства, собранные местными жителями, готовыми во имя добрососедства прийти на помощь терпящим бедствие на море».

Интересно, что японцы запросили через советское посольство в Токио сведения о крушении шхуны «Алеут» и поинтересовались фамилиями погибших русских моряков, которые хотели нанести на монумент. Чиновник из Генштаба формально отнесся к этому запросу и после недолгого раздумья написал,

что такие сведения не сохранились. На самом деле в Российском государственном архиве Военно-морского флота в Санкт-Петербурге хранится объемистое дело об этом событии, где детально описаны все факты давней трагедии. Известны сегодня и имена погибших у японского берега моряков.

Существует легенда, что нынешнюю улицу Алеутскую во Владивостоке проложили моряки со шхуны «Алеут», в связи с чем она и получила это имя. Теперь же мы знаем, что прах восьмерых из этих строителей лежит в соседней стране, и если кому-либо из современных русских мореплавателей доведется побывать в Сэтана, пусть он наведается к горе Самбонсунги и возложит цветы к их братской могиле.

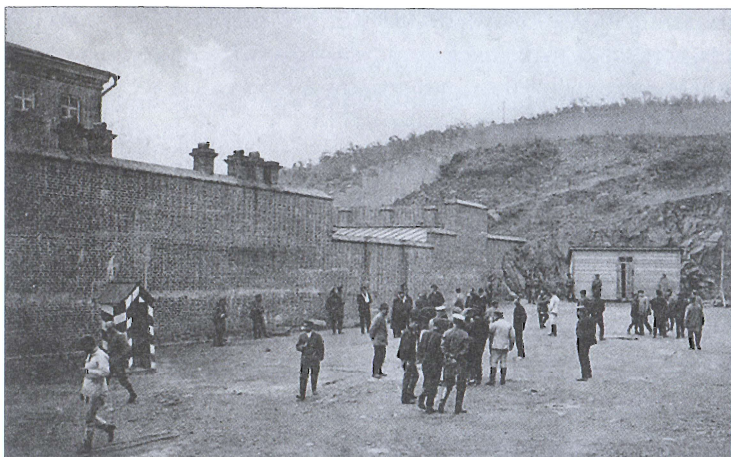
ПЕРВАЯ РЕЧКА, ИЛИ ПАМЯТЬ О НОБЕЛЕ

Уткинская (Последняя) ул., Покровский парк и собор, железнодорожное депо (Военное шоссе), нефтеналивной причал, здание бывшего Первореченского народного дома, место закладки Транссиба, Уткинская ул., № 9 (дом семьи Сибирцевых)

Сегодня многие владивостокцы побаиваются заходить с наступлением темноты в некоторые городские микрорайоны. Было так и в прошлом. Мало какой околоточный, не говоря уж о простых горожанах, рисковал вечером появляться в районе Каторжанки. Название это говорит само за себя. Не в пример власть имущим, народ очень метко дает названия городским районам.

В прошлом веке чертой, за которой заканчивался город, была улица Последняя (ныне Уткинская). За ней размещались кладбища разных конфессий, о чем сегодня напоминает Покровский парк. Далее уже начиналась дикая тайга, любимое место владивостокских охотников и местных преступников.

Как иногда случается и сегодня, в прошлом были нередки случаи самозахвата земли. По мере развития города в районе Первой Речки среди сопок стали появляться неприязнатель-

Здание полицейского управления (почтовая карточка)

ные на вид домики, срубленные из местного леса. Их хозяевами были в основном бывшие ссыльно-каторжные, приехавшие с Сахалина, или же те рабочие, которые решили остаться во Владивостоке после окончания строительства Транссиба. Каторжных, видимо, было больше, потому что среди местных жителей этот район стал называться «Каторжанкой».

Первым промышленным предприятием на Первой речке стала паровая мельница, построенная в 1879 г. Рядом с ней появились дома для ее рабочих. Еще через десять лет на берегу бухты Первая речка был построен пивоваренный завод Рика. Он находился в районе озера Чан (Юность). Забегая вперед, надо отметить, что в 1930 г. это предприятие было передано нефтебазе.

Всем известен мыс Кунгасный. Когда-то около него находилась лесопилка обрусевшего француза Монсе, в советское время переименованная в завод «Кунгас», так как там строили лодки-кунгасы для приморских рыбалок. Это судостроение началось еще в 1887 г. 7 октября спустили на воду деревянную парусную баржу «Семга», грузоподъемность которой оставила 12 тысяч пудов. Интересно, что это судно, как и предыдущее, было построено из приморского леса по заказу компании Бринера для

плаваний по Амурскому заливу. Кстати, неподалеку от этого места, чуть ниже нынешнего корпуса филологического факультета ДВГУ, состоялась закладка Транссиба, участие в которой принимал будущий император Николай II.

В 1893 г. начали строиться железнодорожное депо и станция Первая Речка. В основном там трудились китайцы, известные мастера-камнетесы. Вследствие дешевой рабочей силы каменные дома в те времена стоили чуть дороже деревянных.

В начале века в новом городском районе появились отставные уральские казаки, которые занялись извозом. Вместе с осевшими каторжанами, которые к этому времени приобрели положение, они предложили городским властям переименовать район, включенный к тому времени в зону города. Дума с пониманием отнеслась к этому обращению. На своем заседании 12 ноября 1902 г. гласные постановили: «Г. Приамурский генерал-губернатор при рассмотрении дела по прошению жителей слободки на Первой Речке об укреплении за ними в собственность занятых ими земельных участков высказал, между прочим, желание изменить название слободки Каторжная ввиду неудобства сохранения такого наименования за частью г. Владивостока в обиду теперешним обитателям этой слободки. Ввиду изложенного управа полагала бы изменить нынешнее название слободки Каторжная и наименовать ее Новинка, на что и испрашивает разрешения городской думы. Постановлено наименовать слободку Первая Речка». Тогда же управление железной дороги проложило водовод от Первой Речки в город.

Первая Речка быстро стала промышленной зоной Владивостока. В начале века здесь работало три мыловаренных завода, выпускающих в месяц до пяти тысяч тонн мыла. Очень много было построено и складов. Отсюда купец Скидельский отправлял лес на экспорт. Из Европы по железной дороге сюда приходили товары для всех предпринимателей. В 1914 г. на Первой Речке появилась конфетно-макаронная фабрика братьев Ткач, ныне здесь размещается акционерное общество «Приморский кондитер».

Владивостокская тюрьма (почтовая карточка)

Немало споров и шумных дискуссий ныне вызывает существование на Первой Речке Владивостокской нефтебазы, а начало ей положил купец первой гильдии Отто Линдгольм. В 1895 г. он построил здесь керосиноочистительный завод, а затем поставил большие металлические цистерны. Предприниматель устроил также подвесную дорогу к железнодорожной станции и проложил небольшую железнодорожную ветку. Предприятие было успешным, но старый О. В. Линдгольм был вынужден в 1902 г. продать его знаменитым братьям Нобелям.

В старые времена на Первой Речке размещалось много воинских частей и складов. Здесь были казармы 1-го и 4-го артиллерийских полков и саперного батальона. По другой версии, здесь располагались палатки воинских частей, размещавшихся на весенне-летне-осенний период, — для отработки приемов боя и тренировок. Именно по этой причине один из мысов и получил название Лагерного.

Культурным центром нового района сначала был филиал библиотеки имени Гоголя, открытый здесь в 1916 г. Церковь же была построена за десять лет до этого. Первая начальная школа открылась в 1907 г., тогда же была организована и местная амбулатория. Большим событием в культурной жизни этой части города стало открытие Первореченского народного дома (Океанский проспект, № 88) 22 июля 1917 г.

Рик Адольф Петрович (Riesck, Adolph Peter) — предприниматель, пивовар. Немец. Родился 26 октября 1851 г. Жил во Владивостоке с 1881 г. Купец 2-й гильдии. Арендатор пивного завода у Я. А. Семенова. Гражданин России с 5 сентября 1902 г.

Уткин Петр Васильевич — участник 1-й русской революции. С 1917 г. — член Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов и редактор его органа — газеты «Известия», также редактировал «Красное знамя». Уполномоченный Временного правительства Приморской земской управы по переговорам с японцами. 19 июня 1920 г. убит белыми в поезде на ст. Иман.

РАБОЧАЯ СЛОБОДКА

Остатки Рабочей слободки во Владивостоке видны и сегодня. Хотя официально это местечко сейчас так не называется, многие горожане хорошо его знают именно под этим именем. Начало Рабочей слободке положило завершение Русско-японской войны, когда часть демобилизованных решила осесть во Владивостоке. Матросская слободка, где обычно селились в то время матросы, была к тому времени перенаселена, а потому вновь прибывшим пришлось обживать склоны сопки Буссе с другой стороны.

В 1906 г. городская управа решила узаконить новый район, и местный землеустроитель А. К. Поротов размежевал с севера на юг десять улиц, получивших название Рабочих, а улицы, протянувшиеся на восток, были названы Камчатской, Тобольской, Центральной, Селенгинской, Зейской, Аргуньской, Ботанической и Шилкинской. Образовались там и переулки: Горный, Крайний и Короткий. Всего архитектор нарезал 84 участка для застройки жилыми домами общей площадью 350 квадратных саженей. Благоустраивая район, городские власти проложили дорогу между Матросской и Рабочей слободками.

Отцы города не оставили без внимания социальную инфраструктуру нового городского района. Центром слободки стал

Рабочая слободка (почтовая карточка)

Работный дом, построенный в 1908 г. Безработным там помогали подыскать работу и на первое время предоставляли бесплатное жилье. В трех корпусах Работного дома могло одновременно жить около 400 человек. Здесь также были небольшой детский сад и больница, а вскоре неподалеку в доме Леонова открылась и начальная школа.

У жителей Рабочей слободки было тем не менее много проблем. В дождь размывало плохонькие грунтовые дороги, а в сухую погоду мельчали колодцы, которых было недостаточно. Люди жаловались и на плохое освещение. По всей слободе насчитывалось всего восемь фонарей системы Люкс, которые висели только у Работного дома и школы. Более сотни домовладельцев подписали петицию губернатору, в которой просили увеличить количество фонарей, отремонтировать дороги и вырыть новые колодцы. 5 октября 1912 г. газета «Далекая окраина» писала: «Уже семь лет прошло, как основалась Рабочая слободка. В настоящее время в ней насчитывается 100 домов. Имеется школа, амбулатория, но до сих пор не устроено ни одной улицы, по которой можно было бы пройти или проехать без ущерба. Овраги, сопки, косогоры, рытвины встречаются на каждой улице, и, кроме того, все они покрыты таким множеством больших и малых камней, что, в полном смысле, нет такого места, где можно было бы ступить, не попавши на камень. В не-

настную погоду все улицы покрываются непроходимой грязью. О каких-либо тротуарах нет и помина». Власти на это отвечали, что фонари часто бьют или просто крадут, и обещали заняться благоустройством, но, как это бывает часто и сегодня, все осталось по-прежнему.

Рабочие районы России всегда находились под пристальным вниманием социал-демократов, в этом отношении не была исключением и Рабочая слободка. Здесь всегда находили приют агитаторы и те, кто имел проблемы с властями. Во время Гражданской войны здесь существовало немало явочных квартир, и многие обитатели слободки симпатизировали большевикам.

Культурная жизнь Рабочей слободки не прекратилась и во время братоубийственной войны. Именно там нашел себе пристанище по приезду во Владивосток и «отец русского футуризма» Давид Бурлюк. Летом 1919 г. он с семьей жил в небольшой заброшенной парикмахерской. 23 июля 1920 г. он отметил 25-летие своей творческой деятельности. Пока поэт-художник не уехал в 1920 г. в Японию, он устраивал здесь свои персональные выставки. Естественно, его посетителями был не простой люд слободки, а друзья-поэты, которых судьба забросила на далекую окраину. Жаль, что сегодня уже не найти этого места.

Не так давно большой популярностью пользовались во Владивостоке фирменные рыбные магазины «Океан», а впервые это название появилось здесь в 1921 г., когда в Рабочей слободке был открыт винокуренный завод товарищества «Океан», изгородь которого выходила на Центральный проспект. Его проектная мощность была около 70 тысяч ведер спирта в год. После окончания Гражданской войны завод переоборудовали, и он стал выпускать рыбные и овощные консервы. В 1925 г. к этому предприятию присоединили бывший пивоваренный завод «Ливония». Первым директором его стала Екатерина Прозоровская.

В начале тридцатых годов район Рабочей слободки значительно расширился. Перемены коснулись и названия улиц. Ботаническая, например, стала улицей Всеволода Сибирцева, а Центральный проспект — проспектом Красного Знамени. В 1927 г. началась прокладка одноколейной трамвайной линии от Пер-

вой Речки до 3-й Рабочей, района бывшего завода Ливония. На эту работу было привлечено много горожан, неоднократно устраивались и субботники по строительству мостов в Голубиной пади (их было два), а также по засыпке оврагов. В октябре 1928 г. строительство трамвайного пути было закончено.

Многэтажные дома, заполнившие этот район сегодня, скрыли, к сожалению, все достопримечательности Рабочей слободки, сохранив лишь названия некоторых старых улиц.

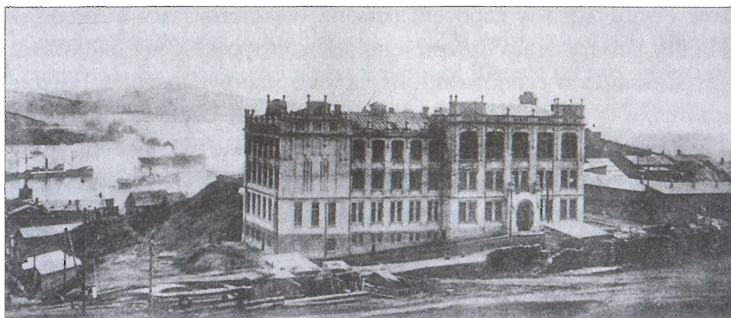
Бурлюк Давид Давидович — поэт-футурист. Родился 9 июля 1982 г. в Харьковской губернии. Был участником организации дальневосточной группы футуристов во Владивостоке. В августе 1920 г. уехал в Японию, а в сентябре 1922 г. — в США. Умер 15 января 1967 г. в Нью-Йорке.

Сибирцев Всеволод Михайлович — революционер. Родился в 1893 г. Учился в Петроградском политехническом институте. В 1917 г. окончил военно-инженерное училище, прапорщик. С марта 1917 г. был секретарем исполкома Владивостокского совета. Участник партизанского движения. С января 1920 г. — комиссар Владивостокского гарнизона, затем стал членом Военного совета Временного правительства Приморской областной земской управы. 5 апреля 1920 г. арестован. Убит белыми в 1920 г.

УЛИЦА НАГОРНАЯ-СУХАНОВА

Главный корпус Дальневосточного государственного университета (ул. Суханова, № 6), бывшее здание Совнаркома и музей-квартира семьи Сухановых (ул. Суханова, № 9)

Порой архитектором владивостокских улиц становилась сама матушка-природа, заставлявшая их карабкаться вверх на вершины сопок или причудливо извиваться по склонам. Вот и

Коммерческое училище (почтовая карточка)

улица Нагорная, ныне Суханова, получила свое первое имя от жителей, которым приходилось подниматься на сопку «Орлиное гнездо» со стороны Светланской. Нагорная брала начало от улицы Суйфунской (Уборевича) и тянулась до ул. Ключевой, на которой располагалась кирха. Несмотря на большую протяженность, на ней стояло чуть больше десятка домов. Улица Нагорная была одной из самых спокойных улиц Владивостока. Поэтому ее облюбовали для своих прогулок местные спортсмены-велосипедисты, боявшиеся, как черт лаdana, первых автомобилистов и лихачей-извозчиков. В 1903 г. на Нагорной устроили велосипедный трек, первый на Дальнем Востоке.

Оживление улицы началось в 1910 г. и было связано со строительством Коммерческого училища. Автором проекта этого красивого здания, в котором ныне размещается главный корпус Дальневосточного государственного университета, был архитектор С. А. Венсен. В годы Гражданской войны студенты потеснились, и в здании училища работало Народное собрание. Одно время располагались в нем и знаменитые каппелевцы, которые, впрочем, не мешали местным поэтам-футуристам устраивать там же свои вечера. Университет разместился в этом здании уже после окончания Гражданской войны.

Свое нынешнее название улица получила благодаря тому, что действительный статский советник Александр Васильевич Суханов купил в 1896 г. стоящий на ней небольшой дом. Здесь провел свои юные годы его сын Константин, который чуть мень-

ше года был председателем Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов. В 1927 г., когда отмечалось первое десятилетие Октябрьской революции, было решено переименовать улицу в память погибшего большевика. В 1968 г. в небольшом уютном сквере был открыт и памятник К. А. Суханову.

Тридцатые годы оставили свой след на улице Суханова. В аудиториях университета, закрытого к тому времени, разместилось Приморское управление НКВД, а рядом были построены дома для офицеров этого ведомства, стяжавшего ужасную славу. В пятидесятые годы университет вернулся в здание бывшего Коммерческого училища, и очевидцы рассказывали, что стены его подвала хранили выцарапанные надписи, свидетельствовавшие о последней воле их авторов.

Хрущевские реформы оставили о себе память зданием Союзархоза, построенного архитектором Рабиновичем в 1955—1960 гг. Через пять лет рядом появилось здание факультета механизации ДВПИ, а еще через пять лет взметнулся девятиэтажный жилой дом.

Время «перестройки» напоминает о себе могилой графа Н. Н. Муравьева-Амурского, прах которого перевезли во Владивосток из Парижа. Претерпело изменение и отношение горожан к революционеру Константину Суханову. Теперь вспомнили, что его отец, вице-губернатор Приморской области А. В. Суханов, был государственным деятелем, и экспозиции музея К. Суханова, открытого еще 2 декабря 1977 г., посвятили всей семье Сухановых.

Суханов Александр Васильевич родился 15 августа 1863 г. Воспитанник Благовещенского духовного училища. В службу вступил 12 сентября 1878 г. канцелярским служителем II разряда Забайкальского областного правления. Был секретарем Николаевского-на-Амуре городского полицейского управления (с 7 июля 1882 г.). Неоднократно поощрялся за поимку преступников. После перевода в Приморье Суханов занимал различные должности в Приморском областном управлении: был правителем путевой кан-

целярии военного губернатора (с 9 мая 1884 г.), приставом Посьетского участка (с 9 апреля 1889 г.), окружным начальником Южно-Уссурийского округа (с 15 января 1890 г.) Цесаревич Николай высказал ему «благодарность за отличное состояние дорог и порядок в округе». При этом Суханов был награжден золотыми именными часами и получил в подарок портрет (24 мая 1891 г.) В последующие годы он был следователем по делу о краже 350 тысяч рублей из Владивостокского казначейства (1891—1892), исполнял дела заведующего переселенческим управлением Южно-Уссурийского края (14 октября 1895 — 27 июля 1896 гг.), старшим советником Приморского областного правления (с 29 июля 1895 г.), неоднократно исполнял обязанности губернатора Приморской области. В отставку А. В. Суханов ушел 31 октября 1910 г. в звании действительного статского советника. С 1896 г. состоял членом Общества изучения Амурского края. Избирался председателем общества сельских хозяев и был редактором журнала «Приморский хозяин» (с 11 февраля 1916 г.). Умер во Владивостоке в 1921 г.

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ ПУШКИНСКОЙ УЛИЦЫ

Улица Пушкинская — одна из самых приятных, сохранивших исторический колорит улиц Владивостока. Она тянется параллельно Светланской по склонам сопок. Трудно представить, но первые владивостокцы застали это место сплошь изрезанным глубокими оврагами. Один из них, ближайший к центру, носил имя поручика артиллерии Машкина, так его и называли — Машкин овраг. Около него в 1861 г. были построены знаменитые гридненские казармы. Здесь же была возведена и первая владивостокская церковь — Успенская. Около этой церквушки в 1872 г. во взятом в аренду шестикомнатном доме расположился переведенный из Николаевска-на-Амуре военно-морской

госпиталь, и улица стала называться Госпитальной. Была она короткой — чуть больше длины самого госпиталя.

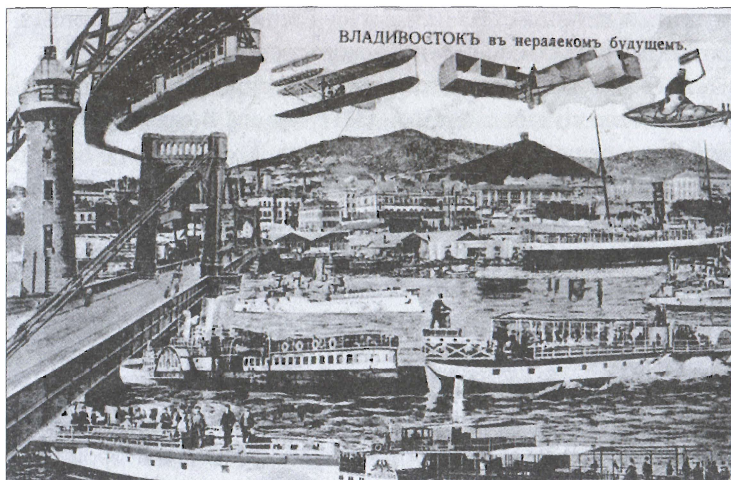
В 1887 г. во Владивостоке торжественно отмечалось пятидесятилетие со дня смерти А. С. Пушкина. В связи с этой датой было решено переименовать улицу Госпитальную в Пушкинскую, тем более что в это время госпиталь переместился в другое место, туда, где находится и поныне. Примерно тогда же Машкин овраг был переименован в Клубный, так как на берегу бухты Золотой Рог, куда выходил овраг, было построено здание Морского собрания.

Сразу же за оврагом начиналась улица 1-я Портовая, которая являлась продолжением Светланской. Параллельно ей, выше по склону, тянулась Вторая Портовая, которую продолжала улица Лазаревская. В 1907 г. Пушкинскую соединили со Второй Портовой, а через три года Владивостокская городская управа решила добавить к ним и Лазаревскую под общим названием — улица Пушкинская. Новая улица протянулась вплоть до Жариковского оврага, то есть до начала Офицерской слободки (ныне остановка «Дальзаводская»).

Рядом с памятником А. С. Пушкину, который уже снесли, находится оригинальное здание, в котором размещается художественное училище. Оно было построено за два года в 1947 г.

Успенский собор (почтовая карточка)

Мост через бухту Золотой Рог (почтовая карточка)

на фундаменте разрушенного православного собора. Архитектор А. И. Порецков, которому посвящена мемориальная доска на фасаде, спроектировал здание так, что оно напоминает снеженный храм. Первое время дом использовался под жилье, а в 1963 г. в нем разместилось училище.

Сейчас здесь воздвигают громадный мост через бухту Золотой Рог.

ДОМ НИКОЛАЯ СОЛЛОГУБА, ГДЕ НАЧИНАЛАСЬ ВЛАДИВОСТОКСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

Пушкинская ул., № 7

Кирпичный двухэтажный жилой дом с трехэтажной башней, который находится в начале ул. Пушкинской, напоминает средневековый замок. Что ж, в те времена, когда он был заложен, во Владивостоке жилось беспокойно. Даже в центре города пошаливали хунхузы или промышляли грабители-убийцы, так что обитатели Владивостока имели все основания строить

дома-крепости. Владелец дома-замка был основатель первой владивостокской газеты Николай Варламович Соллогуб. 14 ноября 1881 г. он был утвержден в должности редактора-издателя газеты «Владивосток».

37-летний редактор не был журналистом по профессии. Он окончил Саратовскую гимназию и курсы телеграфистов. Летом 1880 г. Николай Соллогуб приехал на Дальний Восток переводом с Московского центрального телеграфа в штаб главного командира портов Восточного океана. Именно в ту пору Соллогуб смог приступить к осуществлению самой большой своей мечты — стать не только профессиональным журналистом, но и редактором собственной газеты. Сделать это было совсем непросто, но помог крепкий характер, а также то, что идею Соллогуба поддержало местное начальство.

В 1882 г. Н. В. Соллогуб на пароходе Добровольного флота «Москва» отправился из Владивостока в Одессу, чтобы закупить необходимое типографское оборудование. Казалось, главные трудности были уже позади, но судьба распорядилась иначе: у берегов Африки «Москва» потерпела кораблекрушение. Благодаря выдержке и находчивости Соллогуба удалось спасти весь экипаж и пассажиров. Наградой ему за это стала Золотая медаль на Владимирской ленте «За спасение погибающих», которой он гордился всю свою жизнь. Тогда же, в Одессе, на балу

Дом первого редактора газеты «Владивосток» Н.В. Соллогуба

Николай Соллогуб познакомился с юной гимназисткой Соней Андрущенко, ставшей его спутницей жизни. У супругов родилось пятеро детей: Георгий, Вера, Ольга, Анатолий, Александра.

17 апреля 1883 г. шустрые мальчишки — разносчики газет наперебой предлагали прохожим первый номер газеты «Владивосток», а вскоре она стала неотъемлемой частью городской жизни.

Едва встав на ноги, Н. В. Соллогуб купил приличный участок земли на склоне Машкина оврага и занялся строительством собственного дома, который получился необыкновенно привлекательным и своеобразным. Эта стройка, которая продлилась более пяти лет, забрала не только все силы, но и средства. Когда настал срок платить по закладным, выяснилось, что первый редактор первой местной газеты неплатежеспособен. В конце июня 1892 г. владивостокский нотариус заверил контракт на продажу «Владивостока», и за 5500 рублей газета перешла в руки нового владельца.

Последний раз фамилия Соллогуба появилась в газете «Владивосток» 16 мая 1893 г. Это был некролог. «В 4 $\frac{1}{2}$ часа дня 13 мая скоропостижно скончался Николай Варламович Соллогуб, основатель газеты “Владивосток”». Без сомнения, одной из причин неожиданной смерти было затянувшееся строительство собственного дома, которое велось поэтапно, по мере поступления денег. Сначала это была пристройка, затем сам дом, потом — башня. После смерти главы семьи вдова стала сдавать помещение в аренду. Ну а потомки Соллогуба продолжают жить в этом доме и поныне.

ЗДЕСЬ ЖИЛИ ДИПЛОМАТЫ, ВРАЧИ...

Пушкинская ул., № 19

Мимо нескольких домов, которые, словно ласточкины гнезда, висят над улицей, можно пройти к дому под № 19. Похожий на средневековый замок, этот дом был построен по проекту П. Базилевского в 1903 г., а владельцем был предприниматель В. К. Шумахер. С 1916 по 1954 г. с перерывами здесь размещалось Генеральное консульство Китая. Теперь в нем располагает-

ся Владивостокская коррекционная школа-интернат. В начале века напротив этого здания стоял костел евангелистов, но сейчас его нет и в помине.

Во многом облик Пушкинской определяют небольшие уютные особнячки. В основном их хозяевами были врачи, занимающиеся частной практикой. Одним из самых известных был владелец частной лечебницы врач Блуменфельд. Во время Гражданской войны здесь жили и самые дорогие владивостокские проститутки.

Базилевский Платон Евгеньевич — военный инженер-архитектор. Автор проекта железнодорожного вокзала во Владивостоке. В течение 11 лет был архитектором Хабаровска (с 8 июля 1888 г.). Состоял членом Приамурского отдела Русского Географического общества (с 1894 г.) и Общества изучения Амурского края (с 1895 г.). Гласный Хабаровской думы (1898—1902) В 1907 г. Базилевский был произведен в генерал-лейтенанты.

Блюменфельд Сергей Михайлович — врач. Родился 28 августа 1874 г. в Кишиневе. Окончил военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге. Доктор медицины. Работал в военно-морском госпитале во Владивостоке. Там же открыл частную хирургическую больницу, которая считалась лучшей в регионе. Жил в Шанхае с 1927 г., считался лучшим европейским хирургом. Там и умер в августе 1947 г.

ВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ — ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (ДВГТУ)

Пушкинская ул., № 10

Это старинное кирпичное здание под номером 10, построенное по проекту архитектора А. А. Гвоздиовского, своим фасадом выходит на Пушкинскую, а со стороны Светланской, там,

Здание Восточного института (почтовая карточка)

где размещается двор, к нему пристроено еще три параллельных корпуса в 3—5 этажей.

В середине 1890-х гг. во Владивостоке было решено построить новое здание для мужской гимназии. Она работала в бывших Алеутских казармах, которые давно уже стали для нее тесны. Тогда-то один из владельцев Торгового дома «Кунст и Альберс» — А. В. Даттан — подарил городу участок земли под строительство гимназии, хотя многие не соглашались с этой идеей: уж очень далеко, по меркам тех далеких дней, было это место от центра Владивостока. Но так или иначе, а 15 сентября 1896 г. состоялась закладка здания, проект которого предоставил городской архитектор Гвоздзиовский. Строилось оно около трех лет. В это время во Владивостоке было решено открыть Восточный институт. Тогда-то и задумали расширить здание с тем, чтобы открыть в нем и институт, и гимназию. Все работы произвел за свой счет Даттан.

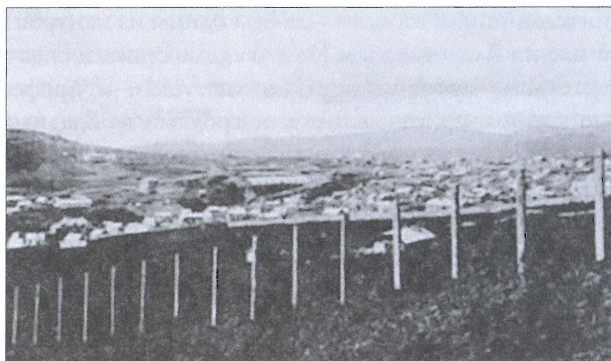
21 октября 1899 г. в торжественной обстановке состоялось освящение здания и открытие двух учебных заведений. В новом здании нашлось место для всего: учебных классов, общежития для студентов, столовой, библиотеки. Директором института

стал известный монголовед Дмитрий Михайлович Позднеев, а директором гимназии — Николай Гаврилович Вознесенский.

Во время Русско-японской войны институт и гимназия были эвакуированы в Нерчинск и Верхнеудинск, а в помещениях был открыт госпиталь графини Шуваловой.

Особую красоту и колорит зданию придают два каменных льва, выполненных в восточном стиле, которые как будто охраняют вход в здание. По одной версии, они были привезены во Владивосток в 1900 г. из Тяньцзиня после подавления Боксерского восстания, по другой — подарены китайским представителем при приамурском генерал-губернаторе. В Северной столице — Санкт-Петербурге находятся еще пара китайских львов — ши-цза, которые установлены на Петровской набережной. На постаменте этих львов высечена надпись: «Ши-цза из города Гирина в Маньчжурии перевезена в Санкт-Петербург в 1907 году. Дар генерала-от-инфантерии Н. И. Гродекова». У владивостокских львов никакой надписи нет. Да и сами скульптуры ши-цза из Владивостока и Санкт-Петербурга совершенно разные. Гиды из Санкт-Петербурга любовно называют своих ши-цза за округность форм «лягушками» — такой вид львов в Китае является самым распространенным. Львы из Владивостока — угловатые, из них как бы выплескиваются мощь, реальная сила, гордость и достоинство и, конеч-

Китайские «ши-цза» в Санкт-Петербурге

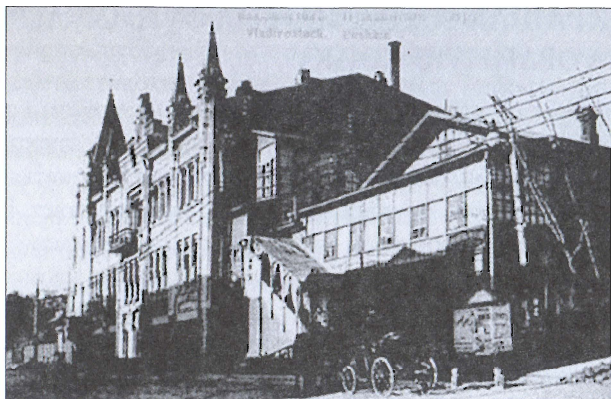

но, угроза для врагов и нечистой силы. Санкт-петербургские львы изготовлены в 1906 г., о чем свидетельствуют надписи на китайском языке, высеченные на плинтах статуй. Возраст львов у Восточного института во Владивостоке отсчитывается с X века, а надписей никаких нет, не считая загадочного орнамента. Если встать спиной ко входу в университет, то слева гордо восседает он — властелин мира, с достоинством положив лапу на шар, символизирующий нашу планету, а справа не менее гордо застыла львица: под левой лапой у нее изогнулся малыш-львенок, а на спину заполз другой.

ПУШКИНСКИЙ ТЕАТР

Пушкинская ул., № 27

Здание, которое находится напротив Дальневосточного государственного технического университета, было построено в 1907—1908 гг. по проекту архитектора П. Вагнера. Отдельные детали фасада облицованы глазурованной плиткой. Особую прелесть ему придают остроконечные башенки крыши и окна-бойницы. В этом доме архитектор органично соединил готику и модерн. В прошлом это здание было известно как Собрание приказчиков или Пушкинский театр, который был открыт 9 декабря 1908 г. В этом доме собиралась не только торговая интеллигенция города — он был одним из центров культурной жизни Владивостока. На его сцене ставили спектакли самодеятельные артисты, нередко выступали и профессиональные труппы, приезжавшие с гастролями во Владивосток. 2 октября 1911 г. здесь состоялось открытие школы и детского сада «в память освобождения крестьян от крепостной зависимости». Школа размещалась на нижнем этаже, рядом с бильярдной, и состояла из двух комнат — классной и детского сада. Приказчики уделяли внимание и своей библиотеке, которая считалась одной из самых лучших во Владивостоке. Уже тогда студенты Восточного института были непременно посетителями театра, а 10 января 1915 г. они выступили

Пушкинский театр

с большим благотворительным концертом, сбор от которого предназначался раненым.

Во время Гражданской войны в театре располагались французы. Поначалу приход советской власти в Приморье мало что изменил в предназначении Пушкинского театра. Оно просто перешло в ведение Союза совторгслужащих, то есть тех же приказчиков. Но время продолжало стучаться в двери Пушкинского театра. 11 апреля 1923 г. здесь открылась показательная школа по ликвидации неграмотности, а 6 октября 1923 г. стал работать клуб совработников им. Воровского. В 1927 г. в нем выступал Амундсен с рассказом о своих путешествиях.

Совработники оказались не последними хозяевами этого здания: в 1932—1933 гг. оно приютило Дом Красной армии и флота, а в январе 1934 г. бывший Пушкинский театр передали на баланс Дальневосточному морскому пароходству под Клуб водников. Некоторым владивостокцам повезло, и они слушали здесь Владимира Высоцкого. Сегодня же на фасаде здания имеется вывеска с надписью «Пушкинский театр Дальневосточного государственного технического университета». Студенты и преподаватели университета сумели за сравнительно короткий срок отреставрировать здание и вернуть ему облик, близкий к первоначальному.

УКРАШАЯ ГОРОД, ИЛИ НА ФУНИКУЛЕРЕ НА ОРЛИНУЮ СОПКУ

Проходя по центру Владивостока, мы с интересом рассматриваем старые здания, любуемся украшающей их прекрасной лепниной. Но если у кого-то и возникнет желание узнать имена мастеров прошлого, то вряд ли он легко получит ответ. Время стерло многие подробности прежней жизни, и только старые газеты да архивные документы помогают пролить на них свет. Газета «Дальний Восток» в начале 1901 г. сообщала читателям, что скоро дома в городе будут украшаться деталями, сделанными на бетонно-лепном заводе А. С. Лусаковского.

Сейчас трудно сказать, каким было основное занятие этого предпринимателя, поставившего своей целью украсить город. Вначале он открыл скульптурную мастерскую, пригласив туда художников из европейской части России. Пока скульпторы и живописцы разрабатывали свои эскизы, один из домов на Пуш-

Фуникулер. Внизу — здание Восточного института
(почтовая карточка)

кинской улице, напротив Восточного института, был переоборудован под небольшой заводик, и вскоре там закипело дело.

Владивостокские купцы сразу оценили предложение Лусаковского, тем более что он гарантировал качество отделки, особенно упирая на специальную технологию, учитывающую местный сырой климат. При этом подчеркивалось, что по внешнему виду украшения из бетона не будут отличаться от мраморных. Первыми заказчиками стали ресторатор Шуин и купец Пьянков, которые украсили фронтоны своих домов затейливыми карнизами и лепниной, а внутри установили красивые статуи. Следом за ними и знаменитый Торговый дом Кунста и Альберса разместил свой заказ у Лусаковского. Работа понравилась, и эта фирма вскоре открыла в своем магазине выставку изделий завода. Прежде всего, внимание посетителей привлекли экспонаты, изготовленные по оригиналам, купленным за огромные деньги в Италии.

Завод Лусаковского выпускал не только «архитектурные излишества», но и принимал заказы на установку памятников из мрамора и металла. Он же выпускал бетонные ступеньки и плитку.

Небольшой заводик оставил о себе память не только во Владивостоке, но также в Хабаровске и Никольск-Уссурийском. Разглядывая старые дома и открытки с видами Владивостока, добрым словом вспоминаешь людей, которыми в предпринимательской деятельности двигала не только жажда прибыли, но и желание сделать свой город красивым.

На месте снесенного завода Лусаковского в 1957 г. была построена бетонная лестница для подъема к Голубиной пади. Она насчитывала 286 ступенек с несколькими удобными площадками. Хотя лестница и сократила путь пешеходам, но преодолеть подъем было не так-то легко. Через два года было начато строительство фуникулера. Для этого пришлось снести часть здания Пушкинского театра, где располагались библиотека и столовая. Длина владивостокского фуникулера составила 250 метров, а высота подъема — 70 метров. Подъемные механизмы были изготовлены на заводе имени 15-летия ВЛКСМ в г. Сталино, а вагоны произвели в Ленинграде.

5 мая 1962 г. фуникулер был торжественно пущен, его первыми вагоновожатыми стали Любовь Сизинова и Галина Стрижак.

ЛЮТЕРАНСКАЯ КИРХА

Пушкинская ул., № 14

Еще известный русский журналист Всеволод Крестовский, побывавший в 1880 г. во Владивостоке, отметил: «Что особенно кажется странным, именно для русского глаза, это отсутствие заметных церковных глав и колоколни, на которых наши взоры искони привыкли останавливаться еще издали в каждом русском городишке, в каждом селении. Здесь вы гораздо прежде заметите совершенно приличную лютеранскую кирху, сооруженную на видном месте благодаря усердной заботливости адмирала Эрмана (бывшего губернатора Владивостока)...» История подтвердила замечание Крестовского: все основные православные храмы и соборы со временем были снесены, а лютеранская кирха и католический костел уцелели, правда, тоже

Лютеранская кирха (почтовая карточка)

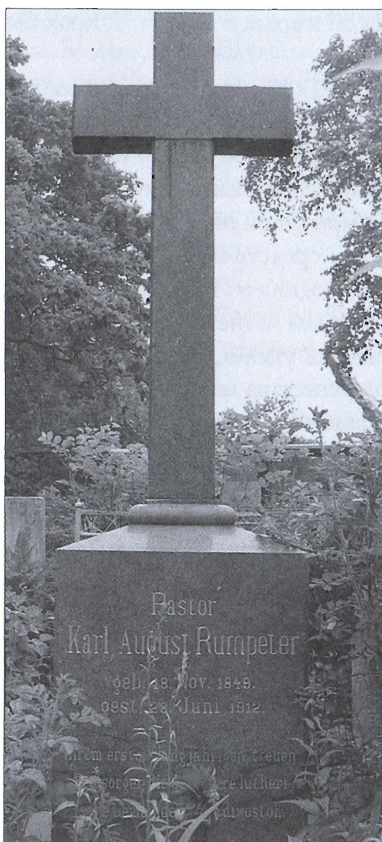

заплатив по вексям беспмятъя.

Вначале лютеранская кирха была деревянной, но потом прихожане ее снесли, и в 1907 г. по соседству с Восточным институтом на улице Ключевой началось строительство каменной кирхи. Ее проект составил известный владивостокский архитектор Юнгхендель, а наблюдение за строительством вел инженер Вебель. Строительство лютеранской кирхи было закончено в конце 1908 г., оно встало прихожанам в 75 тыс. руб.

Выдающимся деятелем лютеранской церкви во Владивостоке был Август Петрович Румпелер — священник. Он родился 18 ноября 1849 г. и происходил из крестьян Лифляндской губернии. Окончил богословский факультет Дерптского университета. С 29 декабря 1886 г. он был преподавателем

немецкого языка во Владивостокской прогимназии. Пастор лютеранской кирхи во Владивостоке. С 1885 г. действительный член ОИАК. Летом 1886 г. занимался устройством сада на примыкающем к бухте участке земли, где была представлена флора Южного Приморья (около трети древесных видов). В посадке принимали участие Н. К. Эпов и Н. К. Пальчевский. Около посадок были поставлены металлические таблички с названиями. Умер 28 июня 1912 г. Похоронен в ограде лютеран-

*Памятник А.П. Румпелеру.
Морское кладбище*

ской кирхи, в 1930-е гг. прах был перенесен на Морское кладбище.

В 1930-е гг. кирха была закрыта по причине отсутствия «коллектива верующих, взявших ее на содержание». За скупой строкой этого документа скрыт тот факт, что почти все лютеране были арестованы, часть их расстреляна или отправлена в лагерь. А причиной этой жестокости послужило то, что небольшая толка средств на содержание местного пастора и покупку книг приходила во Владивосток из Германии, поэтому все прихожане были записаны в «немецкие шпионы». Но, очевидно, кто-то из них уцелел, потому что позднее на Морское кладбище был перенесены из ограды лютеранской кирхи прах и мраморный памятник пастору Карлу Августу Румпетеру, благодаря которому и было построено красивое здание кирхи. В октябре 1936 г. здание бывшей лютеранской кирхи было передано военным морякам. Здесь был открыт кинотеатр, который получил имя Максима Горького. В репортаже по случаю его открытия отмечалось, что в помещении хорошая акустика, а в фойе прекрасный паркет. Всего здесь было 240 мест в зале и 25 на балконе. Здесь же разместился Клуб старшин Тихоокеанского флота.

В 1950 г. в помещении бывшей лютеранской кирхи-кинотеатра был открыт музей Военно-морского флота, который располагался там в течение сорока лет, мечтая если не о новом, более просторном помещении, так хотя бы о ремонте старой кирхи, которая из года в год все больше разрушалась.

Ныне здание возвращено лютеранской общине.

КНИЖНАЯ ЛАВКА БРАТЬЕВ СИНКЕВИЧЕЙ

Пушкинская ул., № 33—35

Нападение на купца первой гильдии В. И. Синкевича наделало во Владивостоке много шума. Как-то раз сентябрьским днем 1913 г., когда он возвращался в вагоне первого класса в город со своей дачи в Надеждинской, к нему подошел каторжного вида человек и попросил закурить. Потом вместо благо-

дарности он плеснул в лицо купцу серной кислоты и в суматохе исчез, прыгнув на ходу с поезда. Вначале все подумали, что с удачливым купцом свели счеты его конкуренты, но вскоре был арестован наемный убийца Максимов, имевший на счету десяток жертв. Спустя несколько дней сел в городскую каталажку и «заказчик» — частный поверенный Рачков. Причиной напугавшего преступления оказалась банальная ревность. Владислав Иосифович Синкевич имел импозантную внешность, его статная фигура и манерное обхождение с дамами создали ему репутацию сердцееда. В результате недолгого судебного разбирательства преступники получили по заслугам, а Синкевич надел повязку на изуродованный глаз.

Не стоило бы упоминать об этом провинциальном адюльтере, если бы он не поставил под вопрос хорошее начинание Синкевича — первую частную библиотеку, которую он содержал на паях с братом. Они открыли ее в конце 1908 г. Прекрасный подбор не только классической литературы, но и книжных новинок о Дальнем Востоке быстро создал хорошую репутацию этому коммерческому предприятию. Небольшой залог в два рубля, вносимый читателями, не уберегал от потери многих ценных книг, но братьев это не пугало, и они покупали новую литературу взамен украденной.

Прекрасную коммерцию и хорошую репутацию имел и собственный магазин Торгового дома братьев Синкевичей на Светланской. Торговали всем: от новейших автомобилей до канцелярских принадлежностей. Имели братья и приличную недвижимость: дома на ул. Комаровской, № 23 и 24, на ул. Корейской, № 69. Владея складами в Корейской слободе, они брали подряды на строительство пакгаузов.

Приличный доход братьев Синкевичей позволил им стать признанными меценатами города. Купцы купили обстановку для Коммерческого училища, дали тысячу рублей на постройку инвалидного дома и средства на ремонт музея Общества изучения Амурского края. Они несли немалые общественные обязанности: Владислав Иосифович был старшиной и членом арбитражной комиссии биржевого комитета лесопромышленности

края. Младший, Эдуард, который родился 14 октября 1879 г. в местечке Кайтес Томской губернии, неоднократно избирался председателем комитета Приморской окружной комиссии торгово-промышленной палаты и председателем правления Владивостокского купеческого общества взаимного кредита. Он возглавлял страховое общество «Саламандра», был членом комитета призрения бедных и гласным городской думы. Многие годы он являлся действительным членом Общества изучения Амурского края.

В смутное время Гражданской войны Торговый дом братьев Синкевичей прекрасно балансировал между большевиками, белыми и интервентами. Прикрываясь лозунгами о новой свободе, в своем доме на ул. Пушкинской, № 33, они поселили американского консула, чем обеспечили неприкосновенность своей собственности. Но предчувствие надвигающейся катастрофы заставило братьев продать за границу свое книжное собрание, насчитывающее к тому времени около 20 тысяч превосходно подобранных томов. К сожалению, у городской библиотеки им. Гоголя не нашлось валюты на эту ценную покупку.

Дочь Владислава Иосифовича Синкевича Ядвига, которая родилась 24 марта 1912 г. во Владивостоке, успела уехать в Шанхай. Как сложилась ее судьба, сказать трудно. Возможно, она вышла замуж и уехала из Китая в Австралию, как сделали сотни русских эмигрантов, а может, отправилась в Европу или США — образование она получила прекрасное.

Более трагично сложилась жизнь Эдуарда Иосифовича Синкевича. Во время Гражданской войны он был товарищем председателя Временного народного собрания Дальнего Востока, и после 25 октября 1922 г. остался во Владивостоке. Воодушевленный возможностями НЭПа, Э. И. Синкевич деятельно занялся предпринимательством, был учредителем и заместителем председателя правления акционерного общества «Дальрыбпродукт». 30 октября 1930 г. он был арестован. На следующий год его приговорили к высшей мере, но затем заменили этот приговор на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Э. И. Синкевич

умер 14 февраля 1936 г. в лагере в Коми АССР. В марте 1959 г. его реабилитировали.

Сейчас немногие владивостокские библиофилы могут похвастаться старинными книгами, на которых стоят экслибрисы частной библиотеки братьев Синкевичей. Эти раритеты являются не только свидетельством прошлого, но и фактами «клептомании» читателей первой частной библиотеки Владивостока.

ДОМ НИКОЛАЯ СОЛОВЬЕВА, ТЕСТЯ В. К. АРСЕНЬЕВА

Пушкинская ул., № 37

Как-то во Владивосток на очередной юбилей известного путешественника Арсеньева приехала из Кишинева его племянница Ольга Окулист. Когда она вместе с владивостокскими краеведами прошла по городу, то показала немало мест, связанных с жизнью Владимира Клавдиевича, о которых мы раньше и не подозревали. Одно из них — здание на Пушкинской, № 37, которое можно считать отчим домом Ольги Николаевны, поскольку в нем жила семья ее деда Николая Матвеевича Соловьева.

В 1895 г., погрузив семью на тарантас, 36-летний межевой инженер Соловьев отправился из Петербурга в далекий Владивосток. К тому времени у них с женой было три дочери. По многочисленным воспоминаниям современников, это был чрезвычайно доброжелательный, но в то же время очень принципиальный и требовательный человек. В том, что Владивостокская крепость стала вершиной военного фортификационного искусства того времени, безусловно, есть заслуга и Н. М. Соловьева, занявшего должность главного контролера крепости.

По его поручению геолог крепости, впоследствии известный ученый П. В. Виттенбург, летом 1912 г. провел тщательные геологические исследования полуострова Муравьева-Амурского для составления подробной карты. Спустя несколько лет по результатам исследований геолога был издан научный труд, который автор посвятил Николаю Матвеевичу. На карте Владиво-

стока появились гора и мыс Соловьева, названия которым тоже дал Виттенбург.

Быстро окунулся Н. М. Соловьев и в общественную жизнь Владивостока, вступив в члены Общества изучения Амурского края. Несмотря на хлопотную должность, он был одним из его активистов. Именно благодаря его усилиям появилась красивая двухэтажная пристройка к музею Общества. Но настоящий гражданский подвиг совершил Н. М. Соловьев в трудные для всей страны годы интервенции, когда над коллекциями музея нависла угроза их уничтожения. Соловьев в то время руководил Обществом изучения Амурского края. Используя свои связи, он сдал в аренду содержимое музея французской миссии и тем самым спас для потомков ценнейшие экспонаты.

Особой страницей дома семьи Соловьевых на Пушкинской было то, что в нем старшая дочь Маргарита впервые встретилась с В. К. Арсеньевым, за которого впоследствии вышла замуж. Кстати, Николай Матвеевич помог издать и книгу зятя «Путешествие по Уссурийскому краю (Дерсу Узала)», продав свою небольшую недвижимость.

В 1927 г. Н. М. Соловьев уехал в Никольск-Уссурийский, где работал в управлении Дальриса. В 1932 г., прямо за письменным столом, Соловьев скончался.

СЛАВА ВЛАДИВОСТОКСКОЙ УГОЛОВКИ

Пушкинская ул., № 41

В учебном корпусе машиностроительного факультета Дальневосточного государственного технического университета в ответ на вопрос, чем примечательно это здание, довелось услышать лишь то, что в нем до революции располагалось инженерное управление Владивостокской крепости. Правда, один из студентов, рассмеявшись, добавил, что во время Гражданской войны здесь жили местные проститутки.

Доживи до нашего времени Михаил Александрович Мерцалов, начальник уголовного розыска Приморья, размещавшегося

в этом доме, только ухмыльнулся бы, услышав эти слова. Да, немало проституток, связанных с уголовными элементами Владивостока, он допрашивал в своем кабинете. Но главная его заслуга не в этом, а в том, что он разгромил бандитскую шайку «21», которая в то время терроризировала весь Владивосток. Мерцалов происходил из потомственных дворян Иркутской губернии. Образование он имел не ахти какое — Иркутское сельскохозяйственное училище, но в Сибири о нем шла слава как о самом перспективном и талантливом следователе. В Гражданскую войну бывший начальник Иркутской уголовной полиции оказался на Дальнем Востоке. В Благовещенске и Никольск-Уссурийском он с успехом возглавил борьбу с уголовниками. Только в учебниках истории пишется, что Гражданская война представляла собой обострившуюся борьбу идеологий. Между тем в жизни в то время процветали бандитизм и уголовщина.

*Здание инженерного управления
Владивостокской крепости*

Когда Мерцалов переехал во Владивосток, весь город держала в страхе банда, сделавшая своим именем название карточной игры «21». Эту цифру-автограф они оставляли на месте своих разбоев и грабежей. С бандитами не могла справиться ни одна из властей, сменявших друг друга в Приморье. Используя развитую сеть информаторов, а также дружеские и деловые связи с городской милицией и сильными мира сего, бандиты были неуловимы. Мерцалов твердо решил положить банде конец, хотя мало кто из его новых сослуживцев мог поверить, что этот невысокий человек с простодушным лицом и усиками, похожими на клоунские, может добиться успеха в таком сложном деле. И все же благодаря Михаилу Александровичу банда была разбита. Эта уникальная операция могла бы лечь в основу захватывающего детектива. Вместе с последними отрядами белых Мерцалов уехал из Владивостока в Шанхай, где продолжил борьбу с преступным миром.

В ночь с 15 на 16 сентября 1933 г. детектив французской полиции Мерцалов был убит двумя подосланными убийцами. Накануне он отметил свое пятидесятилетие. «Французская полиция, — писал журнал “Прожектор”, — потеряла честного, энергичного и хорошего работника, а Гавриило-Архангельская церковь — ревностного деятеля. М. А. Мерцалов принимал самое энергичное участие в сборе средств на постройку собора и сам жертвовал крупные суммы. Так, во время своего служебного отпуска он выпилил и пожертвовал в Архиерейскую церковь красивые паникадила». Когда хоронили бывшего начальника владивостокского уголовного розыска, на шанхайском кладбище были выстроены войска. С речью выступили и председатель шанхайского муниципалитета, и генеральный консул Франции Ж. Мерье, который отметил, что покойный всегда был «храбр и скромн».

КОРИЧНЕВАЯ ГИМНАЗИЯ

Пушкинская ул., № 39

На Пушкинской улице под номером 39 находится кирпичное четырехэтажное здание, отделанное декоративной штукатуркой и с необычной аркой для въезда во внутренний дворик. С первого же дня это здание не меняло своего предназначения: каждый входящий в него, видя красивую парадную лестницу, понимал, что попал в храм знаний. Дом был построен в начале XX века по проекту архитектора И. В. Мешкова для Мариинской женской гимназии. Это старейшее учебное заведение Дальнего Востока, основанное первым военным губернатором Приморской области контр-адмиралом П. В. Казакевичем.

В 1872 г., когда прогимназия была переведена из Николаевска-на-Амуре во Владивосток, она первое время размещалась в деревянных домиках на Светланской улице. Первой начальницей была Т. С. Урядова. 2 июля 1903 г. состоялось освящение нового здания Мариинской гимназии. Начальницей ее в то время

Женская гимназия (ул. Пушкинская, 39)

была Елена Григорьевна Гречановская, а председателем педагогического совета — известный востоковед Г. В. Подставин. Уже тогда гимназия имела тесные связи с Восточным институтом, многие преподаватели которого работали в гимназии. В ней училось около 130 девочек, которые носили коричневые форменные одежды, отчего горожане и называли гимназию «коричневой». Во время Русско-японской войны в ее здании размещался «Варшавский лазарет Красного Креста Елизаветинской общины».

В 1912 г. город торжественно отметил 50-летие гимназии, «старейшего рассадника женского образования в Приамурском крае». Во время Гражданской войны в этом здании располагались войска, хотя в части помещений и велись занятия. В 1923 г. в ее стенах была открыта школа-девятилетка, которой чуть позднее присвоили имя известной общественной деятельности и педагога М. В. Сибирцевой.

В 1929 г. в ней открыли десятый класс, а в 1931 г. школе присвоили номер — 9-й. Сегодня средняя школа № 9 с углубленным изучением китайского языка считается одной из самых престижных во Владивостоке.

ПЕДАГОГИ ВЛАДИВОСТОКА

**Здание гимназии № 1 по ул. Уборевича, № 8,
дом Сибирцевых по ул. Пологой, № 32**

Кравцова Анна Гавриловна родилась 2 декабря 1868 г. в семье гвардейского полковника Литвина. После окончания Санкт-Петербургского патриотического института она работала там четыре года в должности регентши. Вместе с мужем, морским офицером Теляковским, приехала во Владивосток, где он вскоре скончался. В женской гимназии Кравцова (по второму браку) работала в разных педагогических должностях: была преподавателем пения и русского языка, классной надзирательницей и помощницей начальницы. В 1902 г. А. Г. Кравцову назначили начальницей гимназии, которая была преобразована в гимназию им. Цесаревича Алексея («зеленая»), ныне гимназия № 1. А. Г. Кравцова была известной общественной деятельницей Владивостока, неоднократно устраивала благотворительные концерты в помощь неимущих учениц. Этим ей пришлось заниматься и в эмиграции. Вначале она жила в Харбине, затем, в 1926 г., переехала в Шанхай. В этом городе она работала директором коммерческого училища Русского православного братства. Всем любящим сердцем она помогала своим ученицам сохранить память о России, о Владивостоке, откуда большин-

Первое женское училище (почтовая карточка)

ство было родом. Многие отмечали ее бескорыстность и талант. А. Г. Кравцова скончалась в Шанхае 9 декабря 1931 г. В этот день в училище не было занятий: все отправились проводить в последний путь любимого педагога.

Семенова Елизавета Николаевна — вдова штабс-капитана корпуса флотских штурманов, начальница Владивостокской женской («коричневой») гимназии. В 1903 г. Попечительный совет этой гимназии обратился в думу с просьбой назначить от города пенсию Семеновой, «прослужившей 22 года». Интересно, что закрытой баллотировкой гласные отказали педагогу в этой пенсии.

Сибирцева Мария Владимировна родилась 3 августа 1867 г. в Астраханской губернии. Окончила Бестужевские высшие женские курсы. В 1885 г. вышла замуж за М. Я. Сибирцева. Мать будущих революционеров Всеволода и Игоря Сибирцевых. В 1897 г. Сибирцевы приехали во Владивосток, где Михаил Яковлевич работал податным инспектором, а с 1910 г. — педагогом. В 1913 г. М. В. Сибирцева вместе с мужем основала мужскую прогимназию по ул. Суйфунская, № 7, где учились неимущие дети, и преподавала в ней естествознание. С 1912 г. была редактором журнала «Детский труд», органа Общества детских развлечения в г. Владивостоке, в котором печатались стихотворения, повести, рассказы, сказки, шарады, загадки, шутки, карикатуры, рисунки. В 1916 г. школа Сибирцевых была преобразована в гимназию. В последнее время М. В. Сибирцева работала в женском отделе Приморского губкома РКП (б). Умерла во Владивостоке в 1923 г.

Урядова Татьяна Степановна — первая начальница Владивостокского женского училища. Н. П. Матвеев отмечал: «В том же году [1873] было переведено во Владивосток содержание на суммы морского министерства женское училище, для помещения которого был приобретен дом. Основано оно было в 1862 году по ходатайству Казакевича и в 1872 году преобразовано в прогимназию. С самого начала начальницей его явилась Т. С. Урядова». Первое время женское училище размещалось на углу улиц Прудовой (Петра Великого) и Светланской. Позже на этом месте построили морской штаб (ул. Светланская, № 22).

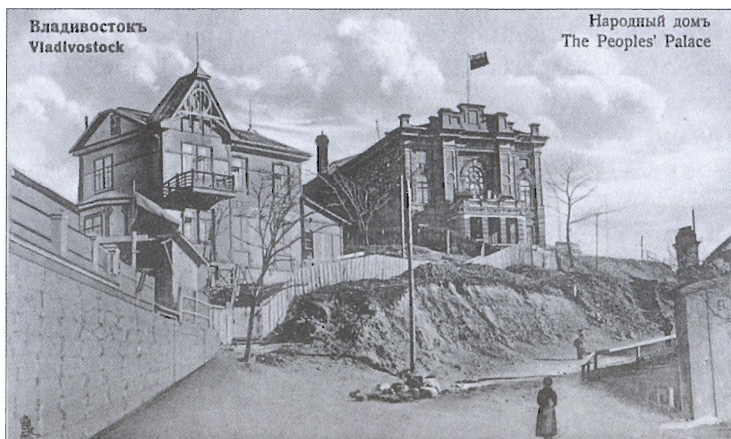

НАРОДНЫЙ ДОМ И КНИГОЛЮБ ИГНАТИЙ МАКОВСКИЙ

Ул. Володарского, № 19

На пост городского головы Владивостока избирались предприниматели и юристы, отставные военные и журналисты. Многие из них оставили о себе память как незаурядные личности, и особое место среди них занимает купец первой гильдии Игнатий Иосифович Маковский. Он родился в 1840 г., в 19 лет закончил аудиторское (юридическое) училище Военного ведомства. После годовой практики его отправили служить на Дальний Восток в штаб Сибирской флотилии. Там он был прокурором полевого суда, пока не получил назначения в комиссариатскую часть Управления портом Восточного океана. Военный юрист Маковский не ограничивал свои интересы только служебными обязанностями: в августе 1884 г. он побывал на первом съезде губернаторов в Хабаровске, где власти и предприниматели обсуждали перспективы развития края.

7 января 1885 г., после многодневной избирательной баталии, И. И. Маковский стал городским головой Владивостока,

Народный дом (почтовая карточка)

из-за чего подал прошение об отставке. В приказе главного командира портов Восточного океана от 26 февраля 1886 г. говорилось: «Расставаясь с действительным статским советником Маковским, ввиду состоявшейся реформы по управлению морским ведомством, я проникнут сердечной потребностью выразить ему мою глубочайшую признательность за долговременное отличное управление вверенной ему частью и за постоянно проявленную энергию, знание дела и заботливость к сбережению интереса казны вопреки неблагоприятным условиям, а равно и за ту искреннюю отзывчивость, которую он проявляет во всех служебных поручениях, даже вне сферы его прямых обязанностей, не страшась затруднений и труда».

Став «хозяином города», И. И. Маковский проявил талант незаурядного организатора. В ноябре 1887 г. его переизбрали на новый срок. Вот что сказал Игнатий Иосифович своим избирателям: «Владивосток недавно возник — едва начинает развиваться. Все, что отличает благоустроенную деревню от города, требует здесь постоянных и усиленных работ со стороны общественного управления. У нас неудовлетворительны еще самые насущные потребности по благоустройству. Чтобы удовлетворить их, нужны средства: средства наши, как вы знаете, ничтожны... Я могу набросать только несколько основных положений, которыми должен руководствоваться в период общественной службы. Таковое первое: стоять всегда на почве строгой законности, быть представителем интересов не отдельных лиц и групп... К сожалению, должно заметить, что правило это доставило мне немало врагов».

Немало сил потратил городской голова в борьбе с недавним начальством, с всесильным Морским министерством, владельцем казенной земли во Владивостоке. Юридическое образование помогало Маковскому решать многие проблемы. Отработанная до мельчайших нюансов сдача в аренду земельных участков и домов помогла городскому голове пополнить казну. В это время город бурно строился, и желающих осесть в удобном городском уголке было немало. Игнатий Иосифович входил в десятку самых богатых людей Владивостока. Его деловые интере-

сы распространялись и на Сахалин, где он занимался разработкой угля и нефти.

И. И. Маковский активно сотрудничал с местной газетой «Владивосток». Много о жизни далекой окраины России он поведал приехавшему во Владивосток А. П. Чехову. Существует версия, что под его влиянием писатель написал свой известный рассказ «Дуэль». В свое время Маковский немало полемизировал на страницах «Владивостока» о дуэлях на Дальнем Востоке.

Маковский познакомил писателя и с деятельностью городского бесплатного кабинета для чтения, который был его детищем. В своем докладе городской думе в 1885 г. он писал, что «Владивосток весьма богат питейными заведениями, трактирами и харчевнями низшего разряда и другими подобными притонами, но, к сожалению, вовсе не имеет ни общественной библиотеки, ни другого какого-нибудь учреждения, где бы небогатый городской житель с удовольствием и с пользой для себя мог провести несколько часов свободного времени».

Дума согласилась с мнением головы и предложила городской управе предоставить доклад «Об устройстве на общий городской счет бесплатной общественной читальни». Так в апреле 1887 г. был открыт Владивостокский кабинет для чтения, и с этого времени начинается история Приморской краевой научной библиотеки им. Горького.

Нельзя не рассказать еще об одном важном начинании городского головы — создании Общества народных чтений. Сейчас Народный дом (ул. Володарского, 19), в котором располагалось это общество, почти не виден из-за окружающих его многоэтажек, а в свое время это здание, сложенное из яркого кирпича, сравнивали с маяком, возвышающимся над городом. «Имею честь испрашивать разрешения Вашего превосходительства, — писал И. И. Маковский военному губернатору 20 декабря 1886 г., — на учреждение в г. Владивостоке Общества народных чтений, которое будет иметь целью: распространение среди местного населения общепользных сведений по разным отраслям знаний путем народных чтений с соответствующими содержанию световыми картинами и оказание пособий уча-

щимся в высших учебных заведениях, уроженцам Сибири, обращением на этот предмет сборов за посещение чтений...»

По мысли Маковского, бесплатный кабинет для чтений должен был выполнять роль хранилища литературы, а Общество народных чтений — вести просветительскую работу. В октябре 1886 г. состоялось первое организационное собрание Общества. Закрытым голосованием председателем Комитета был избран И. И. Маковский, а 12 декабря того же года в зале Галецкого Маковский прочитал первым слушателям Общества отрывок из сочинения С. Рождественского «О Суворове».

Но в конце концов настало время расставания с городом: у Маковского было три дочери, и каждой нужно было дать образование. 21 октября 1892 г. на пароходе Добровольного флота бывший городской голова навсегда покинул Владивосток, услышав на прощание немало добрых слов от горожан.

В 1899 г. общественность Владивостока решила открыть в городе Народный дом имени поэта Пушкина. Этим самым планировалось подвести итог празднованию столетнего юбилея великого поэта. Предложение о строительстве Народного дома, «в котором могли бы постоянно устраиваться народные чтения, читаться популярные лекции, устраиваться бесплатные или дешевые народные спектакли, существовать читальня-библиотека и проч. просветительские учреждения для народа и развлечения», исходило от председателя Общества народных чтений инженера В. М. Тренюхина. Владивостокская городская управа отвела на Пушкинской улице участок земли в 7,5 тыс. кв. саженей, а городская дума дала на строительство 15 тысяч рублей.

Народный дом был торжественно открыт 14 сентября 1907 г. При поддержке горожан он, как и предполагалось, вобрал в себя все формы массовой просветительской деятельности, рассчитанной на простой люд Владивостока.

20 мая 1918 г. однодневная газета «День Народного университета» писала про Народный дом: «В одной комнате можно видеть двоих, низко склонившихся над шахматной доской. Там группа рабочих, сидя за партами, старательно решают трудную математическую задачу. В зале слышатся звуки рояля

или голос певца, разучивающего свой номер к предстоящему литературно-музыкальному утру. В читальне шуршат газетами, всегда в большом количестве выписываемыми для рабочих, к услугам которых почти весь день открыта также библиотека, которая может быть причислена к одной из лучших библиотек в городе. В Народный дом шли все лучшие силы интеллигенции, неся свой труд и знания на служение народу, и к году революции эти труды дали свои всходы; как только раздались призывные звуки марсельезы, из стен Народного дома вышло немало хорошо вооруженных знанием борцов. Они начали свою работу в различных организациях и политических партиях. Одни ушли в кооперацию, другие — в союзы, третьи — в Советы...» Ушли и не вернулись. В советское время Народный дом, ставший Клубом Ильича, мало-помалу утратил свое предназначение. В одном справочнике указывается, что многомаршевая гранитная лестница, ведущая к парадному входу в Народный дом, служила в прошлом своеобразной трибуной. Якобы здесь 1 мая 1917 г. выступал В. Володарский. Этот случай и позволил назвать небольшой проулок его именем. В середине 1980-х гг. существовал проект разборки лестницы и прокладки как раз на ее месте новой дороги, но ветераны революции и краеведы встали на ее защиту, воспользовавшись мемориальными досками на фасаде. Сегодня никаких культурных событий в этом доме не происходит; и только местное телевидение время от времени показывает интерьер этого необычного здания, рассказывая о его былой славе. Сегодня в бывшем Народном доме располагается товарищество с ограниченной ответственностью «Амо», которое арендовало здание на 25 лет. Не так давно Народный дом был передан в аренду на 10 лет владивостокским казакам.

Тренюхин Владимир Иванович — инженер путей сообщения и общественный деятель. Занимался строительством набережной бухты Золотой Рог. Председатель Общества народных чтений во Владивостоке, по его проекту построен Народный дом. Секретарь, казначей и член распорядительного комитета Общества изучения Амурского края (избран 17 июня 1897 г.). В 1899 г. уехал из Владивостока в порт Дальний.

ИХ ИМЕНАМИ НАЗВАНЫ УЛИЦЫ ВЛАДИВОСТОКА

Вострецов Степан Сергеевич родился 17 декабря 1883 г. в Казанцево Уфимской губернии. Участвовал в революционной деятельности, меньшевик. Участник Первой мировой войны. За храбрость в 1916 г. присвоено звание прапорщика. В Красной армии служил с 1918 г. С 1921 г. — начальник управления войск ВЧК по охране границ Сибири. Командующий группой войск Народно-революционной армии ДВР при штурме Спасска. Помощник командира 2-й Приамурской дивизии при освобождении Приморья. Командир экспедиционного отряда во время ликвидации группы Пепеляева. Окончил военно-академические курсы. Награжден четырьмя орденами Красного Знамени и Почетным революционным оружием. Застрелен 3 мая 1932 г. в Новочеркасске. Именем Вострецова названа улица в районе Морского Городка Владивостока.

Гульбинович Александр Андреевич родился в 1880 г. Профессиональный революционер, член РСДРП с 1909 г. Ра-

Памятник Борцам за власть Советов на Дальнем Востоке

ботал на Дальзаводе, где организовал красногвардейскую роту. 16 октября 1922 г. был арестован. Вероятно, был убит, а тело выброшено в море. Именем Гульбиновича названа улица в Первомайском районе.

Постышев Павел Петрович, партийный псевдоним Ермак, родился 6 ноября 1887 г. в г. Иваново-Вознесенском. Профессиональный революционер, член РСДРП с 1904 г., участвовал в революционном движении. В 1908 г. был арестован и выслан на вечное поселение в Иркутскую губернию. В период гражданской войны в 1918—1920 гг. находился на подпольной работе на Дальнем Востоке. В 1920 г. был уполномоченным ЦК РКП (б) по Хабаровскому району, кандидат в члены Дальневосточного бюро ЦК РКП (б). В 1921—1922 гг. — уполномоченный правительства ДВР в Верхнеудинске. Член Дальревкома. После войны был на партийной работе на Украине. Арестован и 26 февраля 1939 г. расстрелян в Москве.

Уборевич Иероним Петрович родился 2 января 1896 г. в г. Атандриус в Литве. В 1916 г. он окончил Константиновское артиллерийское училище, был участником Первой мировой войны, подпоручик. Член ВКП (б) с марта 1917 г. В 1921 г. — командарм 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа. В 1922 г. — военный министр Дальневосточной республики и главнокомандующий Народно-революционной армией. Награжден орденом Красного Знамени (28 октября 1922 г.). Затем служил на Кавказе и в Белоруссии. Арестован 29 мая 1937 г. Расстрелян 11 июня 1937 г. Именем Уборевича названа бывшая Суйфунская улица во Владивостоке и плавбаза.

КАК НАЧИНАЛАСЬ ВЛАДИВОСТОКСКАЯ ПОЧТА

Светланская ул., № 41.

Первые жители, поселившиеся на берегу бухты Золотой Рог, долго думали над проблемой почтовой связи. До прихода русских китайцы, промышлявшие морепродукты в бухте Трепанга, пере-

Здание почтово-телеграфной конторы (почтовая открытка)

давали известия родным через друзей, возвращающихся в Китай. Вот что писал о первой русской почте Н. П. Матвеев: «Начальник поста и командир во Владивостоке 5 ноября 1861 г. просил военного губернатора Приморской области и командира портов Восточного океана сделать распоряжение, чтобы все письма и книги, адресуемые изнутри империи в порт Владивосток, в зимнее время останавливались бы в Хабаровске и отправлялись сюда хотя бы один раз в месяц». Он, между прочим, писал: «В настоящее время в порте начинаются торговые дела поверенного Амурской К. и купца Семенова. Самое большое содействие правительства торговле — открытие путей сообщения, возможно, частных. Нынешний раз отправляемая почта пойдет местами, где часто встречаться будут китайские фанзы. Рядовой линейного № 3 батальона Батов вызвался указать эту дорогу, по которой он прошел два раза». Так лейтенант Е. С. Бурачек и солдат Батов попытались начать деятельность российской почты во Владивостоке. На предложение Бурачка контр-адмирал П. В. Казакевич ответил так: «Сим уведомляю: 1) письма и книги из внутри империи не могут быть посылаемы в порт Владивосток по не учреждению там почтового управления: они могут быть, по желанию подателей, назначаемы в Хабаровку, с тем, чтобы были передаваемы там известному лицу

для отправления в то время, когда будет назначена почта во Владивосток. 2) что ходатайствовать об учреждении почтового сообщения между Хабаровкой и Владивостоком я не нахожу возможным». Интересы быстро развивающего поста заставили власти изменить это решение. Генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков приказал учредить в 1862 г. почтовое сообщение между Хабаровкой и Владивостоком: почта отправлялась летом дважды в месяц и один раз зимой.

Русские моряки, стоявшие во Владивостоке на станции, что на современном языке означает боевое дежурство, отправляли письма через корабли, бравшие курс на Кронштадт. Поставные офицеры и солдаты посылали почту через фельдъегерей. Немного проще стало, когда начались рейсы Добровольного флота, соединившие Владивосток с европейской частью России. Но и тогда случались периоды, которые местные остряки называли «Владивостокским почтостоянием».

По этому поводу в истории города осталось немало анекдотов и курьезных случаев. Вот какое письмо, пришедшее из Владивостока, опубликовал 2 ноября 1877 г. «Кронштадтский вестник»: «Знаете ли вы, что такое “почтостояние”, счастливые жители столиц и иных центров? Нет? Так вот вам объяснение: с самого начала времен года, в календаре называемых весною и осенью, а в почтовых дорожниках весеннею и осеннею распутицей, сообщение по Амуру и Уссури прекращается или становится возможным только совершенно налегке верхом или же пешком; понятно, что в это время перевозка почты немыслима, и жители пресловутой восточной окраины почти полгода довольствуются перечитыванием старых газет, журналов и писем. Вот что называется почтостоянием — термин, принятый всеми. В нынешнем году почте особенно не повезло — обыкновенно последняя почта приходила во второй половине октября, затем следовал перерыв до конца декабря или начала января. Период с половины марта до мая — сопряжен с неслыханными трудностями. Так, например, один мой знакомый употребил на путешествие из Владивостока до Раздольного и обратно 14 дней, из которых 12 пробыл в дороге...»

Так и жил город, дожидаясь у моря погоды, а вместе с ней и свежих газет, писем, пока не появился во Владивостоке почтовый работник. Первым делом новый почтмейстер купил небольшой домик в центре города — место выше современного здания почтамта — для удобства всем жителям. У двери он прибил ящик с объявлением: «Прием писем производится с двух часов дня накануне отхода почты».

В 1891 г. почтовые ящики появились и в других местах: у здания Военно-окружного суда, у Морского собрания, у гостиницы «Золотой Рог» и казарм 1-го батальона. Ящики были двойные, причем внутренний — с письмами — менялся ежедневно в десять часов утра и в пять вечера.

Прошло лет десять, и обильные потоки воды с Алексеевской сопки, которые многие владивостокцы стали называть Почтовой, привели в негодность почтовый домик. В феврале 1896 г. власти решили построить каменное здание почтово-телеграфной конторы, на что казной было ассигновано 90 тысяч рублей. Всего несколько лет понадобилось городскому архитектору А. А. Гвоздиовскому, чтобы выстроить прекрасное здание, которым мы любуемся и сегодня.

ПАМЯТИ АРХИТЕКТОРА ГВОЗДИОВСКОГО

Многие гости Владивостока, не говоря уж о его жителях, хвалят старые городские постройки, доставшиеся нам в наследство от дореволюционных времен. В них органично соединились традиции как Запада, так и Востока, дав нашему городу неповторимый архитектурный колорит. К сожалению, до сих пор мало что известно об архитекторах старого Владивостока. До предела скупые строчки в путеводителях и справочниках почти ничего не говорят о тех, чьими усилиями создавался облик города.

Одним из этих людей был Александр Андреевич Гвоздиовский. Творец «застывшей музыки», как иногда величают архитектуру, родился 18 января 1861 г. Окончив Императорскую академию художеств со званием художника 2-го разряда, он был направлен на работу в Министерство внутренних дел, а оттуда по-

Архитектор А.А. Гвоздзиовский

лучил назначение на должность архитектора Приморской области. Правда, то ли ввиду молодости, то ли из-за отсутствия нужных связей и рекомендаций, а может, из-за всего сразу, но Александр Гвоздзиовский получил эту должность как «исправляющий обязанности». Это произошло в конце марта 1897 г.

Город у моря поразил воображение архитектора, а слияние двух культур — азиатской и европейской — заставило работать его воображение. В то

время во Владивостоке деревянная архитектура менялась на каменную. До нашего времени почти не дошли сведения о первых шагах молодого специалиста, но можно предположить, что они были значительными. Свидетельство этому — бриллиантовое кольцо с рубином и вензелем цесаревича Николая, которое он собственноручно вручил архитектору в подарок в мае 1891 г., находясь во Владивостоке. Очевидно, будущего императора поразило творчество Гвоздзиовского, воплощенное в городские постройки.

Что же оставил потомкам А. А. Гвоздзиовский? В анналах истории Владивостока сохранились сведения, что по его проекту в 1896—1899 гг. было построено здание Восточного института по ул. Пушкинской, № 10. Несмотря на то что здесь располагался один из центров российского востоковедения, от этого огромного и строгого здания веет средневековым аскетизмом. Может, это оттого, что, по мнению архитектора, наука и овладение ею не допускают никаких излишеств? Совсем в другом стиле построено здание по ул. Светланской, № 41, в котором с первого дня после окончания строительства в 1899 г. и до сих пор располагаются владивостокские почтовики. Владивостокский главпочтамт является классическим примером славянского стиля.

По своему служебному положению Гвозdziовский обязан был следить не только за строительством во Владивостоке, но и принимать все здания, выстроенные по заказу государства. Так, в октябре 1899 г. он принял только что построенное здание владивостокского казначейства.

Александр Андреевич часто болел, и это стало одной из причин, заставившей его просить об увольнении в отставку. В феврале 1904 г. его прошение было удовлетворено, и А. А. Гвозdziовский уехал в Люблин. В одном солидном справочнике утверждается, что здание католического костела Пресвятой Богородицы по ул. Володарского, построенное в 1909—1920 гг., тоже проектировал Гвозdziовский, но так это или нет, трудно сказать, как и то, какие еще владивостокские здания построены по его проектам.

ЕПИСКОП ЕВСЕВИЙ: «Я ОЧЕНЬ СКУЧАЮ О ВОСТОКЕ...»

Седанка, Четырнадцатая ул., № 32, № 34

В пору сегодняшних исторических потрясений полезно вспомнить и о прошлых деятелях, которые видели блеск России и пережили ее развал. Таким человеком был владыка Евсевий, первый глава Владивостокской епархии, основанной в 1899 г. В начале 1990-х гг. один знакомый эмигрант из Америки передал с оказией биографическую статью о нем, увидевшую свет в харбинском журнале «Хлеб Небесный». Понимая важность этих сведений, я попытался опубликовать ее на страницах одной из местной газет. Но... на дворе были еще не те времена, чтобы писать о православных иерархах, и статья легла в стол.

Евсевий, в миру Евгений Ионович Никольский, родился в 1860 г. в Тульской губернии. Там же окончил духовное училище и семинарию. В 1885 г. он получил в Московской духовной академии степень кандидата богословия. После этого восемь лет был священником и учителем богословия в Могилевской епархии. Тогда его

Епископ Евсевий

идеалом служения Богу стал архиепископ Могилевский Евсевий. 3 августа 1893 г. этот иерарх постриг Евгения Никольского в монашеский сан. Продвижение молодого монаха по служебной лестнице было стремительным. Через два дня он стал иеродиакonom, еще через день — иеромонахом, а 11 сентября того же года Евсевий был назначен в состав Духовного цензурного комитета и стал ректором Иркутской духовной семинарии. В 1897 г. он был посвящен в сан епископа Киренского, викария Иркутской епархии, а 1 янва-

ря 1899 г. владыку Евсевия назначили первым епископом вновь учрежденной епархии — Владивостокской.

7 марта 1899 г. новый епископ приехал во Владивосток. В районе Седанки в двух шагах от залива владыке выделили 15 десятин земли для строительства архиерейской дачи. 21 марта 1899 г. на углу улиц Пологая и Суйфунская в доме Скидельского была открыта консистория. Это время было периодом заселения Приморья и Приамурья, оно совпало со строительством железной дороги и разразившейся Русско-японской войной. Без преувеличения можно сказать, что епископ Евсевий участвовал в строительстве почти всех церквей в Приморской области, в состав которой входили тогда Сахалин и Камчатка.

В 1900 г. Евсевий приступил к строительству своей резиденции на Седанке, проект которой подготовил местный архитектор И. В. Мешков; работами руководил подрядчик М. И. Суворов. 15 апреля 1901 г. епископ в присутствии властей освятил дом и церковь, последнюю — в память священномученика Евсевия, епископа Самосатского. Вот какое свидетельство о постройках оставил очевидец: «Седанкинская архиерейская дача представляет собой весьма благоустроенную усадьбу с каменным двухэтаж-

ным домом, церковью с колокольней, с тремя деревянными флигелями для свиты и прислуги, и разнообразными служебными постройками. Здесь же помещается церковно-приходская школа для обучения проживающих на иждивении его преосвященства мальчиков-келейников, большею частью сирот, среди которых есть китаец (жезлоносец) и один кореец (исполатчик)».

Вот как оценивают художественные достоинства церкви современные искусствоведы-архитекторы: «Здание представляет собой живописную асимметричную композицию из трех разновеликих объемов — двухэтажного прямоугольного в плане служебно-жилого корпуса в центре и пристроенных к нему одноэтажного объема церкви Св. Евсевия с купольным покрытием и трехъярусной шатровой крышей. Стены здания выложены из красного прямоугольного и лекального кирпича под расшивку швов, кровли — из кровельной стали. Фасады здания имеют богатую пластику, в которой с большим мастерством использованы мотивы и архитектурные детали русской архитектуры XVII в. с характерными для нее кокошниками, килевидными сандриками окон, нишами-ширинками, висячими арками с гирькой, сдвоенными полуциркулярными окнами. Акцент в композиции сделан на трехъярусной колокольне, стоящей над входной частью церкви на восьми грушевидных колоннах и опоясанной тремя рядами окон-люкарн».

В двух шагах от резиденции владыки находилась могила бывшего консула и основателя русской колонии в Ханькоу Александра Степановича Ваховича. 30 августа 1910 г. в день памяти святого благоверенного князя Александра Невского к 650-летию со дня его смерти над ней был заложен каменный храм-часовня. По окончании строительства, 9 февраля 1911 г., он был освящен Евсеем. В 1914 г. владыка открыл при своем подворье семинарию для девочек из духовного сословия.

Рассказывая о культовых зданиях, построенных архиепископом Евсеем, нельзя не упомянуть и о Никольской часовне, которая была заложена во Владивостоке еще до его приезда.

Невзирая на тяготы пути, епископ Евсей несколько раз в год объезжал всю епархию, в которую вместились бы весо-

мая часть Европы. Он открыл более 170 храмов и 100 школ. При его непосредственном участии было устроено два монастыря — мужской Свято-Троицкий и женский Рождество-Богородицкий. Несмотря на строгую внешность, епископ был очень добрым человеком. По этой причине многие должностные лица архиерейского дома и приходов служили многие годы, отказываясь от перевода на лучшие места. В 1906 г. Евсевий был возведен в сан архиепископа. Зная бескорыстную натуру главы епархии, многие предприниматели жертвовали на Божье дело крупные суммы. Архиепископ Евсевий не оставался в долгу. Почти все здания, которыми сегодня любуются жители Владивостока, были освящены им. За общественную деятельность Общество изучения Амурского края избрало его своим почетным членом. Свидетельством авторитета архиепископа Евсевия было и то, что владивостокцы решили торжественно отметить 10-летие со дня его прибытия в город и открыть подписку для приобретения пантеона, а в городской женской гимназии учредить две стипендии его имени для учениц из духовного звания. Сам Евсевий весьма необычно отметил свой юбилей, пожертвовав 1000 рублей на благолепие Успенского кафедрального собора.

Революция 1917 г. прервала деятельность владыки Евсевия на Дальнем Востоке. В том же году он был приглашен для участия в работе Всероссийского Священного Собора. После его окончания архиепископ уже не смог вернуться домой — началась Гражданская война. Евсевия возвели в сан митрополита и временно поручили управление Московской епархией, имевшей 12 викариев. Владыка не оставлял надежды вернуться на Дальний Восток. Журнал «Хлеб Небесный» привел одно из последних писем Евсевия. «Очень жалею, — писал он, — что не пришлось мне возвратиться домой, во Владивостокскую епархию. Здесь я чувствую себя не “дома”, а как бы гостем. Одно утешение: уж очень хороший Святейший Патриарх Тихон и быть вместе с ним великое счастье. Отношение москвичей ко мне самое доброе и хорошее, но одно скажу, что до сих пор я очень скучаю по Востоку и хотел бы возвратиться туда, но да будет на все воля Божия».

Митрополит Евсевий скончался в Москве 18 января 1922 г. При большом стечении народа его прах был погребен в Новодевичьем монастыре. Евсевию повезло, что он умер в собственной постели. Через несколько лет после его смерти ближайший друг Евсевия епископ Хабаровский был расстрелян.

«ВОЗДУШНЫЙ ЗАМОК» ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

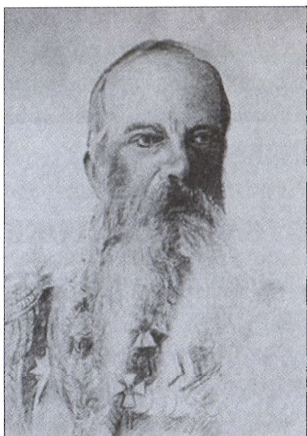
Многометровый мост над бухтой Золотой Рог, изображенный на старинных открытках, уже осуществляется и перестает быть проектом из прошлого. Мало кто знает, что существовал еще один замечательный проект, также оставшийся на бумаге, — строительство в центре Владивостока огромного торгового пассажа. Когда в стране разгоралось пламя Гражданской войны, местный предприниматель П. Пестриков предложил накрыть железобетоном 300 метров полотна железной дороги от виадука на Светланской до улицы Пекинской (Фокина) и разместить на этой площадке огромный торговый центр. Простая идея увлекла коммерсантов, и за считанные дни инженеры подготовили проект. Дело оставалось за утверждением его начальством — правлением КВЖД, которое арендовало Уссурийскую железную дорогу. К счастью, ехать в Харбин не пришлось, так как управляющий КВЖД генерал Д. Хорват сам в это время нагрянул во Владивосток. «Будущие концессионеры с робостью входили в вагон Хорвата, но доброжелательность генерала сразу же разрядила обстановку:

— Господа, присаживайтесь, — пригласил Дмитрий Леонидович и предложил чаю. Через несколько минут родилась резолюция: «Вполне одобряю идею постройки пассажа и прошу управление оформить взаимоотношения с концессионерами». Один инженер из свиты Хорвата недовольно пробурчал:

— Итак, мы приступаем к постройке воздушных замков.

Задетый за живое Пестриков парировал:

— Не воздушный замок, а ликвидация той ошибки, которую допустили строители дороги, проводя линию через центр города.

Генерал Д. Хорват

Разгоревшийся спор прервал Хорват:

— Допустим, что это «воздушный замок». Но город он, несомненно, украсит и закроет при этом нелепую выемку. А мое внимание привлекают интересы дороги. Согласитесь, что 300 метров закрытого пути лучше, чем 300 — открытого.

Поглаживая роскошную бороду, генерал добавил:

— На чем бы я настаивал, так это на освещении искусственного тоннеля».

К сожалению, политическая обстановка вскоре изменилась, и перспективный проект так и остался на бумаге. Спустя двадцать лет П. Пестриков написал воспоминания о своем детище в альманахе «Харбинская старина» в надежде, что по прошествии времени кто-то из предпринимателей сможет вернуться к проекту «воздушного замка» над железной дорогой.

Хорват Дмитрий Леонидович родился 25 июля 1859 г. в г. Кременчуги Полтавской губернии в семье херсонского помещика. Окончил военно-инженерное училище и Николаевскую военную инженерную академию. Служил сначала на Закаспийской железной дороге, потом направлен на Дальний Восток — начальником восточного участка Уссурийской железной дороги, где служил в 1895—1899 гг. В 1902 — 1921 гг. в звании генерал-лейтенанта служил управляющим КВЖД. В 1917 г. был комиссаром Временного правительства на КВЖД. Во время эмиграции в Китай стал главой эмигрантских организаций на Дальнем Востоке. При помощи секретаря М. В. Колобова написал свои воспоминания, которые сейчас хранятся в Губернов-

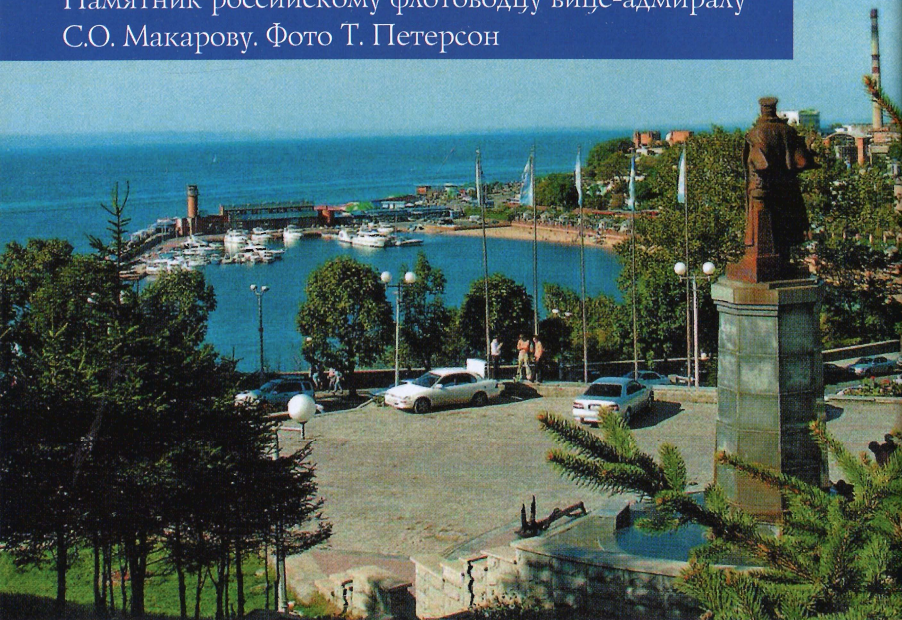

Угол Светланской и Алеутской улиц. Открытка начала XX в.

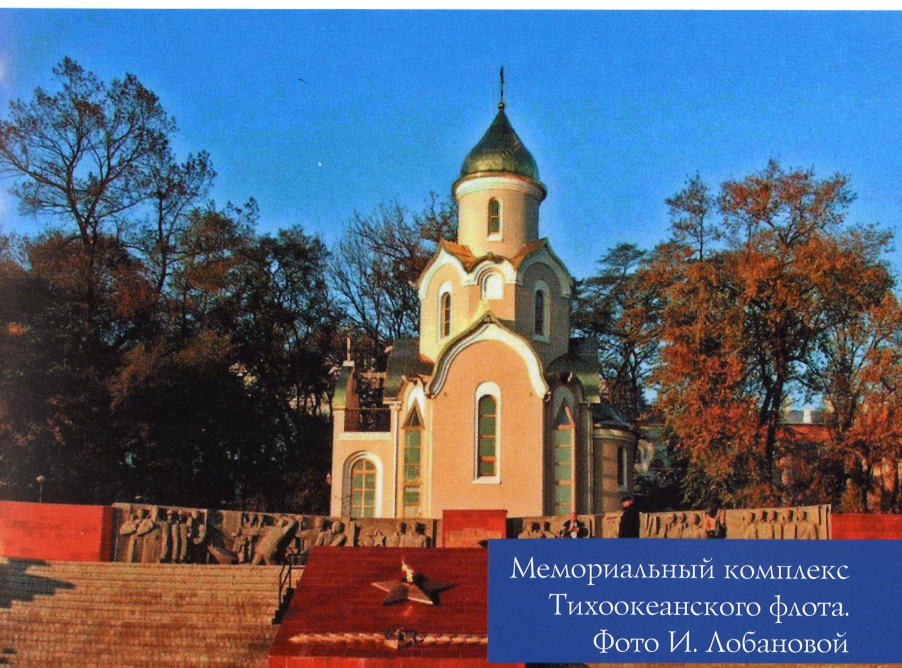
Вокзал. Открытка начала XX в.

Памятник российскому флотоводцу вице-адмиралу
С.О. Макарову. Фото Т. Петерсон

Памятник героям Русско-японской войны 1904—1905 гг.
Фото Г. Хрущева

Мемориальный комплекс, посвященный гвардейской
подводной лодке С-56. Фото Г. Хрущева

Мемориальный комплекс
Тихоокеанского флота.
Фото И. Лобановой

Храм Покрова Пресвятой Богородицы. Фото Г. Хрущева

Владивостокский океанариум. Фото Г. Хрущева

Улица Адмирала Фокина — владивостокский «Арбат».
Фото А. Ештокина

Спортивная набережная — любимое место
отдыха горожан. Фото А. Орлова

Железнодорожный вокзал. Фото Г. Хрущева

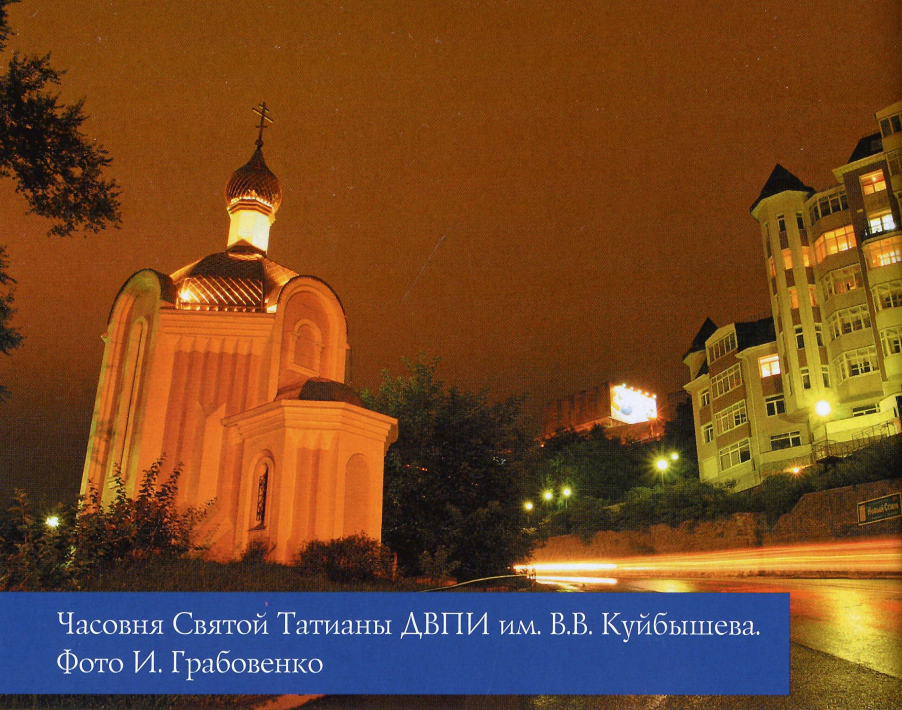
Парад кораблей Краснознаменного Тихоокеанского флота в Амурском заливе. Фото Ю. Муравина

Амурский залив. Фото И. Грабовенко

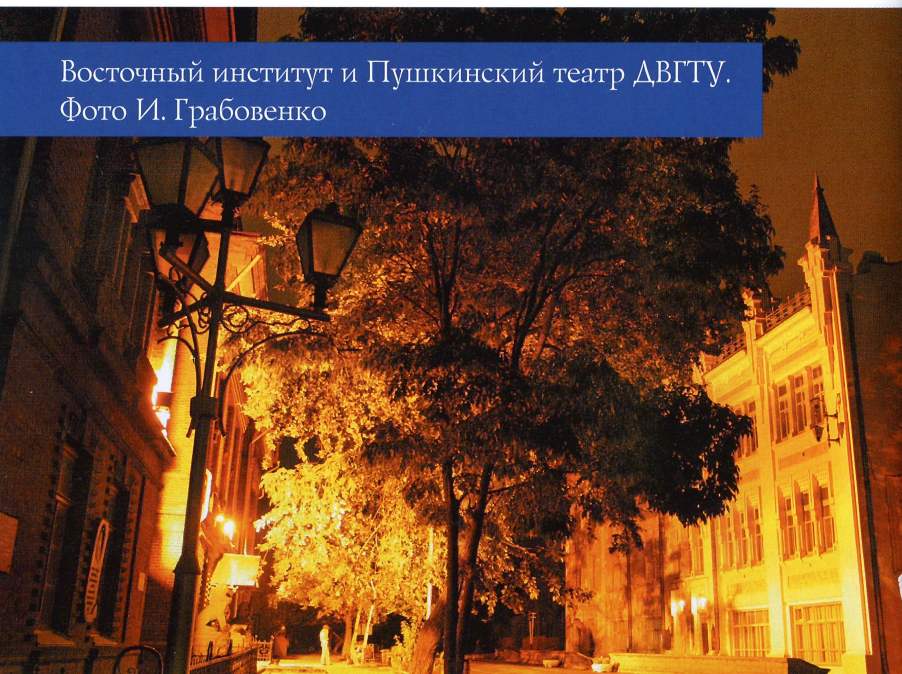

Токаревский маяк. Фото И. Грабовенко

Часовня Святой Татианы ДВПИ им. В.В. Куйбышева.
Фото И. Грабовенко

Восточный институт и Пушкинский театр ДВГУ.
Фото И. Грабовенко

ском архиве в США. Д. Л. Хорват скончался 16 мая 1937 г. «За несколько дней до смерти Д. Л. — писал харбинский журнал “Рубеж”, — из Пекина возвратился художник В. А. Михайлов, который останавливался в доме Хорвата. Он восторженно рассказывал, что чувствовал себя в семье 77-летнего генерала, как у себя дома. Во время пребывания художника в Пекине ничто не предвещало столь скорого печального конца. Дмитрий Леонидович был весел, бодр и поименно вспоминал десятки харбинцев, особенно железнодорожников. Память маститого старца, его радушие, юмор, вера в светлое будущее и крепкое с виду здоровье поразили В. А. Михайлова. «Он всех нас переживет, — говорил художник. — Помилуйте, он даже пишет и читает без очков! Стройный, сильный, бодрый, прямой и свежий, как юноша... Только в день моего отъезда с ним что-то неладное случилось: какое-то желудочное заболевание, — рвота с кровью и желчью... Отвезли в госпиталь...» Во время похоронной процессии открытый гроб покрывал национальный русский флаг. Перед гробом несли 42 награды, за ним шли не только русские, но и десятки тысяч китайцев. Хорват был единственным из лиц, не имеющих духовного звания, кто похоронен у одной из стен храма Мучеников Пекинской духовной миссии.

Глава 2.

МАСТЕРА ПЕРА ВЛАДИВОСТОКА: ВОСПОМИНАНИЯ

«АВРААМ С СЕМЕЙСТВОМ» И С. В. МАКСИМОВ

Первым профессиональным литератором, побывавшем во Владивостоке, был Сергей Васильевич Максимов. Это произошло в первый год основания поста. Будущий известный беллетрист родился 25 сентября 1831 г. в посаде Парфентьев Кологривского уезда Костромской губернии. Он учился в Московском университете и Петербургской военно-морской академии. С молодых лет у него было два увлечения: литературное творчество и путешествия. Максимов начал печататься с девятнадцати лет — в 1850 г. и вскоре приобрел известность очерками на тему народного быта в родной губернии. Совершив в 1855 г. пешеходное путешествие по Владимирской и Вятской губерниям, он продолжил изучение жизни народа и описал его в книге очерков «Лесная глушь». В 1856 г. молодой этнограф и писатель стал участником этнографической экспедиции Морского ведомства по побережью Белого моря, Ледовитого океана и Печоры, а в 1860 г., полюбив ветер странствий, он отправился в новое путешествие — на берега Тихого океана, в Приморскую область. Пароходо-корвет «Америка», на котором плыл Максимов, побывал в первых приморских постах: Ольге, Посъете и Владивостоке. В этом путешествии С. В. Максимов продолжал вести дневник, который был его неизменным спутником всю жизнь. Главы о посещении дальневосточных берегов были впоследствии опубликованы под названием «На Востоке».

«Порт этот, — писал путешественник о Владивостоке, — можно считать лучшим из всех. Он многим напоминает Ольгу, но только меньше ее, уютнее, теплее и веселее. Впрочем, те же дубы кругом, те же картинные горы. В низменностях реки журчат, в берегах много ключей бьет. На днях поставленный

пост наш белыми палатками хорошо глядится в группе еще не вырубленных и еще только расчищенных дубовых деревьев.

— Авраам с семейством своим поселился в кушах, — заметил один из наших остряков, но не совсем справедливо. Линейный офицер напоминал Авраама мало. Но самый порт много напоминал нам Ольгу. Та же теплота кругом, то же чистое небо, та же невозмутимая поверхность воды, наконец, те же манзы. Но здешние глядят дружелюбнее и приветливее и даже самым обликом отделяются от тех, которых мы оставили в Посъете».

После морского путешествия на Восток у Максимова было еще немало этнографических поездок: по берегам Каспийского моря и р. Урал, в северо-западных губерниях. Результатом их стали сборники очерков, в которых сочетается изложение научных этнографических фактов с рассказами и сценками из народного быта.

Сергей Васильевич Максимов скончался 3 июля 1901 г. в Варшаве.

ИЗ ПИСЬМА К. М. СТАНЮКОВИЧА

Пожалуй, одним из тех, кто опробовал во Владивостоке свое перо, был Константин Михайлович Станюкович. Будущий писатель-маринист родился 18 марта 1843 г. в Севастополе в семье известного адмирала М. Н. Станюковича. Он учился в Морском кадетском корпусе и в 1860 г. отправился из Кронштадта в кругосветное плавание, которое и привело его в 1861 г. во Владивосток. Ему пришлось здесь задержаться из-за болезни и познакомиться с обитателями молодого поста и окрестностями довольно близко. Вот как описал Станюкович увиденное в письме.

«8 января 1862 года 8 часов пополудни. Чтобы тебе дать понятие об той стороне, куда меня занесла судьба и где между прочим предполагается главный южный порт Вост(очного) океана — я выпишу тебе несколько строк из моего дневника.

6 января. Утром, часов в шесть, когда еще на дворе было темно, а ветер завывал немилосердно, вбежал к нам в комнату фель-

дфебель Бородин с криком “несчастье В[аше] Благородие”. Я и Бурачек (Лейт[енант], начальник порта) проснулись, зажгли свечку и увидели Бородина бледного, всего в снегу... Оказалось, что тигр удавил трех его лошадей. Ночью он, т. е. тигр, перебрался через соломенную крышу скотного двора и заел трех лошадей, сложив их в кучу... Люди, ночевавшие в доме фельдфебеля, услышав шум в конюшне, бросились туда, но отскочили в ужасе, увидев тигра, который тем же путем пробирался из конюшни. Скоро он ушел в лес. Вследствие этого происшествия Бурачек отдал приказание часовым на посту стоять с заряженными ружьями. Я ходил смотреть мертвых лошадей; у всех трех переедены горла, а мясо у ног изорвано. По забору видна кровь. По следам тигра тоже.

Сегодня же вечером часов в 7 часовой, стоявший у магазина, на берегу залива, крикнул отчаянным голосом и, когда сбежались солдаты, он объявил, что тигр пробежал по льду бухты, в расстоянии от часового не более 10 сажень, но что он боялся стрелять. Бурачек велел зарядить орудие гранатой и выстрелить в горы, чтоб напугать этого опасного соседа... Только что выстрелил, как прибежал из лазарета (лазарет в версте от нашего дома) матрос и сказал, что тигр утащил нашу с Бурачком свинью из хлева и понес в горы... Жаль бедную, она была беременная. Тигр лишил нас нескольких поросят с кашей. В ночь прапор[щик] Меньчук отправился с тремя солдатами в дом Бородина к задушенным лошадям ждать тигра. Охота опасная.

7 янв[аря]. Тигр не приходил. А по вечерам теперь ходить опасно не только далеко, но даже и за двери нашего дома, потому что были примеры, что у жителей из дому уносили животных. Меньчук предлагает вечером идти в засаду, в дом Бородина, но я не пойду; к чему рисковать жизнью даром. Мне 19 лет, а ему 50 — разница ведь большая.

8 января. Тигр ночевал в 100 шагах от нашего дома около магазина, где стоял часовой. Я ходил посмотреть логовище, где он лежал. След его лапы в длину один фут, а в ширину дюйма четыре. Видно, он подбирался к скотному двору... Собаки эту ночь и не лаяли, а жали хвосты, собирались в кучу и выли, чуя чудовище. Солдаты после зари без ружей не выходят из казармы...

Только что я дописал эти строки из моего дневника, моя дорогая Лиза, как вбежал Мартын и сказал, что тигр у бани (это 100 ша[гов] от казармы). Раздались три выстрела; тигр ушел. Вот, мой друг, куда занесло меня после Петербурга. И к пользе, потому что навык к опасностям не лишен для людей. Теперь я понимаю, что можно жить спокойно, как живут в Индии, и там, где соседи не хорошенькие Гурьевы, а уроды тигр или тигрица, которая, как женщина и как мать, еще опаснее мужчины тигра».

Вернувшись в Петербург после долгого путешествия, Станюкович изложил свои впечатления в книге «Из кругосветного плаванья», которая была опубликована в 1867 г. Скончался Константин Михайлович Станюкович 7 мая 1903 г. в Неаполе.

ОДНОФАМИЛЕЦ МАКСИМОВА

Однофамилец Максимова, также известный в прошлом литератор Александр Яковлевич Максимов, нашел во Владивостоке свой последний причал, оставив на память потомкам интереснейшие наблюдения о Дальнем Востоке. Хотя об этом человеке не осталось воспоминаний, сохранился подробный послужной список. Жизненный путь будущего беллетриста начался 3 сентября 1851 г. в Царском Селе. В апреле 1872 г. Александр Максимов окончил Морское училище, став гардемаринном. Свидетельством отличной учебы молодого человека является то, что его имя выбито золотыми буквами на мраморной доске с именами лучших выпускников училища. Через год Максимов стал мичманом, а еще через один — переведен в Сибирскую флотилию, где он прослужил пять лет. А. Я. Максимов занимал самые различные должности: был командиром роты и

Сестры Максимова

адъютантом экипажа, плавал по Японскому морю почти на всех судах легендарной флотилии: шхуна «Восток», транспорт «Ман-джур», пароходо-корвет «Америка» и др. Эти годы стали временем накопления фактического материала о почти неизведанном крае. Факты и личные впечатления легли в основу первых публикаций Максимова, которые вначале увидели свет на страницах столичных изданий, а затем и в виде отдельных книг.

«В предлагаемых мною рассказах и очерках, — писал Максимов в предисловии к своей первой книге, — я желаю, по силе возможности, познакомить читателей не только с замечательной природой Уссурийского края, а также с нравами, обычаями и характерами инородческого населения, с преисполненной всевозможными опасностями и трудностями жизнью русских промышленников и пионеров-топографов и, наконец, с малоизвестным бытом и внутренней жизнью каторжных, нередко более несчастных, чем преступник, заслуживающих, скорее, сожаление, чем огульное презрение и осуждение. При этом считаю нелишним предупредить читателей, что сюжеты предлагаемых мною рассказов не есть плод воображения, а взяты из случаев, действительно имевших место в Уссурийском крае».

В январе 1879 г. лейтенант Максимов выехал на новое место службы — в Санкт-Петербург. Вначале его назначили наставником в родное училище, затем он немного поплавал на коммерческих судах и послужил в Кронштадтском порту. За безупречную службу он стал кавалером многочисленных наград, в том числе и иностранных. Но самой большей наградой для офицера стало признание его литературного труда. Ведущие газеты России «Санкт-Петербургские ведомости», «Голос» и другие охотно печатали его очерки и рассказы о Дальнем Востоке: о состоянии морских сил, о жизни коренных народностей, об уссурийской тайге и дальневосточной природе.

В январе 1891 г. А. Я. Максимов стал капитаном 2-го ранга, но, вероятно, жизнь в столице не отвечала всем запросам богатой натуры талантливого литератора, и он вернулся во Владивосток на должность младшего помощника командира порта.

Свои служебные обязанности он сочетал с подготовкой полного собрания сочинений.

Последние страницы личного дела А. Я. Максимова весьма лаконичны. «Не имею возможности продолжить службу Вашего Императорского величества, — писал Максимов 21 августа 1896 г., — вследствие тяжкой болезни...» На другой день, 22 августа, владивостокские врачи подписали заключение медкомиссии: «На основании вышеизложенного мы находим, что капитан 2 ранга Максимов 2-й страдает злокачественной, прогрессивной анемией, болезнью тяжкой и совершенно неизлечимой, лишаящей его возможности не только продолжить службу, но и обходиться без постоянного постороннего ухода...» В тот же день Александр Яковлевич Максимов скончался.

О семейном положении владивостокского литератора известно, что он был женат на Марии Карловне, урожденной Гогланд. У них был сын Евгений и две дочери — Мария и Александр. После смерти М. К. Максимова полное собрание сочинений писателя под названием «На далеком Востоке» издала его жена.

...Одному из авторов этой книги как-то позвонили из управления культуры то ли города, то ли края и попросили принять Наталью Александровну Максимову, художницу из Санкт-Петербурга, приехавшую со своими картинами на весеннюю выставку в столицу Приморья. Через некоторое время позвонила и она, сказав, что очень хочет посмотреть наш музей, так как много о нем слышала. Мы договорились о встрече. Вспомнив об альбомах, еще пошутили, что есть у нас фотографии сестер по фамилии Максимовы, может быть, они не только однофамильцы, но и родственники нашей гостьи. Вот так, ненароком сказанная шутка и оказалась правдой. Увидев фотографии, а особенно подписи к ним, Наталья Александровна разволновалась настолько, что её пришлось успокаивать.

— Это же мой почерк! — воскликнула она и повторила фразу несколько раз.

— Этого не может быть. Ведь фотографии датированы 1896 годом!

Наталья Александровна пояснила, что ее собственный почерк очень похож на почерк бабушки, которая, вероятнее всего, и сделала подписи к фотографиям в альбоме. Тут же в музее были изготовлены копии фотографий, так заинтересовавших нашу гостью.

АВТОР «ПЕТЕРБУРГСКИХ ТРУЩОБ» ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

После известного писателя И. А. Гончарова путешествие на Дальний Восток совершил и автор нашумевшего романа «Петербургские трущобы» В. В. Крестовский. Он родился 11 февраля 1840 г. в с. Малая Березайка Киевской губернии. Будущий литератор учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета и начал печатать статьи уже с 17 лет. В 1880 г. его назначили секретарем начальника эскадры Тихого океана генерал-адъютанта С. С. Лесовского, вместе с которым Крестовский и совершил кругосветное плавание на крейсере «Африка», побывав и во Владивостоке. То, что довелось увидеть в те сентябрьские дни Всеволоду Владимировичу Крестовскому во Владивостоке, он описал в своих путевых очерках.

«При общем беглом взгляде на Владивосток с палубы судна в Золотом Роге он кажется очень значительным городом, широко раскинувшимся на склонах горы вдоль северного берега бухты на протяжении пяти верст с лишком. Но эта значительность только кажущаяся и зависит от беспорядочной разбросанности строений, самая же растянутость города находится в зависимости от гор, которые подступили почти вплотную к побережью бухты и не дают Владивостоку развернуться ширию, так что он, за исключением своего северо-западного угла (Манзовский конец), поневоле тянется лентой вдоль берега. Фасады домов обращены все к бухте, т. е. на юг и частью на юго-восток, соответственно направлению берега Золотого Рога. Почти все без исключения дома расположены под горой, так как в этом крае весьма важно ставить строение таким образом, чтобы дать ему защиту от зимних северных и северо-восточных ветров. Главнейшие пункты

панорамы Владивостока, если начать обзор слева направо, будут портовые здания, хотя слово “здания” может быть применено к ним разве что в ироническом смысле. Несколько выше портовых построек находится действительное и чуть ли не единственное “здание” Владивостока, сооруженное за 70 000 рублей военно-сухопутным ведомством: это кирпичная казарма для двух рот 1-го линейного батальона. Правее казармы, после ряда разнокалиберных и большей частью довольно убогих домишек в северо-западном углу залива виднеется городская пристань, почему-то, между прочим, названная в отчете городского головы за 1878 год “грандиозным сооружением”. Впрочем, говорят, что пристань действительно замечательная, и именно тем, что суда к ней, будто бы, приставать не могут.

Правее городской пристани сереют два ряда деревянных барабанов, где помещаются лавки городского или манзовского базара. Затем, по набережной (правильнее сказать, просто на голом берегу), составляющей лучшее место города, виден ряд благообразных деревянных домов, принадлежащих торговцам привилегированного, т. е. иностранного происхождения, преимущественно купцу Адольфу Альберсу, имеющему здесь же свои магазины. Рядом с привилегированными домами находится и одноэтажный деревянный дом главного командира, который, впрочем, выглядывает наружу лишь своим чердачным балкончиком, а сам как бы стыдливо прячется за кустарниками общественного сада, замечательного по полному отсутствию в нем деревьев, хотя в 60-х годах здесь стоял лес дремучий. Этот небольшой, довольно скромной наружности домик нельзя, однако, трактовать слегка, потому что он обошелся казне недешево, если принять во внимание, что на одну лишь отделку его отпущено в 1877 году более 44 тысяч рублей.

Далее, вдоль по берегу, за публичным садом находится так называемая “Адмиральская пристань” и салютационная батарея, с которой вестовая пушка ежедневно возвещает жителям города полдень. Вправо от батареи — “Штабная пристань”, и над ней, на довольно крутом и возвышенном берегу, здание штаба главного командира — одноэтажный деревянный с подвальным

жилем в бетонном фундаменте дом, украшенный семафорной мачтой. Далее уныло глядит “здание” морского клуба — серый бревенчатый сруб без крыши, с зияющими черными дырами окон — в ожидании разрешения вопроса “Владивосток или Ольга?” — свободному от действия всех стихий, разрушительно подтачивающих его существование и обращающих дерево в ветхое гнилье, пока услужливый огонь не спалит весь этот сруб до основания, что и случилось уже здесь однажды с прежним “зданием” морского же клуба, когда оно, только что отстроенное, готовилось к торжественному открытию».

Эти строки были опубликованы в статье «Путешествие Всеволода Крестовского на эскадре генерал-адъютанта Лесовского», увидевшей свет на страницах газеты «Правительственный вестник» в 1881 г. Всеволод Владимирович Крестовский умер в Варшаве 18 января 1895 г.

«ЭТО УЖ НЕ СИБИРЬ»: НИКОЛАЙ ГАРИН-МИХАЙЛОВСКИЙ

По Транссибу до Владивостока совершил поездку известный русский писатель Н. Гарин, настоящее имя — Николай Георгиевич Михайловский. Он родился 8 февраля 1852 г. в Санкт-Петербурге, там же окончил Институт путей сообщения, затем работал на строительстве Сибирской железной дороги. Гарин-Михайловский является автором популярной тетралогии: «Детство Темы» (1892), «Гимназисты» (1893), «Студенты» (1895) и «Инженеры» (1907). Результатом многочисленных путешествий писателя стали популярные путевые очерки «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову», вышедшие в свет в 1899 г., отрывок из которых мы и предлагаем.

«29 августа. Верст за 15—20 перед Владивостоком железная дорога подходит к бухте и все время уже идет ее заливом. Это громадная бухта, одна из лучших в мире, со всех сторон закрытая, с тремя выходами в океан. Город открывается не сразу и не лучшей своей частью. Но и в грязных предместьях уже чувствуется что-то большое и сильное. Многоэтажные дома, какие-то

заводы и фабрики. Крыши почти сплошь покрыты гофрированным цинковым железом, и это резко отличает город от всех сибирских городов. Впечатление усиливается в центральной части города, где очень много и богатых, и изящных, и массивных, и легких построек. Большинство и здесь принадлежит, конечно, казне, но много и частных зданий. На рейде белые броненосцы, миноносцы и миноноски. В общем, своеобразное и совершенно новое от всего предыдущего впечатление, и житель Владивостока с гордостью говорит:

— Это уж не Сибирь.

И здесь такая же строительная горячка, как и в Благовещенске, и Хабаровске, но в большем масштабе. Ходим мы по улицам, ходят матросы наши, русские, немецкие, чистые, выправленные щеголи, гуляют дамы, офицеры, едут извозчики, экипажи-собственники. Это главная улица города — Светланская; внизу бухта и суда. Ночь настоящая южная: живая, тревожная, темная и теплая. Множество огней, и сильное движение по Светланской улице. Едут торопливо экипажи, снуют пешеходы, из окон магазинов свет снопами падает на темную улицу. Темно, пока не взойдет луна. Кажется, провалилось вдруг все в какую-то темную бездну, в которой снизу и сверху мигают огоньки. Там, внизу, море, там, вверху, небо, но где же эти огоньки? Между небом и землей? Да, там: они горят на высоких мачтах белых, не видных теперь броненосцев. Там между ними теперь и германских три судна.

30 августа. Все эти дни прошли в окончательных приготовлениях: покупаем провизию, разные дорожные вещи. В свободное же от покупок время знакомимся с местным обществом. Один драматический и опереточный театр действует, лихорадочно достраивается другой — там будут петь украинцы; работает цирк. Мы были и в театре, и в цирке. Что сказать о них? Силы, в общем, слабые, но есть и таланты. В общем же житье артиста здесь сравнительно с Россией более сносное, и здешняя публика относится к ним хорошо. Хорошо относится и печать. Вечером я ужинал с несколькими из здешних обитателей, а после ужина один из них позвал меня прокатиться с ним по городу и его

окрестностям. Это была прекрасная прогулка. Мой собеседник, живой и наблюдательный, говорил обо всем, с завидной меткостью определяя современное положение дел края.

1 сентября. Сегодня вышел первый номер новой, третьей здесь, газеты — “Восточный вестник”. Редакция газеты, очевидно, чистоплотная. Лучшая будущность — 500 подписчиков, и, следовательно, людей собрала к этому делу не его денежная сторона. Сегодня вечер я провел в их кружке, и вечер этот был один из лучших, здесь проведенных вечеров. Хозяйка дома, госпожа М., она же секретарь редакции, из числа тех беззаветных, которые своей любовью к делу, любовью особенной, как только женщины умеют любить дело, перенося на него всю ласку и нежность женской натуры, — греют и светят, вносят уютность, вкус, энергию... Выхлопотать “разрешение”, получить вовремя случайно запоздавшую телеграмму и таким образом прибавить интерес номеру, не спать ночь, чтобы номер вышел вовремя, исправлять корректуру и огорчаться от всего сердца, если какая-нибудь буква выскочила-таки вверх ногами, — вот на что проходят незаметно дни, годы, вся жизнь...

3 сентября. Возвратился с вечера в час ночи, а в семь часов утра пароход, на котором я уезжал из Владивостока, уже выходил из бухты в открытый океан. Еду я до бухты Посьета, а оттуда сухим путем в Новокиевск, Красное село и далее, в Корею...»

Вернувшись в Петербург, Николай Георгиевич Гарин-Михайловский опубликовал в 1899 г. сборник «Корейские сказки». Писатель скончался 27 ноября 1906 г. в Санкт-Петербурге.

ПОЭМА ПАВЛА ГОМЗЯКОВА

Сто лет тому назад отстоял свою первую вахту врач бригады вахты Павел Иванович Гомзяков, которого позднее назовут первым поэтом Владивостока. Несмотря на его известность, биография поэта продолжает оставаться запутанной. Немало путаницы внесли в нее и авторы юбилейных публикаций. Поэтому мы и решили вернуться к жизни этого замечательного человека.

Большую роль в жизни поэта сыграл его отец, протоиерей Иоанн Стефанович Гомзяков, который родился в 1834 г. во владениях Российско-Американской компании на о. Уналашка. В июне 1856 г. он окончил Архангельскую духовную семинарию и был назначен причетником Удской Спасо-Николаевской церкви, а через год — священником в Янской церкви. В августе 1864 г. отца Иоанна перевели в Благовещенск, где его назначили священником в местном кафедральном соборе. Занимался он в те годы и миссионерством. В 1872 г. за успешное обращение корейцев в православие и открытие школы в с. Благословенном отец Иоанн получил награду в 100 рублей. В Благовещенске 13 июня 1867 г. и родился будущий поэт Павел Гомзяков. Позднее Иоанн Стефанович служил на Камчатке, во Владивостоке и Хабаровске. Всего же в семье было семеро детей: четыре дочери и три сына.

*Первый поэт Владивостока и
первый врач-подводник России
Павел Гомзяков*

Всю свою жизнь протоиерей Гомзяков досадовал, что не получил хорошего образования. Это и стало одной из причин того, что священник постарался, чтобы все дети смогли окончить хорошие учебные заведения. В конце 1895 г. Павел Гомзяков получил диплом медицинского факультета знаменитого Юрьевского университета. Уже на следующий год он решил вернуться в родные края, на Дальний Восток. В августе 1896 г. его назначили младшим врачом Владивостокского пехотного полка, но сухопутная жизнь его не привлекла, и в мае 1899 г. П. Гомзяков стал корабельным врачом Сибирского флотского экипажа, пройдя сначала практику в должности врача Владивостокского морского госпиталя.

Гомзякову пришлось немало времени провести в море. Он был судовым врачом на крейсере «Память Азова», транспортах

«Ермак», «Надежный», «Якут», крейсере «Забияка». На «Якуте», под командованием А. А. Новаковского, он совершил плавание к Командорским островам и к Берингову проливу.

Во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. П. И. Гомзяков был прикреплен к первому в России соединению подводных лодок и стал, таким образом, первым врачом-подводником.

Врач Гомзяков был деятельным членом Общества изучения Амурского края. Он часто выступал на собраниях, помогал советами начинающим краеведам. За эту деятельность 11 января 1901 г. его избрали членом-соревнователем общества. В одном из протоколов отмечалось, что он, «всегда сочувствуя целям общества, сдал в его музей свои еще гимназические коллекции». Избирался Гомзяков и членом Распорядительного комитета ОИАК, а в 1903 г. стал заведующим библиотекой. Одной из своих задач Гомзяков считал пополнение книжного фонда ОИАК, а также работу с теми, кто «забывал» вернуть книги.

Служба у Гомзякова протекала не всегда спокойно. В архиве сохранилась тоненькая папка, в которой в деталях описывался случай, когда палатный ординатор Владивостокского морского госпиталя Гомзяков попал под суд. 27 октября 1908 г., обходя арестованных больных, П. И. Гомзяков каждый раз запирался начальником караула. «Зачем ты меня запираешь, — спросил его врач в первой палате, — разве я хулиган или арестованный?» Ответа он не получил. В другой палате процедура повторилось. «Болван, — сказал раздраженно Гомзяков, — почему вас не обучают, как обращаться с офицерами?» Начальник караула унтер-офицер Богданов ответил ему тоже на повышенных тонах. Разгорелся скандал, в результате которого П. И. Гомзякова отправили на 4 месяца на гауптвахту. В ней не было места для офицеров, и врача послали на транспорт «Тобол» с приставлением часового. Это было незаконно, и Главный военно-морской суд на основании закона отменил наказание. Командование не осталось безучастным и ходатайствовало о смягчении приговора. П. И. Гомзяков очень переживал. «Сознавая свою вину, — писал он, — осмеливаюсь объяснить свой проступок не злым умыслом или намерением оскорбить или унижить караульного начальника, а

лишь невольной случайной вспышкой раздражения, вызванно-го, как и судом признано, повышенным тоном унтер-офицера Богданова». В ноябре 1909 г. Николай II подписал бумагу, что «наказание не является препятствием к награждению».

Писать стихи Павел Гомзяков начал в детстве, и обращался к поэзии в течение всей своей жизни. В 1899 г., например, он выступил на литературном вечере во Владивостоке, посвященном столетию со дня рождения А. С. Пушкина. В 1911 г. увидела свет книга Гомзякова «Библейское наследие», единственный его прозаический опыт. Узнав о плохом положении лепрозория вблизи Николаевска-на-Амуре, П. Гомзяков отправился туда, изложив затем увиденное в цикле очерков, которые и составили книгу. «Написанная живым языком, она давала удивительно меткую и острую характеристику старого Николаевска, его обитателей, сообщала обширные сведения о древнем и страшном заболевании — лепре, — отмечал хабаровский журнал “Дальний Восток”. — Автор правдиво рассказывал о тяжелом положении лечебницы, отдал должное стойким, самоотверженным людям, выполняющим свой врачебный долг в исключительно трудных условиях. Книга привлекла внимание общественности, способствовала улучшению здравоохранительного дела. Гонорар за книгу был пожертвован автором на нужды лепрозория». К сожалению, эту 15-страничную книгу не найти сегодня в дальневосточных библиотеках, как и двух первых сборников стихов Гомзякова.

В самом начале 1912 г. отец Павла Гомзякова ушел на покой. По этому поводу газета «Приамурские ведомости» писала: «Всю свою многолетнюю, более 50 лет, службу в священническом сане посвятил Приамурскому краю. Здесь он прожил полвека, неустанно трудясь на пользу религиозно-нравственного и учебно-школьного просвещения народа, начиная с совершенно дикого в то время и пустынного севера Якутской области в качестве миссионера. В мае 1907 года праздновал 50-летний юбилей своего служения...»

Иван Степанович Гомзяков умер 16 марта 1923 г. в Хабаровске и был похоронен в ограде Иннокентьевской церкви.

С 16 июля 1912 г. Павел Гомзяков служил старшим врачом Либаковского флотского полуэкипажа, затем в Гельсингфоргском и Архангельском портах. Последняя его должность — старший врач УбекоСевер (управление по безопасности кораблевождения). В последних документах послужного списка отмечается членство П. И. Гомзякова в общественных организациях: «В политических партиях не состоял. В обществе морских врачей Владивостокского и Либаковского портов. В профессиональном союзе морских врачей в Гельсингфорсе. В профессиональном союзе “Всемередикосантруд” в Архангельске». Последнюю аттестацию дал поэту и врачу начальник Севмора: «Более 20 лет безупречно служил врачом в Морведе, обладает солидными сведениями по медицине, как теоретическими, так и практическими. Все время внимательно и добросовестно и с любовью относился к своему делу. Необыкновенно гуманен с больными. Работая, не считался с усталостью и собственным здоровьем. Помимо обслуживания своей части, охотно шел на помощь всем гражданам, нередко оканчивая работу около полуночи». О последнем годе жизни П. И. Гомзякова имеются отрывистые сведения. Отмечалось, что его отправляли в сопровождении матросов лечиться в Москву. По возвращении в Архангельск он скончался в 1921 г.

О семейном положении поэта послужной список сообщает, что первым браком он был женат на дочери статского советника Лилии Карловне Рюм-фон-Лилиетитерн. Этот брак продлился недолго: жена умерла молодой, оставив двух дочерей — Марию, которая родилась 22 октября 1896 г., и Наталью, родившуюся 13 апреля 1898 г. Известно также, что П. И. Гомзяков женился второй раз на дочери статского советника Вере Афанасьевне Яржмбской. Ей он посвятил один из своих поэтических переводов. Детей у них не было, но в семье воспитывалась дочь от первого брака. Что же стало с другой дочерью, неизвестно. Интересно, что племянник поэта Георгий Александрович Гомзяков успешно продолжил занятия медициной. В 1928 г. он окончил Ленинградский институт медицинских знаний. Участвовал врачом в Советско-финской и Великой Отечественной войнах. Много из опыта фронтового врача легло в научные работы про-

фессора Г. А. Гомзякова. Он скончался в 1969 г. в возрасте 70 лет. Что же касается книг Павла Гомзякова, то некоторые из них сейчас находятся в музеях Хабаровска и Владивостока.

Павел Гомзяков откликнулся на 50-летний юбилей Владивостока стихами, опубликованными в поэтическом сборнике «Ad astra», увидевшем свет во Владивостоке в 1911 г. Конечно, не все в них отвечает вкусу взыскательного читателя, но впечатления старожила Владивостока в начале XX века они передают точно.

Но были времена, когда
Он в город жаловал сюда
И на Светланской (точно так!)
Ловил породистых собак.
За то он и стяжал себе
Местечко в городском гербе.

...

Картина жизни прошлых дней
Патриархальна и проста:
В тайге — казарма для поста,
Два офицера, взвод солдат...
Был незатейлив жизни склад:
Ловили неводом кету,
Фазанов били на лету
И почту ждали чуть не год...

...

Стал город шириться в концы,
И на Семеновский покос
Кулик не смел казать свой нос,
Да и фазаны реже с гор
Летали к жителям во двор...
Картины местной старины
Бывали юмором полны:
Жизнь захолустных уголков
Всегда рождает чудаков...

...

Край молод... Твердою ногой
Стоять должны мы. Дорогой
Ценой России стоил он...
Мы здесь среди чужих племен
И, сохраняя дружбу к ним,

Должны мы жить трудом своим,
Откинув дразги, сплетни, лень:
В работе дорог каждый день.
Нам за примерами, как жить,
Не надо далеко ходить:
Здесь был Мякотин, был Дьячков,
Работал Буссе... Стариков
Мы многих знаем честный труд...
Пусть все, как братья, подадут
Друг другу руки и тогда —
Все для работы, для труда!
И клич: «В честь родины святой!» —
Не будет только звук пустой.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ В. А. ПАНОВА

«В 1876 г. население Владивостока составляло около 8000 душ обоего пола. Первый план города был разбит еще в 1872 г. Заселенный район охватывал тогда только нижнюю часть того берегового ската, который занят нынешней городской территорией, а выше к водоразделу тянулись сплошные пустыри.

Светланская улица, названная так по имени фрегата “Светлана”, на котором Владивосток посетил в 1872 г. великий князь Алексей Александрович, в нынешней своей главной части между Восточным институтом и гостиницей “Золотой Рог” представляла, как вообще и все улицы города, лишь простую грунтовую дорогу, где местами пробивалась трава. Она была еще слабо застроена домами, редко стоявшими на огороженных пустырях. Угловой из дикого камня, одноэтажный маленький домишко у Соборной площади и деревянное здание бывшей мужской гимназии против Городского сада — это все, что уцелело до нашего времени от тогдашних построек на указанном протяжении Светланской улицы.

Весь город в то время был еще деревянный, за исключением нескольких небольших одноэтажных домов, сложенных из дикого нетесованного камня неправильной кладки. Маленькая деревянная церковь стояла немного ниже нынешнего собора. Адмиральский дом с большим садом тоже был деревянный, од-

Здание Морского штаба (почтовая карточка)

ноэтажный. Вся эта сторона улицы от адмиральского дома до Восточного института (вниз до береговой черты) представляла сплошной пустырь. Морской штаб помещался в деревянном же доме в нынешней ограде сквера Завойко (ныне здесь стоит памятник С. Лазо. — *Примеч. авт.*) — против нынешнего нового Морского штаба. Наискосок от Адмиральского дома, на другой стороне Светланской улицы, стоял женский институт (где теперь Морской штаб), а рядом с последним — деревянный магазин Чурина. Деревянный же магазин фирмы Кунст и Альберс находился там, где теперь стоит особняк этой фирмы (против главного магазина), но вход в него имелся не со Светланской, а с Береговой улицы. На месте Городского сада лежал сплошной пустырь, на прибрежной части которого располагался Манзовский базар с причалом против него китайских лодок и шаланд. Через него шла дорога в военный порт, занимавший район нынешней территории Добровольного флота.

Остальные улицы в этой части города (Китайская — Океанский проспект, Алеутская, Суйфунская — Уборевича, Семеновская, Пекинская — Адмирала Фокина. — *Примеч. авт.*), благодаря китайскому и корейскому населению были люднее. На месте же нынешнего Семеновского базара (ныне Спортивная гавань. — *Примеч. авт.*) лежала болотистая низина, где любители охотились на куликов, а ранее купец Я. А. Семенов косил

сено, отчего это местность и получила название Семеновского покоса. Далее (севернее) шли Фельдшерский покос (у нынешней городской бойни) и Куперовская падь, названная так по имени американца Купера, косившего там сено.

Таков был в то время нынешний городской центр, являвшийся и тогда деловой, “торговой стороною” старого Владивостока и заселенный исключительно частным населением. Именно эта часть в общежитии и именовалась «городом».

Но “культурною стороною”, с интеллигентной общественностью, была восточная половина города, где в Офицерской, Экипажной и Матросской слободках сосредотачивались исключительно военно-морские служащие, составлявшие главную часть европейского населения Владивостока. Здесь жизнь была теснее. Здесь находилось единственное общественное место в городе — Морское собрание — в деревянном доме на углу Шефнеровской (ныне Дальзаводская. — Прим. авт.) и Дегеровской улиц. Если смотреть с судна на береговые огни в домах вечером, то здесь они казались гуще.

[...] Чтобы попасть из “города” в слободки, нужно было пересечь глубокий овраг (засыпанный позже после постройки дока в начале 90-х годов), начинавшийся почти сразу же за Восточным институтом, где Светланская улица и обрывалась. Спуск верхом и в экипаже шел по косоугру наискосок к берегу. Затем дорогою вдоль бухты, мимо нынешней территории военного порта, по косоугру же пересекали Жариковский овраг и попадали в Офицерскую слободку, а из нее, мимо Экипажной слободки, снова спускались в другой глубокий овраг, который отделял Матросскую слободку от Экипажной.

Пересечь первый овраг в прямом направлении вдоль Светланской улицы можно было только пешеходною тропинкою, настолько спуск был крут. За оврагом же лежал пустырь. Впервые объездная улица вокруг вершины этого оврага (часть нынешней Пушкинской. — *Примеч. авт.*), с ответвлением для спуска опять на Светланскую по другую сторону оврага, была проложена только около 1880 г.

Городской бюджет даже еще в 1878 г. составлял всего около 40 000 руб. в год. Коммерческих судовых рейсов за этот год во Владивосток было сделано 61, и товаров в порт было ввезено на сумму около 1 155 000 руб. и на 20 000 руб. вывезено морской капусты.

Как частный эпизод из рейдовой жизни Владивостока укажу, что в 1876 г., 29 августа, порт посетил американский корвет “Кирсердж”, который пробыл несколько лет стационаром в водах Китая и послан был сюда адмиралом из Манилы для освежения команды. В первый раз этот корвет, состоявший при ученой экспедиции, наблюдавшей прохождение Венеры через солнечный диск, приходил сюда еще в 1874 г., сейчас же — после переноса военного порта из Николаевска.

Я считал интересным упомянуть о приходах названного судна по той причине, что этот корвет известен как победитель морской дуэли (по вызову) у берегов Франции (Брест) знаменитого неуловимого капера южан “Алабама” в междоусобную войну между Северными и Южными штатами за освобождение негров. Корвет простоял здесь в 1876 г. десять дней. В этом же году, осенью, наша эскадра ушла отсюда в Америку, чтобы быть готовой к крейсерским действиям в случае разрыва с Англией в русско-турецкую войну.

Военно-морской элемент во Владивостоке представлял собою подвижное население, в котором одни лица сменялись другими. Большинство офицерства служило здесь 5 лет, реже — 10 лет и немногие прослуживали 20 лет. За выслугу 5 лет полагались “пятилетки”, т. е. двойные прогонные и подъемные деньги на фактический проезд отсюда к месту нового назначения или же в виде пособия, если служащий оставался здесь на второе пятилетие. За прослужение 10 лет назначалась половинная пенсия (выдававшаяся немедленно на службе) и снова двойные прогонные деньги, но только при условии фактического выезда отсюда или выхода в отставку. За прослужение же 20 лет давалась полная пенсия.

Офицерство, выслужив 10 лет, и редко 20 лет, обыкновенно переводилось отсюда в Европейскую Россию, и лишь немногие

выходили в отставку. В последнем случае они получали двойные прогонные и подъемные деньги до места, “куда выехать пожелают”. Теми же правами пользовались и чиновники морского ведомства, если они не были местными или сибирскими уроженцами или вообще были фактически присланы сюда из Европейской России. На этот случай все почтовые дорожки были изучены офицерством и чиновничеством до тонкости, и все расстояния, с умножением их на “поверстные платы” по разным сухопутным трактам, взвешены и сравнены самым тщательным образом. Самая большая сумма таких прогонных выдавалась до Петропавловска-на-Камчатке, но не потому, что расстояние было наибольшим, а вследствие наивысших “поверстных плат” (4 коп. на версту) в большей части сухопутных трактов по этому направлению. Вследствие этого все, выходившие в отставку, при истребовании себе прогонных денег, обязательно указывали, что выезжают в Петропавловск, а, получив прогонные деньги, фактически поселялись во Владивостоке или же возвращались на родину, в Европейскую Россию. Когда мне в 1883 г. пришлось быть в Петропавловске, там фактического населения состояло всего около 200 душ, но, если бы туда собрать всех офицеров и чиновников, получивших прогонные до этого города, то население его сразу же удвоилось бы.

Все эти льготы были установлены, чтобы удержать служивших в малолюдном крае на более долгие сроки. “Пятилетки”, выдававшиеся как пособие, являлись огромным подспорьем. Семейные люди устраивали на них дом, холостые при помощи их расплачивались по своим торговым и ресторанным долгам. У кого была близка “пятилетка”, тот чувствовал свой кредит упрочившимся и повышенным, ибо “пятилетки” достигали до 1300—2000 руб. в зависимости от чина и должности. Но зато и сторожили же такого счастливец его кредиторы в дни, когда ему составлялась ассигновка и поступала затем в казначейство для оплаты! Он был всегда в “поле зрения” своих кредиторов, как новая комета в телескопе астрономов. У ненадежных главные кредиторы заблаговременно брали доверенность на получение их “пятилетки” и представляли по начальству, чтобы обеспечить

свое получение. Впрочем, все рассчитывались сами вполне добросовестно, и доверие к “пятилеткам” не иссякало.

Мне лично пришлось сделаться местной юридической знаменитостью среди тогдашних офицеров и чиновников морского ведомства по этому животрепещему для них вопросу о “пятилетках”, потому что в отношении себя я выиграл дело в Сенате, посрамив старого петербургского юрисконсульта морского ведомства. Долго рассказывать эту историю, но суть ее в том, что зная о существовании в морской библиотеке полного собрания законов (101 том), я проследил всю историю законодательства и его мотивы о здешних льготах. Это дало возможность доказать неправильность существовавшей практики и выиграть через Сенат лишнюю “пятерку”, какой до меня никто не получал.

Это лишняя “пятерка”, получение которой совпало с получением обычных прогонных денег при отставке, дала мне возможность начать в 1892 г. издание газеты “Дальний Восток”. Уже спустя несколько лет 3—4 чиновника обращались ко мне за помощью по исходатайствованию их “пятилеток”, хотя я указывал, что дело их заурядное и стоит лишь написания обычной докладной записки по форме, они все-таки просили составить им хотя бы даже такую записку, потому что у меня “рука легкая”. Потом все эти “амурские” льготы отменили, и жизнь стала тяжелее.

Старый Владивосток в области культурной и общественной жизни носил на себе ясный подавляющий военно-морской отпечаток. Все главное начальство состояло из моряков Сибирской флотилии и военного порта. Стоянка Тихоокеанской эскадры оживляла всю местную жизнь. Летом бухта была всегда полна русскими военными судами, вплоть до занятия нами Порт-Артура в 1897 г., куда затем отошла на постоянную стоянку Тихоокеанская эскадра, а вместе с тем сразу же упало и военное оживлением на рейде.

В плане самого Владивостока (название улиц) и в названии мысов и бухт сохраняются имена старых судов и моряков, здесь служивших или плававших. Первое женское училище (прогимназия) здесь принадлежало морскому ведомству. Первая по времени издания здешняя частная газета “Владивосток” (1883 г.)

существовала на субсидии (3000 руб.) морского ведомства. Вторая частная газета “Дальний Восток” (1892 г.) была основана мною, под моим редактированием, когда я еще состоял на морской службе. Морская библиотека первоначально была здесь единственной и питала весь город. Общество изучения Амурского края возникло здесь по инициативе морского инженер-механика, а постройка его музея была осуществлена благодаря только личному влиянию бывшего здешнего капитана над портом В. М. Лаврова на сбор пожертвований и материальной помощи самого порта. Вся главная медицинская практика в городе долго находилась здесь исключительно в руках морских врачей. Лишь с образованием в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства доминирующая роль морского ведомства теряется и переходит в руки крепости (1889 г.)».

Панов, Виктор Ананьевич (1854 — 1922, Владивосток) — журналист, краевед, востоковед. Окончил Техническое училище Морского ведомства и вступил в действительную службу (1 июня 1871, Кронштадт). Служил в Сибирской флотилии (20 дек. 1875 — 23 дек. 1878), переведен обратно в Сибирскую флотилию (31 авг. 1879). Соредактор газеты «Владивосток» (1885). Заведовал мореходными картами и инструментами при управлении дирекции маяков и лоции Восточного океана (8 марта 1886 — 6 марта 1893). Директор маяков и лоции Восточного океана (30 июня 1887 — 1 мая. 1889). Зав. Владивост. Александров. мореход. классами (1890 — 1902). Отв. редактор и издатель газеты «Дальний Восток» (25 окт. 1892 — конец янв. 1920, нерегулярно в 1921 и 1922). Уволен в отставку по прошению с мундиром и с производством в капитаны корпуса флотских штурманов (12 июля 1893). Гор. голова Владивостока (1903—1905). Автор книг, опубликовал много статей в газете «Дальний Восток», которые затем напечатал отдельными оттисками.

П. В. ШКУРКИН. ИЗ КНИГИ О ЛАНЦЕПУПАХ

В конце своей жизни П. В. Шкуркин начал писать свою книгу — воспоминания «Ланцепупы: Галерея дальневосточных портретов». Один отрывок из нее был опубликован в сан-францисской газете «Новая заря» в марте 1936 г.

«Среди лиц, формально или по духу примыкавших к знаменитым ланцепупам (о которых до сих пор черной лжи написано гораздо больше, чем правды), — была одна любопытная и красочная личность, не так давно сошедшая с жизненной сцены.

В конце 80-х и в 90-х прошлого века “процветал” во Владивостоке нотариус Владимир Федорович А-с. Жил он на углу Ботанической и Ключевой улиц в несуществующем теперь старом деревянном доме в глубине

П.В. Шкуркин

двора, в котором впоследствии помещалась редакция и типография первой “вольной”, не субсидированной, во Владивостоке газеты (называлась она, кажется, “Дальневосточный вестник”), принадлежавшей доктору Сущинскому.

Сам А-с — высокого роста, худощавый, с густыми, всклокоченными твердыми волосами на голове, маленькою неаккуратной бородкой, росшей только на подбородке, дерзкими серыми глазами, скрипучим голосом и полным непризнанием общепринятым в “хорошем” обществе условных форм обращения или даже просто вежливости, — он на первый взгляд производил неприятное впечатление. Небрежность его костюма и чересчур откровенная речь еще более это впечатление усиливали. Словом, это был бы типичный член “клуба ланцепупов”, в который его неоднократно приглашали незадолго до закрытия этого

клуба правительственной властью в 1887 г. Но А-с отказывался вступить, быть может, потому, что он больше одной рюмки не пил, а следовательно, он не мог бы выдержать обязательного при вступлении в клуб испытания.

Но при дальнейшем знакомстве неблагоприятное впечатление постепенно ослаблялось и в конце концов заменялось симпатией к нему. Это происходило потому, что А-с был человеком на редкость честным и правдивым; он много читал, познания его в самых разнообразных областях были весьма обширны. Отличный музыкант (на пианино и виолончели), он почти не знал нот, а играл только по слуху, часто подпевая себе весьма противным голосом. Был прекрасным рассказчиком — но только того, что он сам видел. А чего только он ни видел и где ни бывал за время своей бродяжнической жизни! При ближайшем знакомстве он оказывался чрезвычайно добрым, отзывчивым и мягким, что очень противоречило его растрепанной, нарочито-неряшливой фигуре и грубоватой манере говорить. А говорил он совершенно одинаково с китайцем — разносчиком товаров, с солдатом, офицером, губернатором, дамой общества или с любым из своих клиентов.

В общем — все относились к нему хорошо, но побаивались его не стесняющегося ничем языка.

Я много слышал о нем раньше, но в первый раз увидел его при следующих обстоятельствах.

Как-то раз в 1889 году был вечер в гарнизонном собрании, помещавшемся в казарме Восточно-Сибирского линейного полка. Барышня, танцевавшая с мичманом, как-то встала со своего стула. Бывший тут же А-с быстро сел на ее место и громко сказал:

— Ну, теперь я узнаю ваши мысли!

Соседи фыркнули, барышня ничего не поняла и только хихикала. Но мичман побагровел. Когда через минуту А-с встал и возвратил барышне ее место, к нему подошел мичман и потребовал, чтобы А-с попросил извинения у барышни.

— В чем?

— Вы ее оскорбили!

А-с тотчас подошел к барышне:

— Вы на меня обиделись?

Девушка с недоумением вытаращила глаза:

— За что? Я не знаю... нет... — проговорила она растерянно.

А-с вернулся к мичману:

— Вы, мичман, ошиблись; барышня даже не знает, за что ей можно на меня обижаться!

— Да, но вы обидели и меня, ее кавалера. Я требую от вас удовлетворения!

— С удовольствием удовлетворю и вас, и ее, если вы сейчас пойдете со мною к ней и объясните ей, за что именно она должна на меня обижаться!

Назревало столкновение, недопустимое в стенах гарнизонного собрания; дали знать дежурному старшине — штаб-офицеру, который направился к ссорящимся. Кроме того, мичман не рискнул объяснить барышне, чем, по мнению А-са, она думала, — и инцидент был исчерпан.

Весь жизненный путь А-са, начиная с его происхождения, был необычен. Был он, по его словам, внуком одного из президентов Северо-Американских Соединенных Штатов. Отец его приехал по делам в Россию. Здесь его покорила женская “славянская душа”; он женился на русской и остался в России навсегда. Единственный ребенок этой русско-американской семьи, мальчик, воспитывался под обоюдным влиянием и отца, и матери; вероятно поэтому в нем удивительно сочетались русская мечтательность, идеализм, доброта, мятущийся дух, стремление к таинственному и мистическому, — с американским порывом к опыту, практичностью, трудолюбием и неспособностью опускать руки ни при каких неудачах, а также пренебрежением к условностям и общепринятой морали.

Мальчик поступил в классическую гимназию и окончил ее, а затем, по чьей-то протекции, был принят в Александровское военное училище в Москве (в которое принимались по уставу только окончившие существовавшие тогда военные гимназии).

Из училища А-с был выпущен офицером в один из турецких батальонов. Но офицером пробыл недолго: что-то с ним случилось, он оказался “выброшенным на улицу”, и вместо строевой службы ему неожиданно-негаданно пришлось сделать-

ся участником экспедиции, производившей раскопки на месте древнего Афросиаба. Занятие археологией было, вероятно, не слишком прибыльным, потому что вскоре он... пешком отправляется в Москву. И дошел, — это из Туркестана-то!..

Через год он держит специальный экзамен, выдерживает его и делается помощником присяжного поверенного. Но недолго он пробыл в Москве и скоро очутился во Владивостоке нотариусом.

Конкурентов у него не было, и зарабатывал он много. Определенной таксы за нотариальные работы у него тоже не было: с богатых он брал во много раз больше того, что следовало по закону, с бедных — меньше, а с неимущих — не брал ничего.

Катался он, как сыр в масле: общественное положение — хорошее, денег — много, друзей — тоже, с женщинами — незнаком; чего бы, казалось, ему еще больше нужно?! А вот, поди ж ты, бросает нотариальное дело и строит кирпичный завод. Да не простой, в котором, по старинке, кирпичи выделывались бы ручным способом из глины, — а выписывает для завода из Америки специальные машины, прессующие кирпичи прямо из глинистого сланца. Убил он на эти машины почти все свои деньги. Завод стал работать полным ходом, но... инженерное ведомство, производившее тогда во Владивостоке большие работы, предпочитало брать кирпич у небольших китайских заводов, а от кирпича А-са отказалось: кирпичи у него выходили всегда с трещинами, да и размера меньшего, чем требовалось кондициями...

Неудача ли с заводом или что-либо другое повлияло на А-са, но только он вскоре очутился в психиатрической лечебнице, где пробыл шесть месяцев. Выздоровев и вернувшись во Владивосток, он ликвидировал кирпичный завод и купил на вырученные деньги заимку ("фарму") на реке Лянчихэ (Лянь-цзы-хэ). Заимка была большая на великолепном месте, как раз около нынешней железнодорожной станции Океанской. Дело было поставлено широко, с американским размахом, но почему-то оно давало одни убытки.

Пришлось ликвидировать и фарму. На вырученные деньги А-с купил себе получастка земли во Владивостоке на углу Ключевой и Пушкинской улиц (контр-визави от выстроенного впоследствии здания Восточного института, теперь университета); другую половину этого участка с домиком купил знаменитый Ландсберг,

освободившийся с Сахалина (о нем — в другой раз). А-с выстроил себе кирпичный дом по своему вкусу как раз против старой лютеранской кирхи и снова открыл в нем нотариальную контору.

Случалось, что в воскресенье высокий, дородный, уважаемый пастор Руперт, войдя в кирху для службы задней дверью и видя, что в кирхе Вольфарт, доверенный фирмы Кунст и Альберс, — становился на амвоне с одетым на шее белым священническим галстуком и, вместо ожидаемых священных слов службы, — говорил:

— Для таких свиней, как вы, я и служить не буду. Пойдемте к А-су водку пить.

Хотя последний сам почти не пил, но для друзей у него всегда был запас бутылок».

Шкуркин, Павел Васильевич (1868—1943, Сиэтл, США) — китаевед. После окончания Александровского военного училища (1888) служил на Дальнем Востоке. Окончил Восточный институт во Владивостоке с 1-м разрядом (1903). Помощник Владивост. полицмейстера (с 20 мая 1903). Участник Русско-японской войны, штабс-капитан, командир разведки Ренненкампа, неоднократно отличался в боях, имел награды с надписью «За храбрость», в т. ч. китайский орден Двойного Дракона 2-й степени. Служил переводчиком на КВЖД и преподавал в учебных заведениях Харбина. Эмигрировал в США (1927). Член-учредитель Русского исторического общества в США. Участвовал в общественной жизни Сиэтла. Автор многих книг и статей по китаеведению.

В. П. ШКУРКИН. ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА О ВЛАДИВОСТОКЕ

Рассказывая о жизни своего деда, В. В. Шкуркин показал огромный рукописный том воспоминаний, написанных его отцом. Оказалось, что Владимир Павлович Шкуркин, ставший в

Калифорнии известным художником, описал в нем свое детство, которое он провел в бухте Ольга и во Владивостоке, — местах, где служил его отец. Во Владивостоке дом Шкуркиных находился чуть выше современного здания театра им. Горького. Конечно, нынче там ничто не напоминает прошлое, но нам показались любопытными описания мальчика, и мы решили опубликовать небольшой отрывок из его рукописи. Одним из наиболее ярких воспоминаний Володи Шкуркина является огромный, как ему казалось, морской пароход, увозящий его из Ольги во Владивосток. В особенности сильное впечатление произвели на него дымовые трубы парохода — целые башни, из которых клубами вырываются тучи бурого дыма, закрывая временами солнце и почти все небо.

«Переезд был совершен благополучно без всяких приключений. Во Владивостоке семья поселилась в собственном доме на Нагорной улице (ныне ул. Суханова). По склону горы вдоль улицы в сторону бухты спускалась деревянная лестница с перилами, а внизу на площадке стоял деревянный дом оригинальной архитектуры с верандой, крытой галереей и множеством разных “сюрпризов” внутри в виде винтовых люков и прочих причуд (ныне на этом месте стоит здание института искусств).

Склон горы был укреплен двумя ярусами каменной кладки. Там, где кончалась лестница, устроен был хороший колодезь с крышкой и воротом. Перед верандой стояла беседка, увитая виноградом, а немного дальше — большое развесистое дерево. Особенностью этого дерева было то, что все оно было покрыто большими шипами.

Площадка, на которой стоял дом, понемногу понижалась в сторону бухты и кончалась оврагом, куда спускалась очень крутая тропинка.

Рядом с полем начиналась гора Алексеевская, на верхушке которой стояла бывшая пожарная каланча. В этой деревянной двухэтажной башне он никогда не видел ни пожарных, ни караульных. Изредка навещали ее люди довольно подозрительной наружности. Оригинальна эта каланча была тем, что посетители оставляли на ее стенах, окнах и дверях многочисленные над-

писи, вырезанные ножом, а так как эта каланча была довольно преклонного возраста, вследствие чего, вероятно, и была заброшена, то некоторые надписи, судя по датам, были сделаны давным-давно.

Кроме надписей были на ней также и образцы резьбы по дереву, довольно хорошо сделанные. По гнилой, качающейся под ногами лестнице можно было подняться на второй этаж. Отсюда был виден весь город и бухта со стоящими в ней судами. Видом мальчишка, конечно, не любовался, но любил сидеть на верхней площадке около “пня” от спиленной мачты».

ЗАБИРАЯ С СОБОЙ ПАМЯТЬ...

Стало уже доброй традицией праздновать день рождения Владивостока. Даже те, кто на время уезжает из него, не забывает об этом. Так было и прежде. Еще в прошлом основатели города встречались в Санкт-Петербурге в одном из шикарных ресторанов, вспоминая дни юности на берегах Японского моря. Эту традицию продолжили и те, кто в октябре 1922 г. навсегда покинули Владивосток и провели остатки дней своих на чужбине. Они собирались

Базар (почтовая карточка)

на празднование каждого юбилея города. Как водится, бывшие владивостокцы часто публиковали свои воспоминания. Особой датой для них стало столетие Владивостока. Газета «Русская жизнь» в Сан-Франциско напечатала по этому поводу большую статью, подписанную С. И. Бельдиновым. Вот отрывок из нее.

«Молодой город обустроивался по последнему слову техники, поэтому он был красивее старейших сибирских городов: Читы, Иркутска, Красноярска и тем паче Томска. Такие магазины, как фирмы Кунста и Альберса, И. Я. Чурина, Лангелитье и другие, не снились в то время этим городам. А базар... Не тот базар, который в последние дореволюционные годы был перенесен на Семеновский ковш, а старый, маленький, экзотически своеобразный, что был у самой бухты, в центре, около городского сада (около памятника Борцам за власть Советов. — *Примеч. авт.*). Не базар, а музей всех даров морского дна и таежных недр.

На земле — большие лотки из белой жести, на которых, среди водорослей, все виды морских даров. Каких только рыб здесь нет! От косоглазой камбалы до пузатых морских бычков, синеватой скумбрии с полосатыми на спине пятнами, с глазами на спине — верхоглядом, пилоу-рыбой, треской... Не перечтешь! Крабы, морские пауки, большие и малые, обычные и редкие — бархатисто-голубые, нарядные, красивые, но несъедобные, ядовитые. Покупают их для аквариумов и для забавы, так как светятся они ночью фосфорически-голубым огоньком. Морские огурцы, ежи колючие, морские, пятилучевые, с множеством трубчатых присосков. Молодые спруты, или осьминоги, для китайцев съедобные, с красными страшными, темнотуденистыми, вьющимися восемью присосками. Раки, красные вареные и зеленые, что медленно по водорослям пятятся; раковые шейки, малюсенькие, что «чилимами» здесь прозывают. Вкусное легкое блюдо. Под пиво, под разговор таковых чилимов можно незаметно скушать до сотни, потому и порциями их подают не меньше 50, и тащат их целыми горами.

На базаре можете полюбоваться на рака-отшельника, что живет вдали от берегов, в самой морской глубине, спрятавшись в постороннее тело, камень-песчаник или в обломок песчаных

Каток на льду бухты Золотой Рог (почтовая карточка)

отложений. Его маленькая келья от постоянных прибоев и волн снизу всегда гладко отполирована, а сверху маленькая дырка. Из дырки этой при абсолютной тишине покажется осторожный глазок, а потом вылезает наполовину и сам отшельник. От малейшего движения воздуха вздрогнет и спрячется. Около балаганчиков, на разостланной парусине, чаще брезенте, кучи самых разнообразных фруктов: яблоки, апельсины, ананасы, японская фурма, маленькие сладкие мандарины в небольших ящичках, по 25 в каждом, за 20 копеек. На ветках кистями — бананы, виноград всевозможных сортов, малюсенькие в ящичках помаранцы. Масса всевозможных цветов: разных видов пальмы, олеандры, белые ландыши, лилии, крупные пионы, ирисы. Обилие цветов и множество заморских, ярко-цветистых птиц: от цветных попугаев до малюсеньких колибри.

Изделия китайских кондитерских: большие и малые, круглые и квадратные вафли и особо сладкие, круглые священные вафли из священного риса “сальбе”, такие сладкие, что у грешников зубы не выдерживают и болезненно ноют. Много больших и маленьких черепах и обезьян, которых здесь зовут макаками. Для китайцев нет большей обиды и оскорбления, если назовут его макакой или черепахой.

Китайцы очень любили и любят своего маньчжурского соловья. На базаре, на длинных шестах, перекинутых поперек прохода, над головами качаются большие клетки с этими маньчжурскими соловьями, которые, собственно, не поют, а прищелкивают, и то только в такт той мелодии, которую им насвистывают.

На базаре всего много, и все баснословно дешево, особенно зелень и куриные яйца: 40 копеек сотня. Дорого только обычное говяжье мясо. Хозяйкам во Владивостоке незачем было ходить на базар. Весь город обслуживал Ван Фузин, или, по-русски, просто Вася. Он являлся тотчас же, едва вы успели перебраться на квартиру.

— Мадама, капитана, твоя не надо базар ходи... Морковку, луковку, помудоля, караба, камбала, огуреза — все, все принося... Деньги не надо, мало-мало обмани не надо.

Ван Фузина-Васю все знали: в руках его вся торговля. Если с Васей произошло разногласие — в суд он не пойдет, но и для спорщика не легче. Где он что хочет купить, ни один носильщик ничего не принесет, и на базаре ни один китаец-торговец ничего не отпустит:

— Мало-мало ходи, псол мимо: твоя мало-мало машинка есть.

Потому ли, что старый замечательный базар-музей был вблизи адмиральского дома, но ни пьяных, ни буянов там не было. Перемещенный на большую Семеновскую площадь, вблизи Амурского залива, базар сразу потерял свою чарующую экзотику. Все спряталось в больших магазинах с зеркальными стеклами, по специальностям. Даже ручная торговля, лотки — под особой крышей. В силу ли большого простора площади, или по каким иным причинам, на новом Семен-базаре появилась масса гадальщиков, предсказателей судьбы, гадальщицы — морские свинки и белые мышки; гадание на картах и карточная игра, а по праздничным дням рукопашные драки. Между матросами и пехотинцами была вражда. Ходят они на Семен-базар только группами: не приведи, господи, оторваться от колонны, одинокому попадет за милую душу.

Сразу после Пасхи, а случалось, и на самой Святой неделе, прибывали во Владивосток на стоянку в бухте Золотой Рог наши военные корабли. Едва таковые показались на горизонте, как всюду слышались радостные возгласы:

— Эскадра пришла! Эскадра! Военные корабли! Моряки, моряки!

На средину огромной бухты величественно, тихо, спокойно вплывали расцвеченные флагами, при встречных пушечных салютах, наши крейсера и броненосцы: “Петропавловск”, “Рюрик”, “Память Азова”, “Изумруд” и другие. Владивосток сразу точно преображался, подтягивался, принаряжался; у всех веселое, праздничное и радостное настроение. Понимали жители, что это не простые корабли, а оплот и утверждение нашего могущества в водах Тихого океана и на Дальнем Востоке.

Матросы — народ веселый: гуляют, сорят деньгами, но иногда и бесчинствуют. Молодые женщины и девушки любят веселиться с матросами, попеть, потанцевать, выманить как можно больше денег, подарков. Перед вечерней зарей, по корабельному свистку, вынуждены моряки, все бросив, спешить в свою часть. На Семен-базар женщины идут разнаряженными, большей частью в малороссийских костюмах, с лентами, с блестящими цветными бусами или в белых жемчугах. Обычно идут они группами, обнявшись, со сплетенными за спиной руками, идут веселые, с песнями. Приходилось наблюдать удивительное явление. В каком бы разгаре ни был кулачный бой, он моментально прекращался, едва только показались женщины. Появлялся гармонист, расчищалась площадка: под музыку, припевы, хлопанье в ладоши начинались пляски. Общая пляска: матросы и пехотинцы, забыв вражду, дружно отплясывали, желая перещеголять друг друга. Пляски, русские песни от всего сердца, с увлечением, с восторгом, когда ноги сами ходят, выделявая самые замысловатые фигуры, а туловище прыгает, как мяч.

— Эх, мастера! — восторгаются зрители. — Точно в воздухе кружатся.

Позднее, в апреле 1916 года, получив военную командировку, я прибыл во Владивосток. В первый праздничный день от-

правился на Семен-базар. Ни драк, ни плясок. Знакомые разъяснили:

— Война: не до плясок...

При восходе солнца бухта Золотой Рог блестит особым сиянием, точно просыпаясь, дышит серебряная водная грудь радостным восторгом, приветствуя появление дневного светила. Поднимается на военных кораблях Андреевский флаг, раздаётся пение молитв, музыка играет “Боже, царя храни”.

Вечерами, когда уходящее солнце уже спряталось в синеве гор, нет его на горизонте, но золотые лучи его еще долго-долго ласкают уставшую землю. горят ярким блеском на сопках амфитеатром раскинутого города. Точно блестящая огненная лета ползет по вершинам гор, одна над другой, до самой высокой вершины горы Орлиное Гнездо. Забрались и туда уже домики, и горят ярким блеском их маленькие окна. На военных кораблях опускается Андреевский флаг, музыка играет “Коль славен...”.

В праздничные и воскресные дни военные корабли нарядно расцвечены флагами. В послеобеденное время разрешается желающим осмотр кораблей. Не требуется никаких разрешений и документов. Подплывают желающие на китайской шаланде к крейсеру, с которого спускается трап, на борту встречает дежурный офицер, который показывает прибывшим весь корабль, от кают господ офицеров до машинного отделения. Показывает все вооружение, вращательные пушки, минокидатели, преградительные и предупредительные аппараты.

На китайских шаландах катается по бухте вся публика. Китаец приводит шаланду в движение большим длинным веслом сзади лодки — “юли-юли”, мало-мало, тихонько шевеля. Шаланда движется тихо. У молодых людей желание завести парусную лодку, быстро скользящую ладью, подобную тем, что на военных кораблях, а то и моторную лодку. Желание не дешевое, но что значит молодому, сильному и здоровому поработать месяц-другой ночами при высоких ставках на Эгершельде, при разгрузке пароходов Добровольного флота?

Летом катанье на лодках, под парусами; зимой катанье на катках. Два общественных катка: один в центре города, на льду

бухты, правее арки в честь приезда Цесаревича, другой в Гнилом Углу — расстояние до пяти километров. Там и там играет музыка. Колоннами конькобежцы отправляются под музыку с одного катка на другой и несутся по льду бухты к другому, где их также встречают с музыкой. Для любителей сильных ощущений — катание на буерах. Нужно хорошо знать дорогу, иметь острое зрение и мускульную силу: сани несутся по льду бухты с головокружительной быстротой. Групповые катания на буерах были запрещены — часто случались несчастья.

На возвышении красовался на Светланской улице изящный собор. У китайцев на окраине (теперь центр), в конце Китайской улицы находилась большая и стильная буддистская кумирня, где перед идолами и изображениями Будды теплились китайские, из особой бумаги, свечи, а в маленьких изящных фарфоровых чашечках лежал сухой рис. В кумирне нередко происходили служения, которые свободно могли посещать и европейцы. Ежегодно в свой Новый год, в январе месяце, китайцы проводили торжественное шествие с драконом. Шествие начиналось от кумирни на Китайской улице, шло вдоль всей Светланской улицы до Матросской слободки в Гнилом Углу и обратно к кумирне.

Китайцы несли огромного дракона, выделанного из прозрачной, как тонкое стекло, рыбьей кожи. Кожа эта, натянутая на обручи, составляла 12 круглых цилиндров, соединенных между собой. Первый — голова с разинутым ртом и длинным жалом и последний — хвост имели своеобразное построение; средние — туловище — одинаковые цилиндры, не менее метра радиусом. Все цилиндры соединены между собой, внутри украшены цветными фонариками, снаружи прикреплены к длинным бамбуковым палкам, с помощью которых и несут дракона. При движении то голова, то хвост, то средняя часть — спина дракона — поднимаются и опускаются; получается впечатление, точно дракон изгибается. Процессию сопровождают живущие в городе буддисты: китайцы, корейцы; что-то уныло напевают, порой кричат, ибо, чтобы быть услышанным, Бога надо будить — поэтому усиленно хлопают хлопущки, раздается фейерверочная

стрельба. Бенгальские огни и ракеты — особенные, китайские. Шествие происходит после полудня, огней фейерверка почти не видно, слышны только усиленное хлопанье, свист, взрывы в воздухе, и на маленьких парашютах спускаются с воздуха драконы, слоны, обезьянки, черепахи, свинки, птицы, наполняют воздух, падают на плечи.

Владивосток жил тихой, покойной и радостной жизнью. В то время корыстных грабежей и разбоев почти не было, но очень часто газеты отмечали случаи самоубийства. Основная причина — тоска и одиночество. Слишком мало было женщин. Первое время, до 1890 года, таковых по статистическим данным приходилось одна на четверо мужчин.

Самая отдаленная окраина нашего отечества, Владивосток, уже к 1890 году имел женскую и мужскую гимназии, портовую навигационную школу. Когда городу еще не было и 40 лет, во Владивостоке было основано высшее учебное заведение — Восточный институт, воспитавший и давший стране много видных ученых, общественных и литературных деятелей.

Революция прошла во Владивостоке бурно. Большевизм как-то обезличил прекрасный город, убив его яркий, самобытный колорит. Первое время большевики старались надсмеяться, повредить, разрушить все ценное, в созидание чего народ и правительство вложили все, что могли. Уничтожен и взорван собор. Жители, которые отвоевывали кусочки тайги и потом оказались в центре города, были ликвидированы как крупные домовладельцы. Старики-служащие Торгового дома Кунст и Альберс были до старости обеспечены фирмой, которая аккуратно посылала им из Германии жалованье по последним ставкам.

— За что получаете из-за границы деньги? — спросили у них. — За шпионаж?

Стариков расстреливали, семейства отправляли в ссылку».

Бельденинов, Сергей Иванович. (1879—1962, Нью-Йорк) — краевед. Учился в Иркутской гимназии и на юридическом факультете

Санкт-Петербургского университета. Эмигрировал в США, публиковал статьи в газетах «Русская жизнь», «Русский путь», «Наше время», «Россия» и др.

«ОДИССЕИ БЕЗ ИТАКИ»

Михаил Васильевич Щербаков был по образованию физиком, но в начале Первой мировой войны он закончил летное училище и воевал во Франции. Гражданскую войну он провел на Дальнем Востоке и, находясь в это время во Владивостоке, работал журналистом. Уехав в Шанхай, Михаил Щербаков стал публиковать свои очерки во всех местных газетах. Он был членом литературных содружеств «Понеделник» и «Восток». В их изданиях журналист печатал свои стихи и прозу. В Шанхае Щербаков опубликовал книги «Черная серия», сборники рассказов «Корень жизни» и «Отгул». До конца своей жизни М. В. Щербаков вспоминал о том дне, когда навсегда покинул Родину. Вот какие строки есть в его стихотворении, посвященном лучшему поэту русского зарубежья, жившему в Китае, А. Несмелову:

Улисса дом манил во мраке
И Пенелопа за станком,
Мы, Одиссеи без Итаки,
Каким прельстимся маяком?

Из коммунистического Китая М. В. Щербаков уехал в Сайгон, где заболел душевным расстройством. Как французского гражданина его эвакуировали во Францию. 3 января 1956 г. поэт покончил с собой. Мы публикуем воспоминания, относящиеся к октябрьским дням 1922 г. Это отрывок из произведения М. В. Щербакова «Кадет Сева. К десятилетию эвакуации Владивостока», увидевшего свет на страницах шанхайской газеты «Слово».

«Вы бывали во Владивостоке? Помните, как он замкнут в горном кольце, этот странный нерусский город? Слева поло-го вытянулся Чуркин мыс с детскими кирпичиками домиков

Карикатура на интервентов. Янки

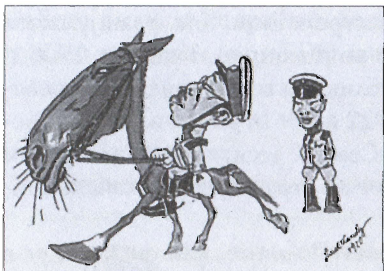
и дубняком по плешистым скалам; справа мыс Басаргин запустил в океан свою голую, обглоданную солеными ветрами лапу; выплыл далеко в море бело-сахарный маячок на тонкой изогнутой нитке Токаревской кошки: ветер с берега, вот его и отнесло.

А в самом замке кольца лежит мшистым зеленым пирогом Русский остров.

Владивосток желт и сер, а остров совсем зеленый. Внутри же всего круга глубокая бухта — Золотой Рог. Там уж все цвета радуги скользят, играют, плещутся и затухают на воде.

И в этот городок, прилипший ласточкиными гнездами к обрывам сопки, которые выперли то пасхами, то куличами, то просто шишками какими-то, — сколько людей, сколько пламенных надежд лилось в него в двадцатых годах из агонизировавшей России, из ошетилившейся зелено-хвойной Сибири, из богатного Крыма, с Кавказа, из Туркестана, через жженные монгольские степи и даже окружным путем — по морщинистым лазурным зеркалам тропических морей!

Лилось, оставалось, бродило на старых опарах, пучилось, пухло — и вдруг: ух! — сразу осело. Чего-чего там только не было: и

Карикатура на интервентах.
Японцы

парламенты с фракциями, и армия, и журналы, и университеты, и съезды, и даже — о, архаизм! — Земский Собор. Точно вся прежняя Россия, найдя себе отсрочку на три года, микроскопически съжилась в этом каменном котле, чтобы снова распозлиться оттуда по всем побережьям Тихого океана, пугая

кудластыми вихрами и выгоревшими гимнастерками цвета колониальных мисс и шоколадных филиппинок...

Странная жизнь текла тогда во Владивостоке: тревожно острая, несуразная, переворотная и все-таки какая-то по-русски вальяжная и не трудная. И каких только людей туда не выносило: вот какой-нибудь бородатый до самых глаз дядя в торбазах и кухлянке продает “ходе”-китайцу мешочек золотого песка, намытого под Охотском. А рядом меняет свои лиры оливковый поджарый итальянчик, и мерно работает челюстями, точно топором, рубленый янки-матрос.

И повсюду — неусыпное око — шныркие коротконогие японцы, кишевшие во всех концах города и расплзшиеся по всем окрестным пороховым складам и фортам могучей прежде крепости. Точно муравьи на холодеющей лапе недобитого зверя...

Завершилось великое затмение России. Тень неумолимо заволакивала ее всю целиком. Только один узкий светящийся серпик оставался на Дальнем Востоке. Я был там, когда и он потух. С щемящей горечью и болью я вспоминаю последние дни Владивостока. Наступили тревожные дни, и красный пресс все сильнее давил на Приморье, выжимая остатки белых армий к морю. Японцы, которых большевики боялись и ненавидели, окончательно объявили о своем уходе. Правда, город не особенно верил их заявлениям, но слухи о всеобщей мобилизации носились в воздухе, и папаши побогаче срочно прятали своих сынков в спокойный и безопасный Харбин».

Сегодня Владивосток вступил в новый этап своей жизни, и как никогда важно собрать по крохам свидетельства его прошлого. Надо оценить потери и вернуть утраченное.

КОРЕЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

Однажды к соавтору этой книги обратился генеральный консул Республики Корея во Владивостоке с просьбой принять делегацию корейских писателей, которые попросили выделить место для установки памятника корейскому писателю Чо Мён Хи, жившему в Приморском крае в 20—30-е годы

Памятник корейскому писателю Чо Мён Хи

прошлого столетия. Первое же место, предложенное в районе библиотеки ДВГТУ, делегации приглянулось, здесь и решили установить памятник. Все затраты по его изготовлению взяла на себя корейская сторона. Закончить работы должны были за один месяц, так как открытие памятника приурочили к приезду во Владивосток большой делегации корейских писателей. О корейском писателе по имени Чо Мён Хи во Владивостоке не было известно ничего. Поиски в энциклопедиях и сети Интернет дали совсем немного, а его небольшую книгу — сборник рассказов «Нактонган» на русском языке — разыскали только по межбиблиотечному абонементу в одной из центральных библиотек России. Постепенно стал складываться трагический образ писателя-интернационалиста, которого в настоящее время называют одним из создателей современной корейской литературы. Чо Мён Хи родился в 1894 г. в бедной крестьянской семье, учился в средней школе Сеула, принимал участие в народном восстании в марте 1919 г., за что был арестован. Сразу после освобождения эмигрировал в Японию, где до 1923 г. учился на философском отделении Восточного института в Токио. В эти годы начал писать и публиковать стихи

и рассказы, принял участие в создании Корейской ассоциации пролетарских писателей.

В 1928 г. Чо Мён Хи эмигрировал в СССР. Первые три года жил в одной из деревень Приморского края и занимался литературным творчеством. С 1931 г. работал в Уссурийске, сотрудничая в газете «Авангард» и журнале «Родина трудящихся». После первого Всесоюзного съезда писателей в 1934 г. по предложению Александра Фадеева его приняли в члены Союза писателей СССР. Его псевдонимы на русском языке Михаил Чон, на корейском — Пхосок.

В 1937 г. Михаил Чон написал роман «Маньчжурские партизаны», посвященный корейскому партизанскому движению на северо-востоке Китая. Однако книга не увидела света, потому что в это время Михаила Чона арестовали органы НКВД и доставили в Хабаровск. По российским сведениям, он умер в заключении в 1942 г., по корейским — в 1938-м. По настоянию корейской стороны эта дата (1938) и была выбита на памятнике.

Корейская делегация приехала в начале августа. К этому времени успели установить памятник в традиционном корейском стиле, выполненный из крупного камня на гранитном постаменте с подписями на корейском и русском языках. Корейцев было более пятидесяти человек, да еще школьников человек двадцать. Писатели и поэты прочитали стихи.

Глава 3.

ПОРТРЕТ ВЛАДИВОСТОКСКОГО КОММЕРСАНТА

ПЕРВЫЙ АПТЕКАРЬ И «ПИЛИГРИМ» АКСЕЛЬ ВАЛЬДЕН

Светланская ул., № 54 и 59

На далекую окраину Российской империи Аксель Кириллович Вальден попал не совсем обычным способом. В 1868 г. в Финляндии раздался клич вольного шкипера Фридольфа Гека: «Кто со мной на Дальний Восток?» — и 25-летний провизор Аксель Вальден со своей супругой-акушеркой Сельмой в числе других заняли место в тесных каютках брига «Император Александр 2-й». Путешественников — а среди них были не только финны, но и шведы, и немцы — объединяла коммунистическая идея равноправия, а на Дальний Восток они отправились искать землю обетованную, где можно было бы без помех начать новую свободную и счастливую жизнь. Почти год продолжалось кругосветное, с многочисленными приключениями плавание, пока «Ноев ковчег» с переселенцами на борту не бросил якорь в бухте Находка. Фактория, образованная европейцами на берегу одной из уютных бухт, продержалась недолго. Жесткая диктатура управляющего Гарольда Фуругельма и частые нападения хунхузов быстро разбили идеалистическую мечту финнов и их спутников о свободной республике.

Обитатели финского поселения один за другим разъехались кто куда. Вальден с женой отправились искать счастье на остров Аскольд, где добывали золото. Подкопив там денег, они переехали во Владивосток и купили небольшой участок земли в районе Первой Речки. К тому времени там собрались многие финны, переехавшие из Находки во Владивосток.

На новом месте Аксель Вальден занялся коммерцией, построив около своего дома небольшую мельницу. Но вскоре он

Внешний рейд Владивостока

вернулся к своей специальности — аптечной деятельности. Переебравшись с Первой Речки в центр Владивостока, Вальден стал собственником двух домов на улице Светланской — № 54 и 59. Его предпринимательство не получило широкого размаха,

но оно помогло аптекарю найти себя в общественной работе. Он был членом Купеческого банка, открытого в 1907 г., членом Биржевого комитета и Приморского областного статистического комитета.

Забота о городе стала смыслом жизни А. К. Вальдена. В 1887 г. его избрали заместителем городского головы или, как тогда говорили, кандидатом городского головы. Аксель Кириллович стал бессменным гласным во Владивостокской городской думе. Он заседал в различных комиссиях, особенно активно работая в комиссиях строительной и по призрению бедных. Когда встал вопрос о благоустройстве центральных улиц Владивостока, он предложил обеспечить город брусчаткой для мощения Алеутской и Светланской улиц. Вершиной общественной деятельности А. К. Вальдена стало избрание его в мае 1906 г. председателем Владивостокской городской думы.

Провизор Вальден участвовал в основании Городского училища и Александровских мореходных классов, был действительным членом всех более или менее известных общественных организаций Владивостока. Его фамилию можно было видеть в списках Владивостокского отделения Императорского Русского технического общества, Владивостокского попечительного комитета о тюрьмах, Общества любителей охоты и других общественных организаций, обильно работавших в городе в то время. А. К. Вальден был активным членом и Общества изучения Амурского края. Много сил он отдал строительству музея, став активистом строительного комитета общества. Предприниматель давал не только деньги: понимая толк в гранитном камне, он снабдил им строителей здания. Хотя сам Аксель Кириллович и не занимался географическими исследованиями, он всегда интересовался работой друзей по обществу. Быстро поняв важность научной поездки учителя и любителя-этнографа В. П. Маргаритова в Императорскую гавань, он дал для этого необходимые средства.

Преклонные годы бывшего аптекаря давали знать о себе, и в мае 1911 г. Аксель Кириллович написал заявление, в котором отказался от звания гласного думы. На специальном засе-

дании отцы города постановили «благодарить А. К. Вальдена за долголетнюю работу». Аксель Кириллович Вальден скончался в 1916 г. Многочисленные друзья и почитатели его дел с грустью проводили провизора в последний путь на Покровское кладбище.

Известно, что у Вальдена был сын Франц, который родился 16 августа 1871 г. во Владивостоке. После окончания юридического факультета Санкт-Петербургского университета он жил во Владивостоке и работал по специальности. После окончания Гражданской войны Ф. А. Вальден эмигрировал в Харбин. Здесь он преподавал курс «Гражданский процесс» на юридическом факультете, затем переехал в Шанхай, где и скончался в 1943 г.

В ЖАРИКОВСКОМ ОВРАГЕ...

Светланская ул., № 119

В 1877 г. с приказчиком В. Жариковым произошла весьма неприятная история. Когда судно с товаром его хозяина Дикмара бросило якорь в бухте Золотой Рог, он быстро нанял десяток местных китайцев и начал перевозку грузов на берег. Каково же было удивление Василия Анисимовича, когда на следующее утро он не обнаружил у трапа своих грузчиков. Причина выяснилась сразу же — полицмейстер приказал им заняться работами для казенных нужд. Стал было Жариков доказывать неправомочность его распоряжения, но полицмейстер велел своим казакам посадить настырного приказчика на пару недель в кутузку.

Когда Жарикова выпустили из тюрьмы, он пошел по начальству с жалобой, но высокие чины только руками развели: арест приказчика нигде не зарегистрирован, а полицмейстер уже успел сменить место службы. «Вот так уважают во Владивостоке граждан и свободу личности», — заключила по сему поводу столичная газета «Неделя». Несмотря на случившееся, В. Жариков навсегда остался во Владивостоке. Он купил земельный уча-

сток около оврага, который вскоре прозвали Жариковским, и построил там несколько домов. Держал он магазин на Первой Портовой улице, где продавал огородные и цветочные семена. Но главной для себя коммерцией считал Василий Анисимович строительные подряды: он возводил городскую больницу, базар в Офицерской слободке, занимался планированием Алеутской улицы от Пологой до Комаровской. Усилиям подрядчика Жарикова был обязан своей красотой и Покровский собор, для которого он занимался заготовкой строительных материалов. Жариков заказал на заводе Оловянного в Москве и отливку знаменитых своим звучанием колоколов. Святейший синод выразил тогда купцу благодарность за бескорыстную работу во славу церкви.

Жариков был и деятельным гласным Владивостокской думы. Как-то ему пришлось разбираться с самовольными постройками в своем районе. «Летом 1903 г. , — писала городская дума, — в вершине Жариковского оврага было обнаружено несколько самовольных, недавно начатых и еще не оконченных построек, а также несколько распланировок земли под такие же самовольные постройки. Городская управа почти в полном составе тогда же обошла с полицией эти места, объясняя строящимся лицам, что земля, ими занимаемая, принадлежит городу, что строиться на ней без разрешения нельзя и что самовольные постройки подлежат сносу. Одновременно с этим управа просила пристава 1-й части иметь наблюдение за тем, чтобы в указанном месте не возводилось построек. Городскому землемеру было поручено составить планы земельных захватов для предъявления исков. Однако эти распоряжения не остановили захватов, число их продолжало расти, распространившись на соседнюю вершину Мальцевского оврага. Всего, таким, образом, возникло на обеих вершинах 70 самовольных построек, образовав так называемую Нахальную слободку».

В. Жариков был и активным членом Общества изучения Амурского края. Когда встал вопрос о строительстве музея общества, он пожертвовал деньги и бесплатно выделил отборный лес для перекрытий помещений. Будучи активным гласным го-

родской думы, Василий Анисимович участвовал во многих делах Владивостока. Понимая, насколько городские жители нуждаются в местах отдыха, он устроил напротив Морского госпиталя бесплатную купальню. Когда в городе вспыхнула эпидемия холеры, Жариков, не думая о себе, помогал и деньгами, и собственной работой в холерных бараках. За эту самоотверженность в 1897 г. купец первой гильдии Жариков получил золотую медаль. От имени города он участвовал в церемонии коронации российского императора Николая II. Был В. А. Жариков активным деятелем Владивостокского собрания приказчиков и выпускал его газету «Листок объявлений».

В 1912 г. предприниматель предложил городским властям по сходной цене дом для городского училища. Это здание по Светланской, № 119, было построено в 1902 г. В разное время в нем располагались гостиница «Европейская», инспекция строительных работ Владивостокского порта и винно-бакалейный магазин Жарикова. Городской голова Якубовский с предложением согласился, и в бывшем доме Жарикова разместилась городская библиотека имени Гоголя, ныне Приморская публичная библиотека имени Горького.

Василий Анисимович Жариков прожил долгую жизнь и умер во Владивостоке в 1926 г. в возрасте 68 лет. Его похоронили на Эгершельдском кладбище. За три года до этого ул. Жариковскую переименовали в ул. Детскую.

ТЕАТР НАЧИНАЛСЯ С «КАЛИНКИ»: АЛЕКСАНДР ИВАНОВ

Светланская ул., № 3

Время летит быстро, унося в прошлое интересные факты из жизни каждого человека, даже самого незаурядного и известного. Так случилось и с купцом Александром Александровичем Ивановым, которого при жизни называли «известным насаждением культуры». Бывший кантонист Александр Иванов приехал во Владивосток с пустым кошельком. Первый и последний био-

граф нашего героя М. Г. Гребеншиков в своей книге «Путевые записки и воспоминания по Дальнему Востоку», изданной в 1887 г., писал, что Иванов «предпринимал без копейки денег в кармане; накануне объявления его несостоятельным он строил то пивоваренный завод, то залу для театральных представлений, то отыскивал серебряный рудник. Про Иванова ходили легенды, говорили, что один из адмиралов времен произвола заковал его в кандалы, но он их ограбил и убежал; что в другой раз он пробыл в тайге неделю без пищи; что однажды без копейки денег он проехал от Томска до Владивостока; что раз он, заняв 10 рублей, выиграл несколько тысяч. Целые дни Иванов метался и скакал по городу: покупал, продавал, занимал, посылал какие-то телеграммы, попадал из суда в полицию, а оттуда на заседания управы». Что из этого правда, что нет, остается неизвестным, но ясно одно: бурная деятельность вкупе с везением помогали Иванову выпутываться из самых сложных ситуаций.

В истории Владивостока А. А. Иванов остался как основатель первого городского театра. Начинал он с простого кабака под названием «Калинка», который располагался в начале Светланской улицы у Семеновского покоса. Дело мало-помалу расширялось: кабак превратился в фешенебельный ресторан, а кордебалет стал прекрасной театральной труппой, с которой Александр Александрович разъезжал по всему Дальнему Востоку. Хабаровск, Благовещенск, русская Маньчжурия рукоплескали театральным постановкам Иванова. Актеры и актрисы много раз говорили спасибо своему антрепренеру не только за помощь в достижении вершин мастерства, но и за элементарное спасение от невзгод жизни. Между тем у А. А. Иванова рождались все новые и новые прожекты.

— Наклеывается огромное дело... — кричал он, бывало, знакомым на ходу и мчался дальше.

В 1897 г. предприниматель решил построить при своей гостинице театр на 770 мест. На это высочайшим решением была выделена беспроцентная ссуда в 35 тысяч рублей. Первого июня 1889 г. театр «Тихий океан» открыл свой первый сезон спектаклем «Чародейка».

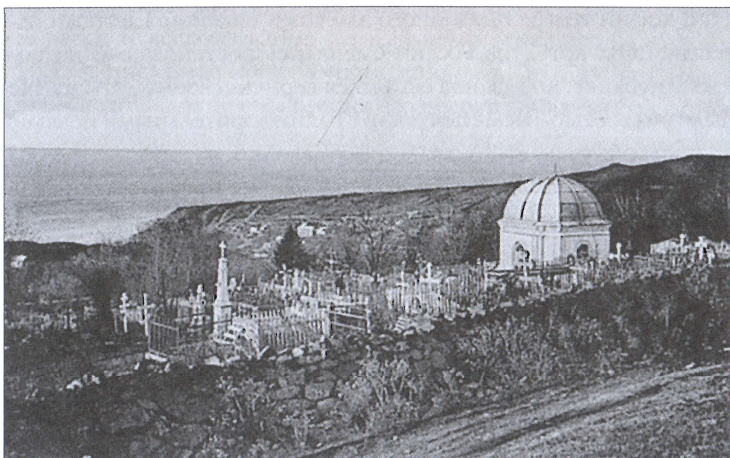
В жизни театра было много взлетов и падений. Гастроли известнейших артистов России сменялись постановками на потребу публике, но Иванов оставался верным своему детищу. Не были редкостью в нем спектакли с благотворительными целями: на постройку памятника адмиралу Завойко, на научные нужды Общества изучения Амурского края или же просто на помощь уходящему на пенсию артисту. Когда в 1905 г. здание «Тихого океана» сгорело, предприниматель снова взял ссуду и отстроил театр заново, еще лучше прежнего. Кстати, в нем размещался и иллюзион «Электробиограф».

А. А. Иванов скончался 3 ноября 1906 г. в Харбине, где он открыл театр под старым названием «Тихий океан». За гробом шли актеры, и плакала старая скрипка, которую так любил слушать Александр Александрович. После смерти энтузиаста-антрепренера жизнь театра, владельцем которого стала компания «Циммерман и К°», некоторое время продолжалось по инерции. Но 12 октября 1910 г. газета «Дальний Восток» сообщила о полном закрытии театра «Тихий океан», а городская управа утвердила проект перестройки театра и ресторана под частные квартиры.

«ЭТО БЫЛА ЧИСТАЯ ДУША СРЕДИ СТЯЖАТЕЛЕЙ И ВОРОВ НАШЕЙ ОКРАИНЫ...»: МИХАИЛ ШЕВЕЛЕВ

Светланская ул., № 42

При жизни имя этого человека было овеяно невероятными легендами. Купец первой гильдии, как тогда говорили, миллионщик, и в то же время первоклассный синолог, высший в России авторитет по истории Китая, и все это один человек — Михаил Григорьевич Шевелев. Путь к этим двум сверкающим вершинам — в науке и в коммерции — был долог. Михаил Шевелев родился в Верхнеудинске в 1861 г. Окончив двухгодичную школу переводчиков китайского языка, он перебрался в Пекин, в русскую духовную миссию. В этом обиталище высо-

Покровское кладбище (почтовая карточка)

кой нравственности, как отмечал очевидец, «царила полнейшая распущенность». То ли Бог отвратил юношу от соблазнов, то ли природная предприимчивость взяла верх, но вскоре он попал в Ханькоу, центр чайной торговли Китая с Россией. Карьера молодого Шевелева началась блестяще — вскоре он стал главным распорядителем большой компании.

Слава М. Г. Шевелева — предпринимателя пришла в Приморье на реях парохода «Батрак», купленного на паях с купцами Токмаковым, Молотковым, Колыгиным, Старцевым и Ватсоном за 100 тысяч рублей в августе 1875 г. в Англии. Помимо грузовых трюмов пароход имел три каюты первого класса и несколько второго. Кроме того «Батрак» брал до 150 так называемых палубных пассажиров, которые располагались в закрытом от дождя и ветра помещении на палубе. В теплую погоду пассажиры могли отдыхать на корме, прикрытой тентом. Как тогда писала морская газета «Яхта», «здесь они, как на роскошном бульваре, на просторе, чистом воздухе, любясь прекрасными видами моря и берега, могут гулять, играть и кейфовать с сигарой или чашкой кофе».

«Батрак» стал первым русским грузо-пассажирским пароходом, проложившим курсы в наших морях. Но эксплуатация «де-

душки» русского торгового мореплавания на Дальнем Востоке была все же нерентабельной. Только за 1876—1878 г. убытки составили 45 тысяч рублей. Компания шла на различные ухищрения, чтобы исправить положение. Злые языки даже шутили, что не судно является батраком у своих хозяев, а, наоборот, владельцы батрачат на пароход. Была даже сделана попытка продать этот «первый блин» шевелевского предпринимательства в русских водах, но она оказалась безуспешной. И тут случилось неожиданное: пароход потерпел крушение на сахалинских скалах Дуэ. Много разговоров было об этой аварии, много пересудов и слухов, в которых нет-нет да и проскальзывала мысль, не являлась ли эта авария запланированной. Уж больно кстати пришлось она владельцам «Батрака».

Между тем М. Г. Шевелев прописался во Владивостоке. Мысль завести большое пароходное дело не оставляла предпринимателя. Так на свет появилась компания «Шевелев и К°». Правда, на этот раз он заручился помощью государства, взяв необходимые субсидии. Теме открытия первых пароходных линий, соединяющих Владивосток с портами Японии и Китая, он посвятил брошюру, которую издал в 1880 г. Читая ее, не перестаешь удивляться, как тонко чувствовали предприниматели тех лет конъюнктуру рынка. Благодаря этому «Шевелев и К°» к концу прошлого века стала крупнейшей пароходной компанией на Дальнем Востоке.

Во Владивостоке Михаил Григорьевич Шевелев подружился с Федором Федоровичем Буссе, заведующим переселенческим управлением, который снимал у него квартиру. Узнав от Буссе о создании Общества изучения Амурского края, предприниматель стал не только первым меценатом новой организации, но и первым казначеем Распорядительного комитета. А уж считать деньги Шевелев умел! Он помогал Обществу не только деньгами. В 1885 г. он подарил создающейся библиотеке Общества сочинения известного синолога Васильева. Когда возникла проблема с размещением коллекций и библиотеки ОИАК, Шевелев предоставил для них благоустроенное помещение. Возглавил он и список лиц, давших денег на строитель-

ство здания Общества. На средства предпринимателя издавались первые труды членов ОИАК, для этого он ежегодно выделял 300 рублей.

Был известен Шевелев и своими научными познаниями, почерпнутыми еще в период жизни в Китае. К нему обращались за консультациями известные синологи России и других стран и поражались богатству сведений об истории Китая. Были у Шевелева-ученого и свои ученики, среди них молодой поручик В. К. Арсеньев, которому купец показывал на карте археологические памятники Приморья. Правда, сам М. Г. Шевелев так и не успел засесть за собственное сочинение о древней истории края. Михаил Григорьевич только улыбался в свою бородку и говорил:

— Ничего, скоро закончу свою коммерцию и покажу вам, как надо писать о древностях.

Но он не успел. В справочнике о первом высшем учебном заведении Дальнего Востока — Восточном институте значится: «Почетный Попечитель — Михаил Григорьевич Шевелев (с 25 августа 1900 г. по 25 августа 1903 г.) (скончался)». Газета «Владивосток», отнюдь не баловавшая своим вниманием денежных мешков города, писала в некрологе: «8 ноября 1903 г. умер Михаил Григорьевич Шевелев, местный абориген-купец. Это весьма редкая личность на Дальнем Востоке. О покойных молчат или говорят только правду. А эта правда та, что о Шевелеве никто ничего дурного сказать не может. Только удивляемся, как могла сохраниться эта светлая душа во всей чистоте среди стяжателей, воров нашей окраины».

Если кто захочет поклониться праху владивостокского пароходчика и ученого, то сделать это не трудно: следует пройти в Покровский парк и положить цветы в любом месте, т. к. здесь, на бывшем православном кладбище, везде лежит былая слава Владивостока.

У М. Г. Шевелева было несколько детей. Один из его внуков — Олег Владимирович Шевелев, уроженец Владивостока, жил в эмиграции в Шанхае. Он является автором интересной книги «Воспоминания детства и юношества О. В. Шевелева и несколько эпизодов из жизни в Шанхае».

БРАТЯ ПЬЯНКОВЫ: ОНИ ГНАЛИ ВОДКУ И ПОМОГАЛИ ПРОСВЕЩЕНИЮ

Светланская ул., № 43

В жизни порой случается так, что фамилия человека как нельзя лучше соответствует его занятиям. Именно так случилось и с тремя братьями Пьянковыми, которые в свое время были водочными королями Дальнего Востока. Учредив Торговый дом «Братья Пьянковы», каждый из них выбрал себе крупный город-вотчину и открыл там винокуренный завод.

Михаил Павлович Пьянков, инициатор создания этой компании, начал свою деятельность в Николаевске-на-Амуре. Он быстро понял, что не нужно бояться больших налогов на продажу водки — сбыт-то обеспечен, — и взял казенный откуп. Дело быстро пошло в гору. Встав на ноги, М. П. Пьянков решил облагородить свое имя и стал крупным меценатом в этом небольшом амурском городишке. За пять лет он пожертвовал городу более 100 тыс. рублей. Фактически на его деньгах держа-

Владивосток, ул. Светланская. Таможня. (почтовая карточка)

лась культура Николаевска-на-Амуре. Он был и первым почетным смотрителем Николаевского городского училища. Позднее М. П. Пьянков переехал в Никольское, где было проще вести дело. Здесь он построил в 1893 г. крупный винокуренный завод. Так что этого Пьянкова можно считать дедушкой местной водочной индустрии.

Сложным был путь в коммерцию старшего из братьев — Иннокентия Пьянкова. В юности он увлекался террористическими идеями, участвуя в организации «Черный передел». Неизбежный итог небезопасного увлечения — тюрьму и ссылку — он воспринял без восторга, а после того, как отбыл наказание, осел в Благовещенске и, занявшись, как и брат, водочной коммерцией, крепко встал на ноги. Его деятельность пошла невиданными темпами, он богател на глазах. Тогда-то он вспомнил юность и решил облагодетельствовать народ более безопасными способами, чем были в ходу у террористов. Перебравшись к тому времени в Хабаровск, И. Пьянков стал меценатом: он жертвовал деньги церквям, содержал библиотеки. За широкую благотворительную деятельность водочный король был даже выбран почетным гражданином Хабаровска.

Многие из директоров и преподавателей учебных заведений Хабаровска искренне горевали, когда узнали, что «денежный мешок» И. П. Пьянков уезжает из города. Но, заботясь о благодарной памяти потомков, меценат пожертвовал в 1908 г. 100 тыс. рублей на основание Хабаровского политехнического института. И. П. Пьянков не жалел денег и Владивостоку, став попечителем почти всех учебных заведений и щедро субсидируя их. Когда обсуждался вопрос, быть трамваю в городе или нет, он занял Владивостокской думе 100 тыс. рублей на это благое дело. В 1907 г. Иннокентий Павлинович пожертвовал большие средства и на строительство городской больницы, а после окончания ее строительства возглавил попечительный совет, что также предполагало материальную помощь.

Во Владивостоке заправлял всеми делами фирмы главный распорядитель Торгового дома Владимир Павлинович Пьянков. Тщательно, учитывая любую возможность, вел он коммерче-

ский корабль братьев. Дело было не таким легким, как может показаться. Владивосток был наводнен алкоголем всех марок. Здесь продавали не только знаменитые сорта русских водок типа «Смирновской», но и везли спиртное из Америки, Японии и Китая. Кроме того, в Приморье и Приамурье действовали мощнейшие подпольные заводы по производству китайской водки — ханшина. Только успевай поворачиваться, если хочешь догнать конкурентов. Хотя слово «догнать» братьям Пьянковым не подходило. Нужно было идти впереди остальных, и коммерсанты с этим прекрасно справлялись. Свидетельство этому — многочисленная реклама Торгового дома Пьянковых в газетах тех лет и многомиллионные прибыли в отчетах компании.

В. П. Пьянков был несколько скуповат и не швырялся деньгами, как его старший брат. Но и у него было увлечение — Владимир Павлинович любил ходить в Общество изучения Амурского края. Туда он привел позднее и своих братьев, которые со временем заняли место в числе самых активных и щедрых меценатов единственной в то время на Дальнем Востоке научной организации. Глава же фирмы не только давал деньги, но, увлекшись делами общества, согласился стать его казначеем. Нетрудно представить, в каком завидном состоянии находилась при нем касса Общества изучения Амурского края. Неоднократно в отчетах ОИАК отмечалась работа Пьянкова. Так, Ревизионная комиссия, заключая свой доклад в 1890 г., писала, что «не может не выразить удивления к стройности хода дел Общества, хода, ведомого людьми обремененными многоразличными официальными и частными обязательствами. Только желание успеха нашему Обществу и симпатичное отношение к его целям может служить объяснением благородных усилий членов Распорядительного комитета». Первым при перечислении шло имя казначея В. П. Пьянкова.

В. П. Пьянков совмещал эти обязанности с членством в комиссии по строительству здания Общества. Он щедро давал деньги и стройматериалы, не говоря уж о том, что Торговый дом «Братья Пьянковы» поставлял бесплатно спирт для музейных коллекций. Спирт поставлялся бесплатно и в городские лечебницы.

Владимир Павлинович скончался 28 февраля 1903 г. в г. Нагасаки, куда выехал лечиться. После его смерти Торговый дом возглавил И. П. Пьянков. Когда же и он умер в ноябре 1911 г., дела в Хабаровске перешли к его сыну Иннокентию. В других городах делами стали заправлять его двоюродные братья. Нет нужды говорить о том, что после 1922 г. Торговый дом Пьянковых прекратил свое существование. Некоторые члены семьи остались жить в Приморье, но большинство выехало за рубеж.

ОН БЫЛ СРЕДИ ТЕХ, КТО ОСНОВАЛ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ПАРОХОДСТВО: ВЛАДИМИР ТЕРЕНТЬЕВ

Весной 1880 г. во Владивостоке была открыта контора Добровольного флота. С этой даты и берет отчет история Дальневосточного морского пароходства. А стоял у его истоков В. А. Терентьев. В конце своей жизни агент Добровольного флота контр-адмирал в отставке Владимир Африканович Терентьев имел почетное звание — старожил Владивостока. Тогда это неформальное звание ценилось горожанами поболее, чем иные общепризнанные. Что же касалось Терентьева, то его знали в лицо многие жители Владивостока, а к мнению отставного адмирала охотно прислушивались столпы местного общества.

В жизни Владивостока открытие агентства Добровольного флота в апреле 1880 г. сыграло большую роль. Трансокеанские рейсы пароходов «Москва», «Петербург», «Нижний Новгород», «Россия» и «Ярославль» из Одессы к берегам Тихого океана дали жизнь всему Дальнему Востоку. Если об этих событиях написано немало, то о жизни скромного агента В. А. Терентьева почти ничего не известно. Владимир Африканович не был новичком в морском деле. Свою карьеру он сделал не в уютном кабинете Морского ведомства, а на палубе шаткого парусника. В. А. Терентьев немало побродил по морям, пока не осел на берегу Золотого Рога. Доводилось ему в бытность свою моряком заходить и во Владивосток. Впервые он попал сюда командиром клипера

Суда Доброфлота в бухте Золотой Рог (почтовая карточка)

«Горностай». Когда в 1903 г. возникла мысль о переносе праха графа Н. Н. Муравьева-Амурского из Парижа во Владивосток, то В. А. Терентьева попросили занять почетное место в специальной комиссии как человека, «заставшего Владивосток еще не городом, а незначительным постом».

Рано или поздно, но всем приходится завязывать с морем, и в 1878 г. морской офицер В. А. Терентьев стал заведовать во Владивостоке артиллерийской подготовкой Сибирского флотского экипажа. Так бы и тянул лямку капитан 2-го ранга Терентьев до почетной отставки, а затем вернулся бы в благословенный Петербург. Но город у моря пришелся по душе «морскому волку», а тут весьма кстати подвернулась денежная и спокойная должность агента Добровольного флота. Морские офицеры, переходившие на работу в Доброфлот, сохраняли военное чинопроизводство. Короткая переписка с правлением компании и прекрасная аттестация быстро сделали свое дело. В 1884 г. Терентьев получил это назначение и 24 года возглавлял агентство компании Добровольного флота во Владивостоке. Он открывал новые линии, заключал контракты, выгодные для русского торгового мореплавания. Именно благодаря усилиям Терентьева пароходы стали осваивать Арктику.

Владимир Африканович с удовольствием занимался и общественной работой. Он был в числе тех, кто подписывал учредительные документы по основанию Общества изучения Амурского края. Хотя В. А. Терентьев не был коммерсантом, но возможностями для оказания финансовой помощи обладал. В 1885 г., например, он предложил Обществу отправлять бесплатно на пароходах-«добровольцах» все коллекции, предназначенные для обмена с европейскими музеями. Позднее агент Доброфлота вышел с предложением, которое через несколько лет привело к выдающемуся открытию. В. А. Терентьев дал Обществу чек на 100 рублей с условием образовать особый фонд для разведки месторождений каменного угля в Приморье и исследования уже открытых залежей. Конечно, при этом им руководило отнюдь не альтруистическое желание, а реальная необходимость. Топки его пароходов требовали угля в огромных количествах, а исследовательской организации, которая взяла бы на себя труд по разведке полезных ископаемых, на Дальнем Востоке еще не было. Этих денег оказалось мало-вато для серьезной работы, и в 1887 г. Владимир Африканович пополнил фонд еще на 630 рублей. Эти деньги позволили Обществу изучения Амурского края командировать учителя В. П. Маргаритова в экспедицию. Затея увенчалась успехом: учитель совместно с подключившимися геологами открыл богатейшее Сучанское месторождение угля.

В. А. Терентьев и сам принимал участие в повседневной жизни Общества. За свою безукоризненную честность и исполнительность Владимир Африканович был избран в 1889 г. членом ревизионной комиссии ОИАК. 26 марта 1892 г. В. А. Терентьев писал в своем акте: «Ревизионная комиссия, заключая свой доклад, считает приятным долгом высказаться, что интерес к молодому, недавно сформировавшемуся Обществу, как в среде местного интеллигентного населения, так и среди ученого мира настолько возрос и окреп, что успехи Общества изучения Амурского края превзошли все ожидания. Коллекции, по приведении их в надлежащий вид, и библиотека уже сами по себе представляют ценное приобретение и целые сокровища и доставля-

ют богатый материал для изучения более или менее подробно нашей отдаленной окраины».

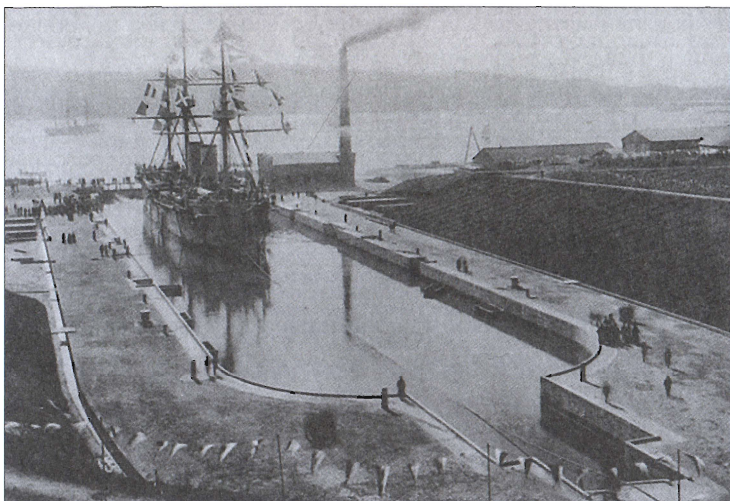
С годами силы офицера стали слабеть, и в конце 1908 г. он запросился в отставку. Но и пенсионером Терентьев не смог сидеть дома и стал работать во владивостокском Александровском училище, преподавая кадетам морскую практику. Позднее многие капитаны с удовольствием вспоминали его лекции.

Владимир Африканович Терентьев скончался во Владивостоке 16 мая 1910 г. За гробом старого моряка шли многие капитаны. По давней морской традиции пароходы, стоявшие в бухте Золотой Рог, протяжными гудками попрощались с бывшим агентом Доброфлота.

КОРМИЛ НАРОД, ЛОВИЛ РЫБУ, БИЛ КИТОВ, СТРОИЛ МАЯКИ И ДАВАЛ ДЕНЬГИ НА КУЛЬТУРУ: ОТТО ЛИНДГОЛЬМ

Если бы кому-то вздумалось написать роман о дальневосточном «морском волке», то на эту роль вполне подошел бы Отто Васильевич Линдгольм, который родился в 1831 г. Тернистым был путь этого владивостокского мультимиллионера, в его биографии переплелись холодный расчет и бесшабашное презрение к смерти, отчаянные авантюры и бескорыстное служение науке, хитроумные коммерческие сделки и широкие жесты мецената.

В молодости, бросив Александровский университет в Финляндии, недоучившийся студент погнался за романтикой и стал китобоем. Он успел избороздить все океаны и испытать все мыслимые и немыслимые приключения к тому времени, когда хозяйева китобойной компании разорилась и все моряки были списаны на берег. Пока новая работа не была найдена, Отто Линдгольм вместе со своими друзьями-китобоями коротал время в одном петербургском кабачке, где обычно пересекались дороги «безлошадных» моряков. Там-то и произошла встреча, круто повернувшая жизнь молодого финского китобоя. Как-то раз в кабачке появился юноша в студенческой тужурке. Заметив

Крейсер «Дмитрий Донской» в сухом доке «Дальзавода»

за одним из столиков соотечественников-финнов, он сразу же направился к ним. В тот вечер спутниками шкипера О. Линдгольма были два его штурмана — Тернквист и Форселес. Юноша представился Артуром Нордманом, и вскоре новые друзья уже досконально знали его историю.

В 1857 г. он морем отправился на Тихий океан в качестве естествоиспытателя и задержался там на несколько лет. В Европе его успели потерять. Близкие уже подумывали о том, чтобы заказать о нем панихиду, а другие и вовсе позабыли о его существовании, как он объявился в 1860 г. в Петербурге на сельскохозяйственной выставке с богатейшей коллекцией даров дальневосточной тайги. Его экспонаты даже получили большую серебряную медаль.

В научных кругах о Нордмане заговорили как о молодом ученом, подающем большие надежды, а ему в шумной столице все чаще и чаще вспоминались дикий край, необъятная тайга, беспредельный океан. О них он мог рассказывать бесконечно. Дело кончилось тем, что Нордман заразил собеседников идеей поехать на Дальний Восток и заработать деньги. Старшим

в этой компании путешественников стал опытный Линдгольм. Позднее дядя студента адмирал Ф. Нордман вспоминал о шкипере: «Представленный мне Линдгольм тотчас расположил меня к себе. Ему было лет 30. Мужчина красивый, обращения дипломатически-вежливого, и хотя он был сын бедного жителя финских шхер, где мать его поныне живет, но образование получил в Александровском университете. Плавая много лет по океанам, он не забыл университета и обогатил его ценными для науки подарками, за что и награжден золотой медалью на Станиславовской ленте на шею».

Через несколько месяцев дороги путешественники добрались до Нерчинска, где неожиданно скончался Артур, неутомимый движитель компании. Зимой 1863 г. финны встретили на Тутуре в Удском остроге. К весне они достали два вельбота и вышли в море за китами, официально назвав себя Тутурской китобойной компанией, хотя ей вполне подошло бы название Тутурской республики, гражданами которой были не только Линдгольм со спутниками, но и сбежавшие со своих китобойцев американцы, среди них было даже два негра, беглые каторжане, местные жители.

Отто Линдгольм стал президентом новой компании, записавшись в купцы первой гильдии. Все жили одной семьей, поровну деля тяжелый труд на море и бытовые заботы. Уже через три года компания имела три шхуны и несколько сотен баррелей вытопленного китового жира. Но далеко не все смогли перенести испытания. Вскоре скончался Торнквист, не выдержал и ушел в сторону Форселес. От неимоверных трудностей многие стали разбегаться. Держался только Линдгольм, о котором говорили, что он имеет сатанинскую силу. Невзирая на погоду, Отто Васильевич ходил в море: один во всех лицах — от главного распорядителя до шкипера и китобоя. Лично им было убито 26 китов. Один исполин едва не уволок его на тот свет, но Линдгольм только посмеялся над этим случаем, сказав:

— Бабка мне напороочила — не в воде моя смерть. Потому и жив.

А тот кит, кстати, в 92 фута длиной, дал жира и усов на шесть тысяч рублей серебром.

Генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков ходатайствовал перед Петербургом о награждении Линдгольма Золотым знаком на Владимирской ленте как первого русского китобоя на Дальнем Востоке. Этот почетный знак О. Линдгольм носил с гордостью до самой смерти.

Дела в новой китобойной компании со временем наладились, но все эти годы Линдгольму не давала покоя мысль, что далеко в Европе его ждет самое дорогое существо. И однажды Отто Линдгольм бросил все и уехал на Балтику. Самой большой наградой ему за все пережитое было то, что любимая дождалась его и даже согласилась поехать с ним на далекую окраину. Там она скрасила суровую мужскую жизнь Линдгольма и даже ходила вместе с ним в море бить китов, но все же непосильными оказались для нее испытания. Ее смерть потрясла выдавшего виды китобоя, долго он не мог простить себе, что не уберег любимую в суровом краю.

После смерти жены О. Линдгольм с удвоенной энергией взялся за дела. Он не жалел себя, часто рисковал жизнью, но, видно, и вправду не суждено ему было погибнуть в океане. Зато доходы компании все росли и росли. В конце концов, устав от странствий по морям, китобой осел в приглянувшемся ему Владивостоке и открыл Торговый дом «Линдгольм и К^о». Слава предпринимателя шагнула далеко за пределы Дальнего Востока. Он приобрел себе огромный кредит в Японии, на Гавайских островах, в Сан-Франциско, Нью-Йорке, Англии и Германии. Во Франкфурте один богатый негоциант предложил ему кредит в 300 тыс. долларов. На 1875 г. Торговый дом «Линдгольм и К» располагал кредитом в миллион долларов.

В 1877 г. О. В. Линдгольм купил паровую шхуну «Сибирь» для промысла китов. Капитаном на ней стал соотечественник хозяина вольный шкипер Фридольф Гек. Но китобойством шхуна занималась недолго, всего один сезон, а потом работала на каботажных линиях. Весной 1885 г. предприниматель отправил «Сибирь» на западное побережье Камчатки — заняться натуральным обменом с чукчами. Успех превзошел все ожидания. Рейс принес большую прибыль. На следующий год плавание

повторили, но, к сожалению, оно было последним, т. к. эту территорию успели облюбовать американские китобои, не желавшие делить прибыль с другими. Торговая шхуна не могла противостоять оружию, и выгодный товарообмен пришлось прекратить. Вскоре О. В. Линдгольм купил конфискованную шхуну «Элиза» и, назвав ее по-своему «Котиком», отправил бить китов, но промысел оказался неудачным. Владелец был вынужден послать шхуну на транспортные работы — вывозить морскую капусту.

Вблизи Никольского Линдгольм построил в 1879 г. большую паровую мельницу, обеспечивающую мукой не только всю округу, но и Военное ведомство. В офицерской слободке, за Морским клубом, у него был свой причал. Там же О. В. Линдгольм построил кирпичный завод. В 1896 г. он расширил производство, взяв в аренду кирпичный завод Кустера. На 28-й версте от Владивостока предприниматель стал разрабатывать Подгородненские каменноугольные копи. Построил он и кирпичный завод во Владивостоке. Видавшие виды горожане только ахнули, когда О. В. Линдгольм выхватил в жесткой конкурентной борьбе миллионный подряд у Морского министерства на строительство сухого дока им. цесаревича Николая в Дальзаводе (строитель полковник В. В. Иванов). 7 октября 1897 г. состоялось его торжественное открытие — сюда вошел крейсер «Дмитрий Донской». До сих пор поражают красотой маяки, построенные им в заливе Петра Великого. Маячники же в непогоду славят строителя за крепость сооружений. Теперь не умеют строить так прочно, на века. В 1895 г. Линдгольм попросил Владивостокскую городскую думу выделить землю для строительства нефтебазы — керосинового пакгауза и цистерны. Так была построена в 1896 г. небольшая нефтебаза на Первой Речке, где имелась канатная дорога с керосиновыми вагонетками-цистернами. Линдгольм вывозил за границу очищенное масло для осветительных приборов. Затем он продал нефтебазу известному магнату Нобелю. В советское время владельцем ее стал Нефтесиндикат.

Летом 1911 г. во Владивосток пришел рыболовный траулер «Находка», который был заказан Линдгольмом. Тем самым

предприниматель объявил войну местным монополистам по доставке в город свежий рыбы. Уходящий на ночной лов траулер Линдгольма возвращался с полным трюмом к 6 часам утра на городской рынок, который размещался в центре города, прямо на берегу бухты. Жители быстро разбирали дешевую рыбу, тащили за клешни свежих крабов. Этот по сегодняшним понятиям деликатес был неременным блюдом на столе даже самых бедных владивостокцев.

Одним из первых Отто Васильевич вступил в члены Общества изучения Амурского края. Когда возникала нужда, он выделял деньги и материалы на строительство здания музея, делая большую уступку при поставке стройматериалов. В 1907 г. он учредил во Владивостокской женской гимназии две стипендии — имени Елизаветы Николаевны Семеновы и Отто Васильевича Линдгольма.

О. В. Линдгольм скончался 16 декабря 1914 г. К сожалению, память оказалась безжалостна к бывшему китобою. Только мыс в бухте Находка, где у миллионера была дача, носит сейчас его имя.

ВЛАДИВОСТОКСКИЙ ШВЕЙЦАРЕЦ ЮЛИЙ БРИНЕР

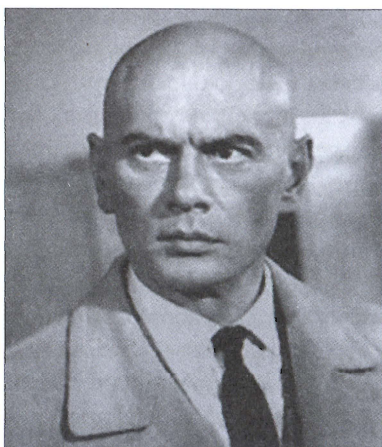
**Федоровская ул., № 3 и № 8, Алеутская ул., № 15
(ныне здание Дальневосточного морского пароходства), Светланская ул., № 55/1.**

Юлиус, или, как его называли в России, Юлий Иванович Бринер, родился в 1849 г. в небольшой деревушке Мурикин, что в 30 милях от Цюриха. Выучившись, юноша сменил белоснежные Альпы на знойный Шанхай, где занялся торговлей шелком. Бывая наездами в Японии, он женился на японке, вскоре родился ребенок, но счастье молодой семьи продолжалось недолго.

Из Китая молодой коммерсант переехал в Приморье. В порту Владивосток он занялся торговлей, пока не встрял в авантюру в Северной Корее. В те годы существовал проект: под флагом

частного бизнеса прибрать кое-что в этой стране к русским рукам. Затея закончилась бесславно, и после скитаний по Корее Ю. И. Бринер перешел русско-корейскую границу, чтобы продолжить дела в Приморье. Он остановился на заимке у своих старых друзей Янковских. Там он без памяти влюбился в кузину М. И. Янковского Наталью Куркутову. Бродя вдвоем по окрестностям уютной бухты Сидеми, они решили не уезжать отсюда никогда.

Юлиус (Юрий Иванович) Бринер

Вскоре на мысу, получившим впоследствии имя Бринера, была заложена усадьба. С 1880 г. купец первой гильдии Ю. И. Бринер вошел в первую пятерку дальневосточных коммерсантов. 1891 г. стал переломным в жизни не только всего Дальнего Востока, но и Юлия Бринера: была заложена Транссибирская магистраль, а за три месяца до этого он основал вместе с купцом второй гильдии Андреем Николаевичем Кузнецовым новую компанию, которая должна была заниматься стивидорными работами в порту, хранением грузов в складах и отправкой их адресатам.

Дела быстро пошли в гору. Точность и обязательность выгодно отличали компанию «Бринер, Кузнецов и К^о» от конкурентов. Вскоре фирма занялась и земельными операциями во Владивостоке, быстро построив несколько домов, ставших украшением города. Но по-настоящему талант предпринимателя проявился у главы фирмы, когда он занялся разработкой Тетюхинского месторождения. Первые работы Ю. И. Бринер провел в 1902 г. Через пять лет были разбиты пять рудников, которые предприниматель назвал именами своих детей: Натальевский, Леонидовский, Борисовский, Маргаритовский, Феликсовский и Мариинский.

Вначале добывали свинец, но затем инженер П. Кир нашел и богатое месторождение цинковых руд. В результате на коммерческом небосклоне засверкала новая звезда, зажженная Бринером: акционерное общество «Тетюхе». В апреле 1908 г. пароход «Селун» ушел в Германию с первой партией цинковой руды на борту — 300 тонн. В сентябре того же года начали строить узкоколейную железную дорогу от рудников к бухте и оборудовать причал. Задумались предприниматели и о строительстве обогатительной фабрики. Тяжелый труд рудокопов высоко ценился хозяевами: для рабочих было построено хорошее жилье, открыта больница, а их заработная плата была самой высокой в крае.

Юлий Иванович Бринер очень интересовался историей, и не удивительно, что в 1884 г. он стал одним из основателем первой научно-просветительской организации на Дальнем Востоке — Общества изучения Амурского края (действительный член с 28 декабря 1884 г.). Внимание коммерсанта давно уже привлекали небольшие холмы из ракушек около его усадьбы. Догадываясь, что они могут представлять интерес для науки, Бринер дал Обществу деньги на археологические раскопки, которыми занялся учитель В. П. Маргаритов. Поиски увенчались блестящим успехом, и решено было опубликовать их результаты вместе с рисунками и таблицами. Для этого требовалось изготовить литографии, но оказалось, что ни в Японии, ни в Китае за эту работу не берутся. На заседании Распорядительного комитета выступил Бринер, невольный виновник этой проблемы.

— Не стоит отказываться от первоначальных планов, — заявил он. — Этот способ потребует много времени, но зато сделает возможным обставить издание точными таблицами, крайне необходимыми для работы, результат которой заинтересует всех антропологов Европы, давая им возможность сравнения остатков каменного века далекого Востока с тем, что ими уже открыто в Старом Свете. Я берусь отправить рисунки в Германию и оплатить все расходы.

Весной 1887 г. на пароходе пришли во Владивосток литографии, сделанные в Берлине. За эту бескорыстную помощь в сентябре 1887 г. Ю. И. Бринер был одним из первых избран

членом-соревнователем Общества изучения Амурского края. Это был далеко не последний акт доброй воли этого человека. Когда встал вопрос о строительстве здания музея Общества, он согласился войти в строительную комиссию, выделив при этом огромную сумму денег.

Ю. И. Бринер умер в 1920 г. и был похоронен в фамильном склепе в Сидеми. К этому времени все дела в компании вели его сыновья. После прихода во Владивосток Красной армии Торговый дом Бринеров продолжал работать, не сокращая объема коммерческих операций. Справочник «Весь деловой и торговый Владивосток» за 1924 г. сообщал, что Бринеры и компаньоны имели верфь на мысе Чуркина и собственные дома во Владивостоке по улицам Федоровской, №№ 3 и 8, Алеутской, № 15 (ныне здание Дальневосточного морского пароходства), Светланской, № 55/1, Васильковской, № 13 и небольшой дом в пригороде.

Предчувствуя, что отношения с новыми властями не сложатся, вся семья Бринеров и их компаньоны бежали в Маньчжурию, где фирма продолжила работу, и не без успеха. В 1926 г. Леонид и Борис Юльевичи Бринеры открыли отделения в Харбине, Шанхае, Тяньцзине, Дайрене, Мукдене и других китайских городах. В основном занимаясь транспортно-пароходными перевозками, они постепенно расширили производство. В то время у них работало 400—500 человек, в основном русские эмигранты. Профиль фирмы резко изменился в связи с изобретением строительного материала «каокенит». Бринеры основали акционерное общество с таким названием и построили заводы в Харбине, Мукдене и Ейко (Корея). Вскоре там начали производство по новой технологии черепицы «каотейль».

О других Бринерах:

Владивостокский швейцарец оставил большое потомство. Его дети с успехом продолжили занятия коммерцией, а внуки, обладая художественными способностями, стали художниками и артистами.

Бринер Борис Юльевич, сын Ю. И. Бринера, родился в 1889 г. во Владивостоке. Он был членом Временного народного

собрания Дальнего Востока. Существует версия, что перед побегом из Владивостока примерно в 1926 г. он продал рудник Тетюхе английской фирме. В Китае он открыл собственную компанию. Умер в Шанхае или в США.

Бринер Вера Борисовна, дочь Б. Ю. и М. Д. Бринер, родилась 16 января 1916 г. в Санкт-Петербурге. После окончания гимназии в Харбине в 1933 г. вместе с братом и матерью уехала в Париж, где продолжила обучение музыке и театру, выступала в Парижском Русском театре (около 1938—1939). В 1940 г. она эмигрировала с мужем Валентином Павловским и матерью в Нью-Йорк, где выступала в оперных постановках «Кармен», «Евгений Онегин» и др. Вскоре после смерти матери в 1943 г. разошлась с мужем (азартным игроком) и уехала в Калифорнию. Там она вышла замуж за певца Роя Раймонда. В 1952 г. родила дочь Лору. Последние годы В. Б. Бринер уделяла много времени педагогической деятельности. По словам друзей, она была красивой, талантливой и обаятельной женщиной. Умерла 13 декабря 1967 г. в Нью-Йорке.

Бринер (урожденная Корнакова) Екатерина Ивановна, вторая жена Б. Ю. Бринера, актриса МХАТа. В 1935 г. она организовала в Харбине студию «ДИКС» (Студия драматического искусства при коммерческом собрании). «Е. И. все знания свои, опыт, все сердце и ум вкладывает в свое детище, стараясь в эмиграции из кучки начинающих молодых артистов создать филиал Московского художественного театра, стараясь приобщить тех, кто ничего не видел и очень многого еще не знает, к великому всепобеждающему искусству», — писала харбинская журналистка Н. Ростова.

Бринер (урожденная Благовидова) Мария Дмитриевна окончила Санкт-Петербургскую консерваторию и до замужества была оперной певицей. В 1924 г. развелась с Б. Ю. Бринером и жила в Харбине, занимаясь воспитанием детей, затем с дочерью В. Б. Бринер уехала в США.

Бринер Ирина Феликсовна, дочь Ф. Ю. Бринера, родилась 1 декабря 1917 г. во Владивостоке. В 1935 г. окончила гимназию в Харбине. В 1936—1939 гг. училась живописи и скульптуре в

Швейцарии в школе Ecole des Beaux-Arts. В 1946 г. эмигрировала в США и жила с матерью в Сан-Франциско. Пройдя путь ученичества, стала художником-ювелиром. В 1957 г. она переехала в Нью-Йорк, а в 1972 г. уехала в Швейцарию. Ее друзья отмечали: «Ира считает, что истинный артист в любой отрасли должен впитывать влияние окружающего и отражать это в своей работе как в зеркале; этим фактором она и объясняет влияние архитектурных форм, созданных художником Gaudì, на свои изделия. Иру всегда привлекало абстрактное искусство, но потребовалось много лет, пока эта область продуманно, а не механически, частично влилась в ее работу. На сегодняшний день Ира проектирует разнообразные драгоценные украшения, главным образом, по индивидуальным заказам. В своей работе она руководствуется принципом того, что ее изделия должны отражать, поскольку возможно, индивидуальность человека и, таким образом, создавать чувство комфортабельности и привычности. “Мои изделия не должны быть просто украшениями, они должны быть неотъемлемой частью человеческого тела; точно так же, как скульптура усиливает красоту здания, так и драгоценные изделия дополняют личность человека”, — говорит Ира».

Бринер Кирилл (Вгунер, Cyril) Леонидович, сын Л. Ю. Бринера, родился в 1908 г. во Владивостоке. В 1931 г. он окончил Стэнфордский университет. В 1934 г. защитил докторскую диссертацию в Праге. Профессор славистики в университете Британской Колумбии (1950—1973). Живет в Канаде.

Бринер Леонид Юльевич, сын Ю. И. Бринера, родился в 1884 г. во Владивостоке. Совладелец компании Бринер и К°. Скончался в 1947 г. в Шанхае.

Бринер Феликс Юльевич, сын Ю. И. Бринера, родился в 1891 г. во Владивостоке. Совладелец компании Бринер и К°. Консул Швейцарии в Дайрене, где и скончался в 1942 г.

Бринер Юлий (Юл) Борисович, сын Б. Ю. Бринера, родился 11 июня 1920 г. на Сахалине. Известный американский киноартист. Учился в гимназии в Харбине. Умер 10 декабря 1985 г. в Нью-Йорке.

КОММЕРЦИИ СОВЕТНИК «ЧУРИН И КОМПАНИЯ»

Светланская ул., № 45

Посетители, заходящие в универмаг для женщин и детей и в гастроном, что располагаются в одном доме на Светланской, вряд ли вспоминают о бывшем хозяине этого здания — Торговом доме «Чурин и К^о». Тем более не подозревают они о былом богатстве этой фирмы и известности, которой пользовалась она на Дальнем Востоке.

Основателем компании был Иван Яковлевич Чурин, исконный сибиряк-иркутянин. Когда генерал-губернатор Восточной Сибири граф Муравьев-Амурский взбаламутил всю Сибирь, присоединив к России амурские земли, Чурин решил заняться торговлей. На плотах он спускался по Шилке и Амуру со своими товарами до океана, а оттуда по зимнику возвращался домой. Очень скоро дело у купца пошло в гору, и Иван Яковлевич пригласил в долю своих друзей, братьев Николая и Василия Бабинцевых. Отделение же во Владивостоке основал некий Игнатьев. Новая компания охватила торговлей весь Дальний Восток.

Угол Светланской и Алеутской улиц (почтовая карточка)

В 1890 г. фирма «Чурин и К°» построила во Владивостоке на Светланской улице свой универсальный магазин, потеснив на торговом олимпе компанию «Кунст и Альберс». Путеводитель по Владивостоку за 1909 г. сообщал, что Торговый дом «Чурин и К°» имел к этому времени свои отделения в Никольск-Уссурийском, Черниговке, Хабаровске, Николаевске-на-Амуре, Благовещенске, Сретенске, Зее-пристани, Петропавловске-Камчатском, Харбине и Мукдене. Товары из этих универсальных магазинов не оставляли никакого сомнения в их превосходном качестве.

12 октября 1914 г. «Чурин и К°» заложил новый магазин — большой четырехэтажный дом. Его проект был составлен архитектором В. Николаевым «по типу лучших европейских зданий этого рода, с лифтами, со всеми техническими усовершенствованиями последнего времени для хранения разного рода скоропортящихся товаров». Существуют сведения, что архитектор даже был командирован в США для изучения опыта строительства подобных зданий. На первом этаже нового магазина, как и сегодня, располагался гастроном, на верхних же покупателям предлагались самые разнообразные промышленные товары. Некоторые старожилы Владивостока до сих пор с восхищением вспоминают, как обслуживали посетителей магазина Чурина его служащие. Они не делали разницы, состоятельный или бедный человек пришел за покупкой, одинаково приветливо отпускали как дорогостоящий шоколадный набор, так и стограммовый пакетик дешевых леденцов.

Бывали случаи, когда покупателя не устраивала расцветка костюма или не находилось нужного размера облюбованного платья. Тогда служащие с извинениями записывали адрес несостоявшегося покупателя, чтобы незамедлительно сообщить ему, когда в магазин поступит нужный товар, срочно выписанный из Лондона или Парижа.

После ухода Чурина от дел компаньонами фирмы стали В. А. Левашев и И. И. Мамонтов. Сыновья Н. П. Бабинцева — управляли делами в Благовещенске, а В. П. Бабинцева — во Владивостоке. Мозг Торгового дома, компаньон-распорядитель

А. В. Касьянов жил в Москве. Бывший иркутянин, Касьянов вошел в состав торговой компании незаметно. Он родился в 1851 г. и уже в одиннадцать лет, окончив уездное училище, стал служить у Чурина. Смышленный подросток быстро сделал карьеру, и уже в 1878 г. Александр Васильевич был принят в фирму полномочным компаньоном.

В 1912 г., когда Касьянов отметил 50-летие своей коммерческой деятельности, газета «Дальний Восток» писала: «С уходом от дела Ив. Як. Чурина А. В. Касьянов был избран остальными компаньонами распорядителем фирмы, каковым бессменно и состоит до сего времени, постепенно расширяя операции фирмы и доведя дело до того солидного состояния, в котором оно находится теперь. За многолетнюю полезную деятельность на Дальнем Востоке по торговому делу удостоен звания коммерции советника и пр. наград. Благотворительная деятельность как на Дальнем Востоке, так и в Москве, известна всем».

Этот юбилей был ознаменован учреждением стипендии имени Касьянова для среднего учебного заведения. Да, основатели торговой компании были известными меценатами. И. Я. Чурин буквально осыпал золотом Иркутск, щедро раздавая деньги бедным. Не скупились на благие дела и другие компаньоны. В. П. Бабинцев, например, едва услышав об идее строительства музея Общества изучения Амурского, внес в кассу 500 рублей, а на следующий год добавил на полезное начинание еще 300. Этим помощь мецената научной организации не ограничивалась. В 1896 г. он подарил Обществу шесть картин местного популярного художника Вольского, а в 1912 г. сын Бабинцева дал деньги Обществу на издание геологической карты полуострова Муравьева-Амурского.

Как только была построена Китайско-Восточная железная дорога, фирма Чурина открыла свои магазины в Порт-Артуре, Харбине, Инкоу и Имяньпо. Русско-японская война, оживив вначале торговлю до невероятности, затем ввергла ее в глубочайшую депрессию. Но Торговый дом «Чурин и К°» и в этих условиях смог удержать свои позиции, сведя убытки компании к минимуму. Перед мировой войной оборот фирмы достиг

35 миллионов рублей, ее прекрасная репутация была известна всему миру.

Октябрьский переворот 1917 г. заставил знаменитый торговый дом провести реорганизацию. На свет появилось акционерное общество «Торгово-промышленное товарищество на паях — преемники И. Я. Чурина и К° — А. В. Касьянов и К°» с капиталом в 21 миллион рублей.

Гражданская война, а затем и советская власть не уничтожили старейшую фирму — выручили ее отделения в Маньчжурии. Альманах «Харбинская старина» писал в 1936 г.: «Фирма И. Я. Чурина и К° является одним из самых крупных русских торгово-промышленных предприятий в Маньчжу-Ди-Го. Самые крупные магазины Харбина принадлежат Чурину. Наряду с торговой деятельностью фирма учредила и ряд промышленных заведений, успешно развивающих свою работу. Чурин имеет сейчас фабрики: колбасную, красок, лаков, чайно-развесную, водочный завод, портняжную мастерскую готового платья, большие склады русских и иностранных вин с собственным разливом в своих подвалах, механические и столярные мастерские, технические отделы, отделения автомобилей и сельскохозяйственных машин. О размерах Торгово-промышленных предприятий можно судить уже по количеству занятых людей. Весь аппарат предприятия обслуживает свыше 900 служащих и рабочих». Надо добавить, что механизация в русской компании была лучшей в Маньчжурии, а зарплата — более высокой, чем в других фирмах. Работа в новых условиях потребовала и увеличения финансирования. Необходимые средства дал Гонконг-Шанхайский банк.

В Китае русские коммерсанты продолжили свою благотворительную деятельность, которая оказалась весьма кстати первым русским эмигрантам. В Харбине, например, они открыли городскую дешевую столовую имени А. В. Касьянова.

В тридцатые годы японская интервенция в Китае нанесла сильнейший удар империи Чурина—Касьянова. Японцы оказали давление на владельцев, и тем пришлось отказаться от всех прав на собственность. Обо всем этом можно прочесть в руко-

писи сына Касьянова, которая хранится в Сан-Франциско в Музее русской культуры. Коммунистический режим, установившийся в Китае в 1945 г., окончательно уничтожил знаменитую русскую фирму.

ЛЮБИМОЕ МЕСТО ОТДЫХА ДАМ И ГИМНАЗИСТОК У АВГУСТА МЕНАРДА

Познакомившись со статистикой XX века, мы обнаружили, что молочных продуктов на душу населения во Владивостоке приходилось тогда много больше, чем сегодня. А способствовал этому обрусевший француз Август Менард, владелец лучшей молочной на ул. Светланской.

Коммерция Менарда началась с небольшой фермы, которую он арендовал в пригороде. Мало-помалу дело пошло, и Август Алексеевич купил на Светланской улице два дома — № 34 и 49, в которых открыл молочные магазины. Через несколько лет в этих же домах появились кафе и ресторан Менарда, ставшие любимым местом отдыха дам и гимназисток. Читая рекламу тех лет, удивляешься, насколько разнообразным был ассортимент этих заведений: от кефирного кумыса до изысканных французских пирожных. Спрос на молочную продукцию во Владивостоке быстро рос, ферма уже не справлялась с заказами, и Менард решил купить остров Попова. Летом 1893 г. он заключил купчую на 300 десятин островной земли по 3 рубля за каждую, взяв еще 650 в льготную аренду. Хотя город и нуждался в молочных продуктах, условия сделки были жесткими: Августу Алексеевичу за небольшой срок предстояло построить ферму и завести в ней стадо в 50 голов при «одном породистом бугае». В противном случае договоры на покупку и аренду были бы расторгнуты. Забегая вперед, отметим, что Менард всего за год своего хозяйствования на острове не только выполнил эти требования, но и устроил поголовье скота.

В основе завидного благосостояния Менарда был один секрет: хозяин фермы постоянно занимался селекционной работой. Закупив в Европе коров лучших пород, он вывел свою, ко-

торая в Приморье получила название менардской. Молодняк с острова Попова пользовался большим спросом среди приморских крестьян. Правда, все быстро заметили, что, боясь конкуренции, Август Алексеевич продает не самых лучших коров, а тех, которые дают не больше 3000 литров молока в год.

В свободное от работы время А. А. Менард любил бывать в Обществе изучения Амурского края, где выступал с сообщениями о своем хозяйстве. В 1901 г. за «полезное в сельском хозяйстве поприще» он был награжден золотой медалью «За усердие» на Станиславовской ленте. Эта награда, пополнившая коллекцию медалей, полученных за участие в выставках, была последней в жизни предпринимателя — на следующий год он скончался.

В советское время Менард-младший продолжал активно заниматься научной работой. Его книга «Пантовое хозяйство», увидевшая свет в 1930 г., считается классическим руководством по разведению и содержанию пятнистых оленей. К несчастью, карьера Г. А. Менарда длилась недолго: после нескольких арестов он был расстрелян. К этому времени от хозяйства его отца не осталась и следа. Для любителей статистики можно привести такой факт из старинного справочника: ферма Менарда обеспечивала молочными продуктами половину населения Владивостока.

ОБ ОТЦЕ-МОЛОЧНИКЕ КАРЛЕ ГОЛЬДЕНШТЕДТЕ И СЫНЕ-АРХИТЕКТОРЕ ВЛАДИМИРЕ ЛИВИНЕ

Отличительной чертой деловой жизни дореволюционного Владивостока было полное отсутствие монополий. Примером тому служит не только конкуренция торговых гигантов Кунста и Альберса с Чуриным, но и борьба между коммерсантами средней руки, которые не могли вырваться вперед и завоевать в единоличное владение весь рынок.

У молокозаводчика Менарда с острова Попова тоже был соперник в лице предпринимателя Карла Георгиевича Гольденштедта. Свою карьеру обрусевший немец начал простым

чиновником в канцелярии местного губернатора. Будучи агрономом по специальности, он первым делом занялся обследованием природы Приамурья и Приморья и оформил свои наблюдения в виде рекомендаций для крестьян. И хотя они не пользовались большим успехом у пришлого населения этих мест, которое предпочитало жить по старинке, сама работа побудила Гольденшtedта заняться сельским хозяйством.

В 1879 г. отставной чиновник купил вблизи Владивостока — район нынешней станции Океанской — участок земли и основал имение-ферму «Новогеоргиеское». Получив кредиты, Гольденшtedт купил в Европе коров лучших голландских пород и завел образцовое хозяйство. За свои достижения в производстве сельскохозяйственной продукции Карл Георгиевич имел целую коллекцию золотых и серебряных медалей различных выставок, был он награжден и орденом Станислава 3-й степени, медалью «За усердие» на Андреевской ленте. Государство в лице своих губернаторов внимательно следило за тем, как местные предприниматели кормят народ, и всячески их стимулировало на этом поприще не только морально, но и материально.

Гольденшtedт был отзывчивым человеком, помогал окрестным жителям советами, делал подарки городу: на общественных началах спроектировал и разбил сквер у памятника адмиралу Г. И. Невельскому, Адмиральский и городской сады. Он сам привозил туда саженцы из своего питомника и лично высаживал.

Во Владивостоке К. Г. Гольденшtedту принадлежало шесть зданий, среди которых выделялся красавец-дом на углу Алеутской и Светланской. Предприниматель заложил его в 1894 г. В июле 1907 г. газета «Дальний Восток» писала: «На углу Светланской и Алеутской сооружается новое большое здание, в верхних этажах которого будет помещаться отель “Централь” с обстановкой, затмевающей все существующие уже отели». В разные времена в этом доме помимо «Централа» располагались аптека, магазин Титова по торговле красками, оружейный магазин «Диана», мастерские корсетов «Элегант» и дамских шляпок «Парижский элегант» и прочие предприятия, без которых не мог обойтись владивостокский житель.

Старожил города Карл Георгиевич Гольденштедт скончался в начале 1910 г. и был похоронен у себя в имении «Новогеоргиевском». Дело отца продолжил его приемный сын Владимир Федорович Ливин, который был известным владивостокским архитектором. Он окончил Институт гражданских инженеров. Существует версия, что в 1903 г. он построил по заданию Русско-Азиатского банка золотосплавочную лабораторию (Светланская, № 12). Через десять лет этот дом приобрел город, разместив в нем Владивостокский общественный банк. Вряд ли это было на самом деле так — в это время Гольденштедт-Ливин еще учился в институте. С 1909 г. В. Ф. Ливин попеременно исполнял обязанности областного архитектора и инженера. В 1912 г. он построил дом для железнодорожного собрания (ул. Алеутская, № 16). В нем работал клуб служащих Уссурийской железной дороги, при котором учились дети железнодорожников. В 1916 г. Ливин был уволен в отставку.

ОДИССЕЯ КУПЦА ИВАНА ГАЛЕЦКОГО

Если бы объявили конкурс на самого большого авантюриста Владивостока, то победителем в нем несомненно вышел бы купец первой гильдии Иван Иванович Галецкий. 17-летним он завербовался юнгой на парусник, взявший курс в Русскую Америку. Жители Ситки, вышедшие на берег встречать судно, обомлели, когда оно бросило якорь в бухте. Оказалось, что в пути на паруснике разыгрался пожар, который привел к взрыву порохового склада. Это происшествие погубило большинство членов экипажа. Уцелеть удалось всего нескольким, в том числе и Галецкому. Вспоминая этот факт из своей биографии, Галецкий поговаривал, что примет смерть на своей кровати, когда сам захочет этого.

Тридцатилетним он появился во Владивостоке, когда городу было девятнадцать. И здесь его ожидало очередное приключение. Когда он с лейтенантом Абазой отправился на китайской шаланде в Ольгу, внезапный ураганный шторм отбросил их к Японии. На прибывшемся к берегу суденышке из всего экипа-

Улица Светланская. Дом «Золотой Рог» (почтовая карточка)

жа в живых остались лишь они с лейтенантом. Враги коммерсанта злословили, что в том плавании он попробовал человечину. Иван Галецкий промышлял золотишком, порой удача не покидала его многие месяцы, и тогда наступала пора безудержных кутежей и карточных игр. Очевидцы вспоминали случай, когда он в один присест проиграл 30 тысяч рублей.

Купец первой гильдии И. И. Галецкий был одним из организаторов знаменитых «амурских обедов» в Санкт-Петербурге. Ежегодно бывшие дальневосточники собирались в лучшем столичном ресторане «Донон», чтобы вспомнить время молодости, проведенное на далекой окраине Российской империи. На «амурских обедах» было собрано много средств для благотворительных целей. Знаменит Галецкий был и тем, что устраивал многолюдные новогодние елки для бедной владивостокской ребятни и был непременным участником всех мероприятий местного благотворительного общества. Когда начался строительный бум, связанный с прокладкой Уссурийской железной дороги, Галецкий стал подрядчиком. Тогда-то он и провернул удачное дело по продаже дороге небольшого участка земли, ныне очерченного улицами Алеутская, Светланская и полотном железной

дороги, купленного им за двадцать лет до этого всего за три червонца. Сделка принесла купцу 10 тысяч рублей.

На своем участке купец построил небольшой деревянный дом, где разместились ресторан с театральным залом «Золотой Рог», гостиница и лавки. Весной 1897 г. предприниматель задумал снести старые здания и построить новое, каменное, но лишних денег не нашлось — Галецкий бросался во многие авантюры, которые требовали вложения средств, — и он сдал дом очередному арендатору. Но нечаянный пожар вскоре уничтожил дом и заставил Галецкого вернуться к старой идее. Он получил беспроцентную ссуду на строительство первого класса ресторана и театра, к возведению которых и приступил незамедлительно. Несмотря на длительные отлучки хозяина в Петербург, к январю 1903 г. постройка здания, размеры которого впечатляли, окончилась. В нем разместилась гостиница «Золотой Рог», фешенебельные номера которой могли одновременно принимать до 500 постояльцев, с внутренним телефоном и коммутатором. Прекрасно был оформлен и ресторан, который снял известный ресторатор В. М. Шуин. Это заведение стало излюбленным местом не только для юбилейных торжеств, но и заседаний Владивостокского общественного собрания.

В разные времена в доме Галецкого, который был настоящим торговым центром, располагались: с 1902 г. — магазин писчебумажных и фотографических принадлежностей Федора Альбертовича Цорна и аптека Польского, с 1905 г. — магазин мануфактуры, с 1907 г. — магазин серебряных и золотых изделий ювелира А. И. Банашкова, мастерская дамских нарядов «А-ля Паризьен» мадам Элиз и К°, в 1910-м в нем разместился ювелирный магазин Розенберга, который был затем перепродан братьям Вирт, фотография «Американская», магазин готового платья Петерсона; с 1913 г. помещение занял магазин аптекарских товаров М. Ф. Титова, магазин сала и масла Фалькенштейна, магазин готового платья Е. П. Гоголева, винно-гастрономический магазин Эльвангера. Бурное время Гражданской войны внесло свои коррективы в жизнь постояльцев дома: 1 февраля 1919 г. под театром был устроен популярный в те

годы ресторан «Балаганчик», любимое место «золотой молодежи» Владивостока. Здесь же проводило свои заседания Владивостокское литературно-художественное общество.

Всего этого владелец дома уже не видел: И. И. Галецкий скончался в Петрограде 15 января 1915 г. А в 1924-м здание, построенное им, было национализировано.

НАШЕ ПИВО БЫЛО ЛУЧШИМ В РОССИИ: АДОЛЬФ РИК И ДРУГИЕ

Уже никто не скажет, в каком году в нашем городе была выпита первая кружка пива, но в архивах осталось немало фактов о мастерах его приготовления. Владивостоку едва минуло двадцать пять лет, когда купец И. И. Галецкий построил на Первой Речке пивоваренный завод. Хотя хозяин и был большим любителем пенящегося напитка, дело у него не пошло, и он перепродал предприятие купцу Я. Л. Семенову. Но и Яков Лазаревич не осилил нового занятия и, как только подвернулся клиент, предложивший взять пивоварню в аренду, сразу же передал дело ему. Новым предпринимателем оказался баварец Адольф Рик, знавший толк и в пиве, и в его производстве. За короткий срок он сумел поставить дело на широкую ногу.

Рик выпускал пиво двух сортов: бутылка первого стоила 20 копеек, второго — 15. Всего в 1895 г. его завод — на нем ра-

Пивоваренный завод «Ливония» (почтовая карточка)

ботало всего восемь рабочих — выпустил свыше 6000 ведер алкогольного напитка. Как свидетельствовали газеты того времени, качество его было отменным и ничуть не уступало лучшим сортам европейского пива.

Коммерция тех лет не терпела монополии, и вскоре на Семеновском покосе предприниматель Манаков открыл второй пивоваренный завод, который получил название Русского. Позавидовав успехам соседей, Семенов решил попытаться счастья еще раз и открыл неподалеку свою пивоварню.

Город тем временем рос, и все больше появлялось в нем любителей притягательного напитка. В конце прошлого века на Лазаревской улице в Жариковском овраге купцом Ф. И. Нюксом был построен еще один пивоваренный завод производительностью 70 тысяч ведер в год. Но настоящий пивной бум в городе начался, когда в Голубиной пади заработал завод «Ливония». Его хозяином был купец первой гильдии Федор Петрович Зильгалв, профессионал высочайшего класса. Недаром владивостокцы, выехавшие в Москву или Петербург, только качали головами, пробуя тамошнее пиво, и рассказывали об отменном качестве напитка на далекой окраине России.

По проекту пивоварня Зильгалва была рассчитана на выпуск 100 тысяч ведер хмельного напитка, но уже через два года она почти вдвое перекрыла эту цифру. Любопытен и другой факт: во времена НЭПа пивзавод «Ливония» продолжал принадлежать Ф. П. Зильгалву и баловать владивостокцев прекрасным пивом.

Сегодня о былой славе старых владивостокских пивоваров напоминают развалины завода «Ливония» да этикетки от пивных бутылок в частных коллекциях приморцев.

ВЛАДИВОСТОКСКИЙ БЛАГОДЕТЕЛЬ МИХАИЛ СУВОРОВ

Казалось, что этот человек поставил целью благотворить весь Владивосток. Еще при жизни все заработанные тяжелым трудом миллионы он отдал людям и ушел в мир иной более нищим, чем церковная крыса. Михаил Иванович Суворов появ-

Михаил Иванович Суворов

вился во Владивостоке в 1882 г. Он был ровесником города, с которым связал всю свою дальнейшую жизнь. Строитель от бога, вначале Суворов стал брать подряды на постройку домов. Делая быструю коммерческую карьеру, он стал в 1893 г. купцом 2-й гильдии, а в 1895 г. вступил в 1-ю купеческую гильдию и вошел в первую десятку богатых владивостокцев.

Мало-помалу набирая темпы, М. И. Суворов построил на Седанке спичечную фабрику. Как ни странно, оборудованное

по последнему слову техники — паровой двигатель, электричество — это предприятие не приносило прибыли хозяину, и он продал ее в 1902 г. фирме «Курбатов и К°». Вероятно, причина неудачи крылась в том, что Суворов прежде всего был строителем и в меньшей степени улавливал спрос на рынке.

Более прибыльными оказались лесопильный завод, литейная и механическая мастерские, расположенные на Федоровском покосе, там, где теперь стоят корпуса завода «Металлист». Они давали предпринимателю необходимые строительные материалы для его подрядов. И по сей день во Владивостоке, в его исторической части, мы можем на каждом шагу любоваться творениями М. И. Суворова. Неподвластны времени, например, тщательно выложенные из кирпича стены Восточного института (главный корпус ДВГТУ). Это ли не лучший пример репутации строителя?

По заказу А. В. Даттана Михаил Иванович построил на ул. Суйфунской здание женской гимназии (гимназия № 1). Суворов, имевший вкус и чутье первоклассного архитектора, целые дни пропадал на стройке, до мельчайших подробностей соблюдая все детали контракта. Даттан остался доволен работой, а уж

глава фирмы «Кунст и Альберс» умел ценить качество строительных работ! Творением Суворова являются и здание на углу Светланской улицы и Океанского проспекта, в нижнем этаже которого расположен гастроном, и бывший Народный дом. Сейчас он почти не виден из-за окружающих его многоэтажек, а в свое время здание сравнивали с маяком, возвышающимся над городом. Сложенный из ярко-красного кирпича, Народный дом был особенно красив при солнечном свете. М. И. Суворов не только построил это прекрасное здание, но и вложил свои деньги в эту народную стройку. Видна рука подрядчика Суворова и в изысканных линиях памятника адмиралу Г. И. Невельскому, самого первого и до сего дня самого красивого монумента Владивостока. Думая только о деньгах, такой памятник невозможно построить.

Получивший образование в училище строительных десятиков, М. И. Суворов был знаком и с новейшими методами строительства. Он стал первым на Дальнем Востоке, кто предложил строить дома из бетонных панелей. С целью рекламы он даже устроил во Владивостоке специальную выставку. Вот что писал о ней в 1908 г. репортер газеты «Дальний Восток»: «Нам пришлось видеть пробные работы по изготовлению бетонных плит, из которых г. Суворов предлагает строить домики для дешевых квартир. Изготовленные уже плиты вышли чрезвычайно удачными. Они нескольких сортов: для наружных стен более массивные с массою пустот, которые по теории должны образовать сплошной воздушный слой, как плохой проводник тепла. Часть из них, предназначенная для цоколя, сделана с особою фаскою. Для внутренних перегородок плиты сделаны более легкие и, наконец, особые плиты для кладки дымоходов в стенах».

Суворов с жаром объяснял присутствующим преимущество его плит.

— Смотрите, господа, собирается дом чрезвычайно быстро и при массовой заготовке плит постройка обойдется очень дешево.

Но заказчики оказались консервативными и побоялись использовать новые технологии. Мечтой же Михаила Ивановича

было построить дешевые дома для всех бедных владивостокцев. Она оказалась несбыточной, но он все же построил городскую ночлежку, взяв львиную часть расходов на себя.

Суворов был любимцем детворы из бедных семей. На каждый праздник он обходил школы и училища, раздавая бесплатно форменную одежду, школьные принадлежности и другие подарки. Учителя не раз были свидетелями того, как слезы наворачивались на глаза Суворова, когда он видел, с каким трепетом и радостью дети разбирают его дары. Видно, немало хлебнул он горя в детстве, если до конца своих дней не мог оставаться безучастным к страданиям детей. Нередко М. И. Суворов оплачивал из своего кармана и учебу обездоленных ребятнишек. Он не устал повторять, разговаривая с учениками, что без образования невозможно пробиться в жизни.

Не счесть всех попечительных советов, членом которых он состоял. Особо он отмечал своей помощью Владивостокское городское училище и Владивостокское коммерческое училище. За свою благотворительность Суворов еще при жизни удостоился чести, которой могли гордиться только особы из царской семьи — его именем было названо Второе женское городское начальное училище. Но и тут он остался верным себе, пожертвовав училищу огромную сумму денег.

Михаил Иванович Суворов был активнейшим членом и Общества изучения Амурского края. Когда встал вопрос о строительстве двухэтажной пристройки к музею, он вызвался соорудить ее бесплатно. За это меценат был избран почетным членом Общества. В отчете ОИАК за 1911 г. сказано: «В области внешнего благоустройства библиотеки в отчетном году следует отметить прежде всего ценное пожертвование почетного члена Общества изучения Амурского края Михаила Ивановича Суворова. Сырость помещения библиотеки, вредно действующая на ее книжные запасы вообще, особенно губительно влияла на отдел периодических изданий, размещенный на открытых, ничем не изолированных со стороны стен, галереях. Решив, по докладу библиотекаря, устранить этот дефект, Распорядительный комитет Общества обратился к содействию Михаила Ивановича, ко-

торый пожертвовал для этой цели нужное количество асфальтированной пробки и поставил изоляцию своими рабочими».

Русско-японская война нанесла Суворову сильнейший удар — его основные предприятия располагались в Маньчжурии — и поставила его перед финансовым крахом. Чтобы спастись от надвигающегося банкротства, Суворову пришлось заложить все приморские предприятия. Но дела шли все хуже и хуже, и весной 1912 г., будучи уже тяжело больным, предприниматель отправился в Москву искать необходимые кредиты.

17 ноября 1912 г. заседание Владивостокской городской думы было прервано. Городской голова В. П. Маргаритов с дрожью в голосе прочитал телеграмму о том, что 13 ноября в 11 часов дня Суворов скончался в Москве. Отцы города, не сговариваясь, поднялись со стульев почтить память покойного. Зная о состоянии его финансов, городская дума постановила перевезти прах Суворова за счет городской казны во Владивосток и заплатить 1500 рублей Покровской церкви за возможность похоронить мецената в ее ограде. Единогласно голосуя за это предложение, не думали ли отцы города, что и им зачтется на том свете? Дума также постановила учредить в Алексеевской женской гимназии стипендию имени Суворова. Городская начальная школа для мальчиков получила его имя, а Набережная улица, где он жил, стала Суворовской. В городской больнице одну койку решено было в память о нем сделать бесплатной.

Предприниматели Владивостока по-разному относились к Суворову. Среди них давно уже шла молва, что он не от мира сего. Кто, мол, согласится при расстроенных финансах раскидывать деньги направо и налево, пусть даже на богоугодные дела, вот и докатился до банкротства. Но, видимо, сам Господь Бог и помог Суворову избежать скандала и уйти в мир иной с незапятнанным именем: его кредиторы отказались от своих счетов.

1 декабря 1912 г. вся соборная площадь была запружена народом. Учащиеся школ и училищ были сняты с занятий. На нескольких подушках, которые несли перед утопающим в цветах катафалком, лежали многочисленные ордена. По распоряжению управы весь путь процессии был освещен электричеством.

Между тем скандал после смерти Суворова все-таки состоялся, а виной всему было его завещание. Все свое состояние — а оно заключалось в уникальнейшей библиотеке он завещал жене своего компаньона доктору П. Н. Конде-Ренгартен. Многие злословили, что не совсем обычными были отношения между холостяком Суворовым и этой женщиной. Родственники предпринимателя бросились было обжаловать завещание, но потом, узнав о долгах, отказались от своей затеи. Тем более что сама Павла Николаевна подарила все книги Обществу изучения Амурского края. За этот дар 22 октября 1915 г. она была избрана почетным членом Общества. На втором этаже музея ОИАК по проекту инженера Алхазова была устроена галерея, где и разместилась библиотека М. И. Суворова. Распорядительный комитет постановил также назвать зал, где проходили все заседания, именем Суворова и повесить там его портрет. Вскоре появилась еще одна возможность увековечить память о почетном члене ОИАК. По заданию Общества геолог П. В. Виттенбург, занимающийся исследованием полуострова Муравьева-Амурского, назвал именем Суворова мыс в районе железнодорожной станции Спутник и гору недалеко от бухты Горностай. К сожалению, эти географические названия на современных картах отсутствуют.

Нет нужды говорить и о том, что все стипендии, назначенные Суворовым, как и названия учебных заведений, данных в его честь, в советское время были отменены, а улица, носящая его имя, переименована в Партизанский проспект. А что, если вернуть хотя бы часть из утраченного?

СЕМЬЯ ГЕОРГИЯ ДЕМБИ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ И ЯПОНИИ

Порой краеведческий поиск может длиться годами, и только счастливый случай помогает прояснить все неточности и заполнить пробелы. Так и случилось с жизнеописанием известного российского рыбопромышленника Георгия Филипповича Демби, в судьбе которого удивительно переплелись захваты-

вающие приключения и удачная коммерция. Он был первым английским консулом во Владивостоке, основателем промысла морепродуктов на Дальнем Востоке, организатором первого российского коммерческого представительства в Японии. Казалось бы, не нужно прилагать особого труда, чтобы разыскать документальные свидетельства жизни столь известного человека, но тем не менее поиски сведений из его биографии затянулись на многие годы. Мучило и то, что не удавалось найти никого из его потомков. Как-то раз, просматривая старые газеты, хранящиеся во Владивостоке в Обществе изучения Амурского края, я заметил в «Дальнем Востоке» небольшое сообщение о том, что в 1916 г. в Гонолулу скончался владивостокский сторожил Демби. Оно-то совершенно неожиданно и оказалось той ариадниной нитью, которая и привела к заветной цели. В первую же поездку на Гавайские острова в 1993 г. я принялся наводить справки о легендарном земляке. Сначала опытный русский библиограф Патриция Полански из университета в Гонолулу лишь пожала плечами на мой вопрос, слышала ли она что-нибудь о Демби, но через несколько дней я уже рассматривал официальную справку о смерти моего героя, Георга Филиппа Демби (George Phillips Denbigh), чья фамилия, оказывается, по-русски писалась неверно.

Заметка о находке новых документов, проливающих свет на биографию известного человека, вызвала интерес в Японии и Америке. Одним из первых на нее откликнулся из Канады Кирилл Бринер, внук другого крупного владивостокского предпринимателя. Он-то и сообщил адрес Анни Демби (Anne Denbigh), которая была невесткой одного из сыновей Г. Ф. Демби. Она не только ответила на письмо, но и прислала увесистую пачку бесценных материалов об именитом земляке, которые помогли выяснить многие факты его интересной биографии.

Георг Демби (Denbigh, George Phillips) появился на свет 16 февраля 1841 г. «Дом, где он родился, — писала его родственница Анни Демби, — до сих пор цел и стоит около канала Регента в пригороде Лондона (Islington). Я не думаю, что они были очень бедными, так как у меня дома висит портрет отца Г. Ф. Демби, написанный маслом». Демби получил хорошее образование в род-

ной Англии, но, будучи по натуре авантюристом, он уехал в Юго-Восточную Азию. Одно время юноша жил в Бангкоке и Сайгоне. Порой молодой Демби зарабатывал себе на жизнь игрой в покер. Говорят, он был удачливым игроком, но, не возлагая больших надежд на переменчивую фортуна, он отправился в Китай, где занялся своеобразным бизнесом: назначил себя таможенником на реке и взимал пошлину с каждой проплывавшей джонки. Видимо, тогда-то и возникла легенда, ходившая одно время по Владивостоку, что в молодости Демби флибустьером промышлял в южных морях.

Однажды, зафрахтовав небольшую шхуну, искатель счастья отправил ее на промысел в русские воды. Позже Г. Ф. Демби вспоминал: «Команда была очень мала — она состояла всего из одного русского, одного англичанина и двух китайцев. Они добрались до Владивостока в конце мая и вышли оттуда в июне в Охотское море, получив приказание, если не будут в состоянии вернуться назад, добраться до Шантарских островов, перезимовать там, охотясь за соболями и т. п., и вернуться во Владивосток в следующую весну. Прошло три года, а я не получал никаких вестей об этой экспедиции... Наконец, одно из проходящих судов случайно вошло в Шантарский залив и увидело там мою шхуну, вся команда которой погибла от цинги. Последним умер капитан — его нашли мертвым в построенной ими хижине на берегу за писанием вахтенного журнала».

Тогда Демби сам отправился во Владивосток, решив осесть в юном городе, насчитывающем в то время несколько сотен жителей. Он купил землю и построил два дома, фасадами выходившие на Светланскую и на Китайскую улицы. Предприниматель решил заняться добычей морепродуктов. Купив парусное суденышко «Алеут», Демби на нем отправился на Сахалин, у берегов которого было много морской капусты. Вскоре Георг близко сошелся с купцом Я. А. Семеновым, который считался признанным знатоком промысла ламинарии в Приморье. Яков Лазаревич предложил предприимчивому англичанину организовать общее дело. Так и возникла в 1877 г. знаменитая фирма «Семенов и К°».

«Я пробыл на Сахалине около восьми лет, — свидетельствует Демби, — прежде чем дело приняло значительные размеры, так как первоначально пришлось преодолевать многочисленные препятствия... Первое время пробовал заниматься рыбным промыслом и готовить тук, но г. Семенов не хотел принимать никакого участия в этой отрасли предприятия и отказался затрачивать на нее какой-либо капитал до тех пор, пока путем настойчивого труда мне не удалось доказать ему на деле, что этот промысел может быть в высшей степени выгоден. Первоначально я занимался ловлею трески и, выезжая в море при всякой погоде в небольшой лодке с мальчиком-айном, нередко успевал наловить в день 500—600 крупных рыб. Вскоре мне удалось побудить и айнов также заняться этим промыслом. Треску затем выменивал у них на табак, материю и рис, таким образом, мне удалось наловить и засушить полный груз трески, проданной в Японии за 4000 иен (огромная по тем временам сумма. — *Примеч. авт.*). В то же время дело добычи морской капусты шло своим чередом, и нами отправлялось уже около 100 000 пудов в год».

На Сахалине Демби довелось познакомиться с А. П. Чеховым. Писатель отмечал в своей книге «Сахалин»: «...делом заведует шотландец Демби, уже немолодой и, по-видимому, знающий человек. Он имеет собственный дом в Нагасаки в Японии, и когда я, познакомившись с ним, сказал ему, что, вероятно, буду осенью в Японии, то он любезно предложил мне остановиться у него в доме».

К тому времени протестант Г. Ф. Демби женился на очень красивой православной японке Мэри Моритака (Анна Рудольфовна Монетесса), на которой держалось все домашнее хозяйство богатого рыбопромышленника. На Сахалине в местечке Маука у них родились все дети: Альфред (Alfred) — в 1880 г., Александр-Тед (Alexander-Ted) — в 1881 г., Лиза (Liza) — в 1882 г. (?), Джордж-Уэш (George-Wash) — 24 мая / 5 июня 1884 г. и Джон (Ваня) (John-Vania) — в 1885 (?) г. Дети были крещены в Анивской православной церкви.

Деловая сметка и инициатива Г. Ф. Демби, который принял русское подданство, приносили неплохие плоды. «К чести г. Демби, — отмечали современники, — должно сказать, что он

не является эксплуататором, высасывающим соки из зависящих от него русских промышленников: получая выговоренный, достаточно большой, но вполне оправданный значительным риском процент (не надо забывать, что все промышленники, большей частью крестьяне из ссыльных, начинали промысловое предприятие без всякого капитала и не могли предоставить никакого обеспечения), он не запутывал и не закабалял своих клиентов, как это, несомненно, сделал бы при подобных условиях русский кулак-капиталист, а давал им полную возможность при достаточной энергии встать на собственные ноги и освободиться от полной зависимости».

Во Владивостоке Георгий Филиппович Демби пользовался большим уважением и считался старожилом города, а этим званием в те годы гордились. Он был членом Общества изучения Амурского края, куда передал немало средств для музея, а также экспонатов, рассказывающих о богатстве дальневосточной флоры. Удалившись в старости от дел, Г. Ф. Демби много путешествовал. Помимо Владивостока он имел дома в Хакодате и Гонолулу. В начале 1916 г. у Георгия Филипповича обострилась астма, и он лег в больницу в Гонолулу, куда обычно ездил на отдых. Там он и скончался 15 ноября того же года. Его сыновья кремировали тело и увезли в Нагасаки, где находился семейный склеп Демби.

Обо всех братьях Демби и Лизе говорили как о настоящих джентльменах и леди, честных в деле, приятных в общении и по-русски добросердечных. Их любили все родственники и окружающие. Особенно без ума от них были дети. Никто из младших Демби в Советский Союз не приезжал, но о собственности, оставшейся во Владивостоке, помнили. «Я дал Нине все полномочия претендовать на имущество Демби в России, если когда-нибудь коммунистический режим рухнет. Правда, я не мечтаю о том, что это случится при моей жизни, — писал Альфред Демби. — Все документы, подтверждающие мои права на собственность во Владивостоке, находятся здесь, в Японии, так почему бы кому-то из наших отпрысков не воспользоваться ею когда-нибудь в будущем. Никто не знает, какие еще перевороты могут случиться в России. Там сейчас очень неспокойно».

ОСНОВАТЕЛЬ ДАЛЬМОРЕПРОДУКТА МЕЙЕР ЛЮРИ

Все возвращается на круги своя. Об этом можно сказать, если взглянуть на вехи деятельности акционерной компании Дальморепродукт, которая была образована благодаря инициативе и коммерческой хватке местного рыбопромышленника Мейера Моисеевича Люри. Он родился в Николаевске-на-Амуре 20 мая 1881 г. Его отец, Моисей Люри, уроженец Ковно, в Латвии, был сослан на 25 лет на Сахалин, вероятно, после участия в одном из польских восстаний. Отбыв срок сахалинской каторги, он был отправлен на поселение в Николаевск. Моисей Люри был тесно связан с братьями Пилсудскими, старший из которых позднее стал маршалом и президентом Польши. Младший брат Б. О. Пилсудский и Л. Я. Штернберг были учителями его сына. Однажды Моисей Люри ушел на охоту, после которой уже не вернулся, место его могилы так и осталось тайной.

Николаевск-на-Амуре был центром рыбных промыслов на Дальнем Востоке. Отсюда рыба отправлялась в Сибирь, в Европу, в Грецию и на Ближний Восток. Рыба солилась в рассоле или коптилась, а затем укладывалась в бочки. Большая часть рыбопродукции отправлялась на японский и китайский рынки.

Засолка рыбы (почтовая карточка)

Мейер Люри рано начал деловую карьеру — сразу же после окончания народного училища и счетоводческих курсов. Частично подрабатывать ему пришлось еще в школе, чтобы помочь семье после смерти отца. В 1902 г. вместе с братом Абрамом он основал компанию по добыче рыбы, которая так и называлась «Братья Люри». Их взаимоотношения, понимание работы в команде стало залогом величайшего успеха. Основой коммерции братьев стал промысел красной рыбы и добыча пушнины. Все необходимое снабжение для переработки рыбы доставляли из-за границы. Соль, например, обычно привозили из Порт-Саида. Через два года, в результате Русско-японской войны 1904—1905 гг., наступил застой в делах. Японцы установили блокаду Николаевска со стороны Татарского пролива, который был единственным входом для судов, и тем самым нарушили производственный ритм.

М. М. Люри решил рискнуть: поехать за границу и, закупив необходимое снабжение, постараться чартерным судном прорвать блокаду. Взяв неограниченный кредит в Русско-Азиатском банке, он отправился в Европу. Он имел хорошие деловые связи в Англии, которая снабжала суда всем необходимым для транспортировки рыбы к иностранным рынкам. Но так было раньше, до войны, сейчас же Англия поддерживала Японию, и никто не хотел и слышать о планах молодого предпринимателя. Немецким коммерсантам цели Люри пришлись по душе, но их отпугивали опасности, подстерегающие рискованную экспедицию. Тогда М. М. Люри отправился через Атлантику в Нью-Йорк. В результате некоторых консультаций он выяснил, что лучшим местом для выполнения его затеи будет Сан-Франциско. После нескольких безуспешных попыток найти помощников он встретился с капитаном, отставным морским офицером норвежского происхождения, который имел собственное судно и занимался чартерными перевозками. Как ни странно, он несколько не усомнился в серьезности мероприятия. Капитан и Люри разложили на полу каюты огромную карту и стали обсуждать, каким путем они должны проследовать и каким образом могут прорвать блокаду.

Удовлетворенный разговором, капитан внес предложение: если собеседник так уверен в успехе, то пусть он отправится на одном из судов. Не моргнув глазом, Люри согласился при условии, что он отправится на флагмане этой флотилии. Предполагая, что туман поможет скрыть суда, идущие вдоль побережья, и тем самым поможет их планам, он предложил взять плоскодонные шхуны, которые могли бы легче пройти между песчаными банками и не выдать себя шумом двигателя. После некоторых споров сошлись на двух шхунах и одном пароходе.

Следуя указаниям Люри, флотилия достигла опасной зоны. Тогда Мейер Моисеевич перешел на первое судно, став лоцманом, оставив пароход в конце каравана. Шхунам удалось благополучно прорваться в порт, пароход же, шедший последним, был захвачен и препровожден в Японию, где его продали как военный трофей. Шхуны привезли достаточно товара, чтобы оправдать это рискованное предприятие. М. М. Люри стал героем, а к компании «Братья Люри» пришел финансовый успех.

Добившись удачи, компания Люри скоро стала промышленной империей, которая включала в себя добычу и засолку рыбы, заготовку амурской икры. Основными рыбалками этой компании был Пуер, Петах и Озерпах на Амуре, несколько рыбалок было на Северном Сахалине. Впоследствии компания занялась консервированием красной рыбы и крабов на Камчатке. «Братья Люри» имели в своем распоряжении и океанский флот. Одновременно они занимались добычей угля, леса, позже приобрели золотые концессии в Охотске и в Сибири, также ловили рыбу около Владивостока, занимались исследованиями нефтяных месторождений в Охе, где сейчас добывают нефть, осуществляли экспорт бобов из Маньчжурии. Позднее компания Люри со штабом во Владивостоке имела представительства в Николаевске-на-Амуре, в Хакодате, Токио, Иокогаме, Харбине, Мукдене и Шанхае.

В 1920-е гг. Советы взяли в свои руки весь Амурский регион. Исклучением оставался Николаевск, где размещался японский гарнизон. В 1925 г. встал вопрос о передаче и этого города в руки советской власти. Японцы, чтобы не «потерять лицо», попроси-

ли М. М. Люри стать временным губернатором, которому они могли бы передать всю полноту власти, чтобы затем уже Люри передал власть Советам. После консультаций с обеими сторонами М. М. Люри согласился. Все так и произошло, а на память у Люри осталась фотография этого примечательного события, когда он на несколько дней стал губернатором города, в котором родился, вырос и работал. После этого М. М. Люри не возвращался в Россию.

Историю М. М. Люри нельзя рассказать, не упомянув о нескольких драматических историях из его жизни. В Николаевской трагедии 1920 г. он потерял горячо любимого брата Абрама и других родственников, покинул отчье место. Правда, он еще приезжал во Владивосток, куда хотел было перенести свою главную контору. Люри купил у наследников Шевелева имение в Кангаузе и небольшой участок земли в центре Владивостока. С НЭПом М. М. Люри связывал большие надежды. Вместе с другими предпринимателями он основал акционерную компанию Дальморепродукт, где стал первым директором. В начале 1930-х гг. Люри проинформировали в Японии, что во Владивостоке арестованы главный управляющий его компании Михаил Алексин и представитель фирмы Иосиф Файнберг. Это было уже время сталинских репрессий. Их обвиняли в шпионаже через переписку. Следовательно имели в виду обмен деловой корреспонденцией с Японией. Многочисленные запросы и протесты М. М. Люри через советское посольство в Токио не достигли цели. Друзья же настоятельно советовали ему не ездить в Россию.

Жена М. М. Люри умерла в июне 1937 г., когда ей было 58 лет. Люри эмигрировал в США перед Второй мировой войной и стал американским гражданином уже после того, как ими стали его дети. После войны М. М. Люри вернулся в Японию, так как не мог оставаться недели без посещения могилы жены. Он восстановил свой бизнес, а умер 5 июля 1954 г. Похоронили его, как и жену, на Иностранном кладбище в Йокогаме.

Роберт Моисеевич Люри, живущий в США, написал в 1981 г. для членов своей семьи семейную хронику. Многие факты из этой интересной рукописи были использованы в этом рас-

Фуникулер. Фото И. Грабовенко

Занесенный снегом Владивосток. Фото И. Грабовенко

Русский остров. Фото И. Грабовенко

Барк «Крузенштерн» и фрегат «Паллада»
у причала Владивостока. Фото И. Грабовенко

ГУМ — бывший Торговый дом «Кунст и Альберс».
Фото И. Грабовенко

Токаревский маяк. За ним Русский остров.
Фото И. Грабовенко

Бухта Золотой Рог. Фото И. Грабовенко

Паруса в Амурском заливе. Фото И. Грабовенко

Одна из «Принцесс» уходит в море. Фото И. Грабовенко

Амурский залив и центр города. Фото И. Грабовенко

Здание библиотеки и Дома музеев ДВГТУ. Идет строительство туннеля для моста через бухту Золотой Рог. Фото И. Грабовенко

Набережная. Фото И. Грабовенко

Семеновский ковш. Фото И. Грабовенко

Здание восточного института построено в 1899 г.
Ныне здесь располагается ДВГТУ. Фото И. Грабовенко

Амурский залив. Фото И. Грабовенко

Вид на город со стороны бухты Золотой Рог.
Фото И. Грабовенко

сказе. По окончании Калифорнийского университета (1931) Р. М. Люри начал работать в компании отца, затем он стал представителем американских кинематографических компаний в Азии. Во время Второй мировой войны он служил майором в американской армии. Выйдя на пенсию, Р. М. Люри с женой поселился в Калифорнии.

Известным ученым-филологом стала и дочь М. М. Люри Люри-Визвелл (Lury Wiswell), Элла (Ella) Мейеровна, родившаяся 20 февраля 1909 г. в Николаевске-на-Амуре. Она окончила Канадскую академию в Японии, университет Беркли в США и Сорбонну во Франции, занималась антропологией в Японии. В Гавайском университете преподавала французский и русский языки, литературу. Почетный профессор. Сделала несколько переводов. Живет в Гонолулу.

НОМО USSURIENSIS МИХАИЛ ЯНКОВСКИЙ

Светланская ул., № 39

Читателю нет нужды представлять известного в прошлом предпринимателя М. И. Янковского. Михаил Иванович был среди тех пионеров, которые пробивали тропу благополучия не только себе, но и всему краю. Но в биографии коммерсанта есть страницы, которые мало известны читателю. О них и пойдет речь.

Однажды М. И. Янковский заехал в соседнее с Сидеми урочище Славянка. Хлебосольные хозяева — офицеры 7-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона — пригласили его перекусить в своей столовой. Один из них обратился к соседу-предпринимателю:

— Скажите, пожалуйста, что я должен отвечать моему брату, проживающему в Полтавской губернии? Он давно добивается от меня сведений об этом крае; я пишу, что знаю, о наших приморских местах, а внутри края, в Никольском и в Ханкайской степи, я не был, и теперь вот, читайте, получил от него письмо, полное упреков.

*Пятнистые олени
(почтовая карточка)*

Собеседник Янковского достал из кармана листок бумаги: «Ты знаешь, как я дорожу правдивыми и дельными советами о вашем крае и готов распродать все свои пожитки, чтобы переселиться к вам; а ты пишешь мне, по легкомыслию своему, одни лишь пустяки: о тиграх, о холодных туманах, о сплошных горах с болотистой почвой, о климате, вредном для слабо-

грудых и, наконец, что у вас в Славянке и окрестностях из всех русских зерновых хлебов родится лишь овес и того лошади не едят. А между тем, читай, что пишет о твоём соседе владивостокский корреспондент в “Новом времени”».

Прочитав вырезку из газеты, вложенную в письмо, Михаил Иванович долго хохотал, смахивая невольные слезы и комментируя бредни автора заметки о нем и его богатстве.

— Господа, у меня не 3000 десятин земли, а всего 300. Не богатая трава и чернозем, а каменисто-болотистая местность, которая может прокормить не более 20 голов. А вот, смотрите, что написано в моем контракте на эту землю: «...буде земля, отданная Янковскому в оброчное содержание под пастбище, понадобится правительству для других целей, то через 6 месяцев по указанию ему об этом земля переходит в распоряжение властей, а постройки, изгороди и прочее должны быть убраны». Как вы понимаете, мои деньги и труд, вложенные в дороги, удобрение и осушку лугов, пойдут при этом ко всем чертям. А сам ты можешь убираться со скотом, людьми и прочим на все четыре стороны.

При следующих словах глаза предпринимателя жестко сузились:

— К этому можно прибавить и то, что в случае конфликта с Китаем моя ферма будет разрушена первой. Так почему же

я здесь, спросите вы. По причине холодных туманов моя местность не пригодна для хлебопашества, но благодаря тем же туманам почти свободна от комара, паука и мошки, поэтому там можно прекрасно разводить лошадей и скот, все побережье изобилует для этих целей прекрасной водой.

Уповая крепко на то, что меня с оседлости моей никто не согнит и гнать некому, кроме скотовода, а такой земли в прибрежной полосе еще много никем не занятой, я с покойной Верой затратил до 1886 года 35 тысяч рублей и семь лет каторжного труда.

Описывая этот разговор в своем послании газете «Владивосток», которое было опубликовано в 29-м номере за 1887 г., М. И. Янковский добавлял: «Если бы мы заселяли его [Приморье] бельгийцами с капиталами в голове и кармане, то и тогда рано было бы требовать теперь уже результатов, а ведь мы водворяем в нем нашего серого крестьянина, в недалеком прошлом у которого вместо культурной школы было крепостное ярмо, приучившее его думать утром, как пробиться и сносить свою шею до вечера, и водворяем его пока не собственником, что одно только могло бы служить ручательством за труд культурный по мере понимания, а не хищнический. Да, край наш будет развиваться, и для этого его нужно заселять и заселять, и будет он богат, но в последующих поколениях, когда многие чистосердечно задуманные и добросовестно исполненные промахи, неизбежные в каждом новом деле, будут схоронены вместе с их творцами и дорожка немного проторится, а о крестьянских нуждах начнет писать не наше господское, а крестьянское перо».

То письмо в газету М. И. Янковский подписал именем, которое он считал наиболее подходящим к нему, — Ното Ussuriensis.

В декабре 1902 г. высочайше было утверждено положение кабинета министров о продаже Янковскому в собственность 700 десятин земли и сдаче в аренду на 24 года еще 7800 десятин. Почему же столь щедрым стало правительство? Все заключалось в следующих строках контракта: «М. Янковский обязан содержать конский завод в составе не менее 100 маток, при соответствующем количестве заводских породистых жеребцов.

Завод обязан предъявлять для комплектования конского состава частей лошадей...»

Любопытно, что свою коммерцию Янковский строил не только на коннозаводстве и скотоводстве, выращивании пантов и женьшеня, но и на продаже книг. Его книжный и писчебумажный магазин, а также библиотека располагались на Светланской, 37. В рекламе тех лет сообщалось, что этот магазин имеет все сорта бумаги и ведет торговлю народными книгами на базаре. Долгое время в помещении книжного магазина размещалась и владивостокская штаб-квартира предпринимателя.

Михаил Иванович Янковский не забыл, что попал в Приморье, участвуя в научной экспедиции под флагом Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Как только возникла мысль об организации подобной организации во Владивостоке, он вошел в число основателей Общества изучения Амурского края. Большим вопросом для юного общества стало строительство собственного здания для музея. Распорядительный комитет ОИАК бросился за помощью к «отцам города». Посоветовавшись, Владивостокская городская дума согласилась дать деньги на постройку, но с условием, что будущий музей будет принадлежать ему. Обескураженный Распорядительный комитет направил всем членам ОИАК письмо с просьбой ответить, принимать предложение думы или нет. Пришло такое письмо и в Сидеми М. И. Янковскому. Распечатыв конверт, тот не поверил своим глазам:

— Что же это получается? Музей послужит как бы яблоком раздора, и между кем — городом Владивостоком и Обществом, состоящим преимущественно из владивостокцев, т. е. тем же Владивостоком! Это скорее пахнет просто-напросто выгодной сделкой вроде следующего: «Я жертвую вам, милостивейший государь, 3500 р., но с тем, что сумма эта поступит обратно в мою собственность и туда же поступят ваши 2500 руб. и еще принадлежащий вам хороший участок земли и ваши коллекции, ценой примерно в 10 тыс. руб.».

Свое отношение к предложению городской думы коннозаводчик описал в своем письме, которое было опубликовано в

местной газете. В нем Янковский предложил свой выход из создавшегося предложения — молодому обществу нужно научиться самому зарабатывать деньги, и привел пример, как можно это сделать.

Михаил Иванович в редкие минуты отдыха занимался сбором научных коллекций. Сочетание приятного с полезным давало ощутимый финансовый добавок к бюджету семьи. В 1884 г. Зоологический музей Императорской Академии наук по минимальным расценкам заплатил ему за шкурки птиц 600 рублей, а Ботанический музей отправил в Сидеми за гербарий 245 руб. За дубликаты бабочек, посланных в Европу, он получил огромную по тем временам сумму в 800 рублей.

«Коммерческие комбинации, доступные для разных лиц, — писал М. И. Янковский, — не всегда будут поддаваться научному обществу. Если поэтому ставить вопрос о существовании музея таким роковым способом: “Быть ему или не быть без помощи города”, то можно сказать, что при известных пожертвованиях и потере около года времени можно пробиться и собственными силами. Для этого стоит лишь списаться с заинтересованными фирмами за границей и, превратив, скрепя сердце, часть своих коллекций в деньги и присоединив к ним имеющиеся 2500 рублей, можно выстроить музей. А имея просторное помещение, можно усилить и коллекторскую деятельность». В той статье Янковский делал вывод: «Обществу нужна прежде всего полная и неприкосновенная свобода действий как единственное ручательство за будущее процветание».

Михаил Иванович не ограничился словами и стал на деле помогать Обществу изучения Амурского края. В 1888 г., продав изготовленные собственноручно чучела птиц в европейские музеи, он отдал все деньги Обществу. В том же году Янковский подарил Обществу породистую лошадь, но, разумеется, не для поездок председателя. Деньги от ее продажи пополнили общественную кассу.

Предприниматель взял на себя все расходы по подготовке чучельника для будущего музея. А уж о том, сколько всяких коллекций он подарил музею после его открытия, и говорить не сто-

ит. За эту бескорыстную помощь Михаил Иванович Янковский был избран членом-соревнователем ОИАК. Когда во Владивосток пришло известие о смерти М. И. Янковского, Распорядительный комитет ОИАК решил на своем заседании 31 октября 1913 г. назвать его именем комнату, где хранились орнитологические коллекции музея.

СЫН ДЕКАБРИСТА АЛЕКСЕЙ СТАРЦЕВ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ И НА ПУТЯТИНЕ

Светланская ул., № 69

Каждый житель Владивостока знает дом № 69 по ул. Светланской. В свое время он принадлежал купцу первой гильдии Алексею Дмитриевичу Старцеву, которого можно было бы назвать владивостокским графом Монте-Кристо. Правда, в отличие от литературного героя А. Дюма, который стал обладателем несметных сокровищ случайно, Старцев окропил своим потом остров Путятин, принесший ему богатство. Романтический ореол окружал А. Д. Старцева в связи с тем, что он был незаконнорожденным сыном знаменитого декабриста Николая Бестужева. В память об этом он носил на руке кольцо, изготовленное из кандалов отца и обрамленное золотом. Во Владивосток Старцев перебрался по приглашению своего друга М. Г. Шевелева, с которым он работал в Тяньцзине. Вначале коммерсант купил для своего будущего дома землю на Светланской, но потом передумал там строиться. Приглянулся Алексею Дмитриевичу безлюдный остров недалеко от Владивостока — Путятин, на котором он и решил обосноваться окончательно.

Летом 1891 г. к острову Путятин подошла легкая шхуна. Меняя галсы, она обошла весь остров, а затем бросила якорь в уютной бухте. На ее борту находился всего один пассажир — кряжистый человек с широким, монгольского типа лицом. Его морщины и с проседью борода говорили о том, что он немало повидал на этом свете. Сойдя со шхуны на берег, он поднялся на самую высокую вершину острова, огляделся и подумал: «Родное.

Да, мое имение будет называться “Родное”».

Это был Алексей Дмитриевич Старцев. Гора же, на которой он стоял, получила имя Старцев. А через десяток лет он сам найдет здесь вечное успокоение.

В июне 1891 г. купец первой гильдии А. Д. Старцев оформил купчую на тысячу десятин земли на острове, а оставшуюся взял в аренду на 99 лет. Не откладывая в долгий ящик, новый владелец приступил к осуществлению заранее составленного плана. На острове было несколько заброшенных хибар, которые приго-

Алексей Дмитриевич Старцев

дились в качестве временного жилья. Их заняли управляющий будущим имением и другие сподвижники Старцева. В конюшне разместились лошади, привезенные для первых работ.

В тот же месяц газета «Владивосток» дала читателям первую информацию о намерениях предпринимателя: «Предполагается произвести много капитальных каменных построек. Для выделки кирпича будет построен кирпичный завод, который должен будет производить в сутки до 24000 штук. Помимо своих надобностей кирпич будет возиться для продажи в город, где стоимость его думают довести до 12 руб. за тысячу».

Через несколько недель та же газета сообщила, что на острове поселился строитель-англичанин и туда завезли двух верблюдов. К сожалению, репортер не сообщил, зачем понадобились на Путятине столь экзотические для Приморья животные. В Тяньцзине А. Д. Старцев купил для себя пароход «Чайка», валовой вместимостью 53 регистровые тонны, и небольшую шхуну «Лебедь». Владелец острова посчитал, что этого будет достаточно для сообщения не только с Владивостоком, но и с Китаем и Японией.

Старцев решил создать на острове многоцелевое хозяйство, которое, несмотря на удаленность от рынков сбыта, смогло бы обойти конкурентов. Дело завершилось с такой быстротой, что очевидцы только открывали рты от удивления. Вскоре на конном заводе о. Путятин появились английские скаковые лошади, привезенные из Австралии и Калькутты. Хозяин решил скрестить их с забайкальскими конями. Новая порода дала хороший приплод, а участие в выставках принесло заслуженные награды коннозаводчику.

На скотном дворе радовали глаз упитанные коровы холмогорской породы и огромные быки. В чистом свинарнике хрюкали хемпширы и другие невиданные в Приморье животные. Загоны для пантачей, дворы для уток, гусей и прочей домашней живности явственно говорили о благополучии хозяйства. А если бы кто прошел дальше и увидел пасеки, ровные ряды виноградников, ухоженные сады и потрогал прекрасный шелк, полученный здесь же, на Путятине, он и вовсе потерял бы дар речи.

Гордостью же владельца острова был кирпичный завод. Мощное современное оборудование, рассчитанное на выпуск миллионов кирпичей, говорило о размахе дела. О качестве же продукции вопросов даже не возникало. На каждом кирпиче стоял штамп «Старцев», что подразумевало — кирпич с дефектом будет немедленно обменен.

Любимым детищем Алексея Дмитриевича было фарфоровое производство. Старцев поставил целью поразить качеством Европу, и добился своего. Не только Владивосток был заполнен старцевской посудой, изготовленной на Путятине, он успешно конкурировал со своим фарфором и в Китае, и в Японии. Сегодня такими прекрасными образцами посуды могут похвастаться только музеи.

А. Д. Старцев старался создать образцовое хозяйство, и ему это удалось в полной мере. Порядок царил не только на всех предприятиях, открытых на Путятине, но и на самом острове. Дороги, проложенные здесь Старцевым и его помощниками, стали эталоном для всего Дальнего Востока. Хозяин думал и о равновесии природы в своих владениях. На Путятине водились

лисицы, олени, зайцы, имелась даже одна волчья семья. Старцев разработал свои правила охоты, которые были обязаны соблюдать все живущие на Путятине.

А. Д. Старцев щедро делился опытом и с местными крестьянами, помогал улучшать местные породы животных, дарил семена, саженцы фруктовых деревьев. Крупнейший коммерсант Приморья был и известным меценатом. Его пожертвования не поддавались подсчету. Старцев содержал больницы, школы, выплачивал стипендии. В Кяхте он подарил дом местному отделению Русского географического общества.

Алексей Дмитриевич был и активным членом Общества изучения Амурского края. Он не только дал деньги на постройку музея, но и бесплатно поставил кирпич для строительства здания. С удовольствием коммерсант принимал участие и в научной работе. Вместе со своим другом М. Шевелевым он считался признанным знатоком Китая. В те времена русские миллионеры не только знали до мельчайших нюансов коммерческое дело, но и считали своим долгом быть первоклассными специалистами в какой-нибудь области науки и культуры.

Все шло хорошо, как вдруг наступил неожиданный финал: 30 июня 1900 г. А. Д. Старцев скончался от инфаркта у себя на острове. Причиной смерти стало известие о разыгравшемся конфликте с Китаем, в результате которого под бомбардировкой в Тяньцзине погибло около 40 каменных домов, принадлежавших ему. Правда, друзья коммерсанта причину смерти видели не столько в уничтожении недвижимой собственности, сколько в потере уникальнейшей коллекции предметов буддийского культа и бесценной библиотеки Старцева. В свое время парижский Лувр предлагал купить ее за 3 миллиона франков, фантастическую по тем временам сумму, но Старцев только пожал плечами и сказал:

— Нет на свете денег, за которые я смог бы продать свою коллекцию.

Еще до кончины предпринимателя у многих возникала мысль сделать богатое книжное собрание достоянием Владивостока. «Приамурские ведомости» писали в 1900 г., что

«М. Г. Шевелев, принимавший личное участие в составлении библиотеки Старцева, как бы предчувствуя несчастье, ожидавшее научное сокровище, в мае говорил нам, что при первом же свидании с А. Д. Старцевым будет просить его принять какие-либо меры, чтобы его редкая библиотека, в случае ли его смерти, или другого чего, не пропала для науки. Словом, М. Г. Шевелев, придавая весьма важное значение библиотеке Старцева, был озабочен сделать эту библиотеку государственным достоянием, на что и можно было рассчитывать вполне, так как покойный А. Д. Старцев не был человеком эгоистичным и держался широкого взгляда на вещи».

К счастью, уникальная библиотека, стоившая миллионы золотых рублей, уцелела и вскоре была перевезена на Путятин. Когда Гражданская война докатилась до Приморья, сыновья А. Д. Старцева решили продать книги. Городская библиотека имени Гоголя обратилась к ним с просьбой уступить собрание ей, но запрошенная цена — двадцать тысяч долларов — оказалась слишком высокой, тем более что валютой библиотека не располагала, и книги ушли за границу. Не осталось никаких документальных свидетельств о том, кому именно и в какую страну было продано редчайшее собрание книг. Один из авторов этой книги отправил множество запросов по всему свету, включая знаменитую библиотеку Конгресса США, но отовсюду пришли отрицательные ответы. Библиотека затерялась, как иголка в стоге сена.

АДОЛЬФ ДАТТАН: НЕМЕЦКОЕ КАЧЕСТВО ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

Богатых и известных предпринимателей было много во Владивостоке. О многих из них уже опубликованы статьи, о других имеются отрывистые сведения в различных архивах.

Даттан Адольф Васильевич (Dattan, Adolf) (Адольф Трауттот Артур) родился 22 октября 1854 г. в Рудерсдорфе. Начиная работу в купеческой лавке. В 1874 г. перебрался в Гамбург. Оттуда он хотел уехать в Южную Америку, но встретился с Густавом Альберсом, который поручил ему сопровождать груз в Китай и При-

морье. Гражданин Российской империи с 5 декабря 1886 г. За полгода до этого он был причислен с женой к Владивостокскому купеческому собранию. Купец 2-й (1881—1885) и 1-й (с 1887) гильдий. С 31 мая 1884 г. директор Владивостокского попечительного о тюрьмах комитета. Награжден золотыми медалями «За усердие» на Станиславовской (1887), Владимирской (1890), Андреевской (1893) лентах, орденом Святого Станислава 3-й степени (1896), Святой Анны

*Адольф Васильевич Датман
(почтовая карточка)*

3-й степени (1899), а также японским орденом Священного сокровища 4-й степени (1893). Награжден цесаревичем Николаем золотым кольцом с драгоценными камнями (1891). Почетный попечитель Владивостокской мужской гимназии (с 30 марта 1891). Гласный думы Владивостока, выдвигался на должность городского головы (1902), шведско-норвежский коммерческий агент во Владивостоке (с 1899), итальянский коммерческий агент во Владивостоке (с 1903). Безвозмездно передал Владивостоку участок земли с условием строительства женской прогимназии согласно его чертежу (Женская гимназия имени Цесаревича, затем гимназия № 1 на ул. Уборевича, № 8). В 1906 г. выделил беспроцентную ссуду городу 200 000 рублей на постройку прогимназии. Представитель от Городского общественного управления (избран 3 декабря 1910). В связи с приездом военного министра А. Н. Куропаткина — член депутации по получению высочайшей грамоты для Приамурского края (1903). Член городской комиссии по призрению бедных (18 июля 1906, переизбран 27 января 1912). Член Попечительного совета Коммерческого училища (18 октября 1909). Действительный статский советник (с 1 января 1911), пожизненный член ОИАК (с 24 февраля 1889). Обвинялся в шпионаже в пользу Германии (в 1914) и был высе-

лен из Владивостока. Два сына погибли в рядах русской армии. А. В. Даттан скончался 14 августа 1924 г. в Германии.

Едва перешагнувшие двадцатилетний возрастной рубеж немцы, французы и американцы отправлялись в неизведанные экзотические земли Российской империи в поисках птицы счастья. Больше всех было немцев. Маршрут их следования на Дальний Восток был непрост. В Гамбурге они садились на торговый пароход, курсировавший на линии Гамбург — Шанхай, затем пересаживались на другой — до Николаевска, и, проведя в пути в общей сложности пару месяцев, прибывали в Россию. Многие уезжали обратно, разочаровавшись или не выдержав суровых условий жизни на «задворках Российской империи».

Оставались лишь самые упорные и удачливые, которые зачатую и достигали поставленных целей. Среди них был и бывший русский подданный купец Эрнест Ген, ставший в 1872 г. городским головой Николаевска, и бывший саксонский подданный владивостокский купец Иоган Лангелитзе и, наконец, Адольф Васильевич Даттан. Человек, чей труд и талант помогли возглавляемой им фирме Торговый дом «Кунст и Альберс», имевшей до 50 отделений, действовавших в Хабаровске, Благовещенске, во Владивостоке, в Москве и Санкт-Петербурге, Германии, Японии, Китае, и Корее и представлявшей мощный холдинг, объединявший оптовую и розничную торговлю, банк, пароходство, транспортно-экспедиционное агентство и страховое общество. Именно в конторе «Кунст и Альберс» во Владивостоке впервые в Сибири и на Дальнем Востоке зажглась электрическая лампочка. Весьма символично, что ныне в этом здании располагается Морской институт технического университета. Кстати, впервые почтовые карточки (открытки) о Владивостоке тоже были выпущены фирмой «Кунст и Альберс» с надписями на русском и немецком языках.

В своей деятельности Даттан применял умную и дальновидную тактику — он совмещал бизнес с щедрой благотворительной деятельностью в той области, где делал деньги. Он получил звание потомственного дворянина, что позволяло ему проставлять перед своей фамилией приставку «фон», стал действительным статским советником, что соответствовало по табелю о

рангах званию генерал-майора, был награждён множеством орденов и медалей не только России, но и Германии, Норвегии, Австрии, Китая, Японии. Среди его наград была и скромная медаль Красного Креста в память участия общества в Русско-японской войне 1904—1905 гг.

Во время войны с Японией 1904—1905 гг. фирма А. В. Даттана фрахтовала иностранные пароходы для доставки угля, провианта, фуража и снарядов в Северную Корею, Порт-Артур и во Владивосток, причем, прорывая блокаду японских войск, А. Даттан и его сотрудники рисковали не только состоянием, но и жизнью. Фирма выделила пароход «Павел» для снятия севшего на камни крейсера «Богатырь», безвозмездно осуществляла ледакольные работы для Владивостокского отряда крейсеров, отпускала Владивостокскому порту электрическую энергию со своей станции для освещения прожекторами рейда и гавани, а по окончании военных действий принимала самое деятельное участие в эвакуации войск морем.

Адольф Даттан был германским вице-консулом по коммерческим делам в Приамурском крае, и Первая мировая война стала трагедией для его семьи, да и для многих немцев, живущих во Владивостоке. Трое сыновей Даттана попали на фронт,

Торговый дом «Кунст и Альберс» (почтовая карточка)

двое сражались на стороне России, один — за Германию. Один из его сыновей — Александр, корнет гусарского полка — в боях за Россию был награжден шестью боевыми орденами и погиб смертью храбрых в 1916 г. Второй, воевавший на стороне Германии и тоже в гусарском полку, пропал без вести во время атаки на позиции французских войск в 1915 г.

В октябре 1914 г. Адольф Васильевич Даттан отпраздновал свое шестидесятилетие, и через два дня после юбилея был арестован, как немецкий шпион и выслан в Сибирь (Томскую губернию). Его обвинили в создании «организованного бюро военного шпионства». В одном из докладов приамурскому генерал-губернатору докладывалось, в частности, что «среди служащих в Торговом Доме “Кунст и Альберс”... обращали на себя внимание, как подозрительные в смысле шпионства: Мартин Эберт офицер германской службы и именно тот самый, который в минувшую Русско-японскую войну... вместе со служащим той же фирмы Релеем поднес главнокомандующему японской армией статую связанного белого медведя с оскорбительной для России надписью». Вернувшись во Владивосток в годы Гражданской войны, Даттан понял, что это уже другой и чужой для него мир. В 1920 г. он выехал в Германию, где и прожил оставшиеся до кончины годы. Адольф Васильевич Даттан очень много сделал для развития образования во Владивостоке. Он был попечителем мужской и женской гимназий, а с 1896 г., с началом строительства здания для мужской гимназии, в котором решено было впоследствии разместить Восточный институт, входил в состав комитета, назначенного для его постройки, и принимал самое активное участие в становлении института.

Уже в августе 1896 г. Даттан становится почетным попечителем Восточного института и всемерно помогает развитию высшего образования на Дальнем Востоке.

Интересно, что камень для стройки, добываемый у мыса Иродова, поставляли владивостокский купец О. В. Линдгольм и китаец Цзян Чжао Чун; кирпич, изготовленный на заводе Кустера, поставлял все тот же Линдгольм, а цемент марки «свернутый дракон» поставлялся японским заводом «Онода».

Взял на себя А. Даттан и обустройство домово́й православной церкви, хотя и был лютеранином. В 1903 г. в одном из домов Даттана была обустроена студенческая столовая, а в 1907 г. под его наблюдением было построено студенческое общежитие, двухэтажное, деревянное, на каменном фундаменте. Через пять лет, в 1918 г., А. Даттан электрифицировал здание на свои средства. Располагалось оно на площадке, как раз посередине между верхней и нижней станциями фуникулера. Свой трехэтажный собняк на Светланской, 73а, А. Даттан подарил Восточному институту под квартиры преподавателям, в 1910 г. пожертвовал неприкосновенный капитал в размере 10 тысяч рублей, чтобы проценты с него были ежегодным пособием для студентов на научные экскурсии в приграничные с Приморьем государства. Дальневосточная пресса в конце XIX — начале XX в. называла А. В. Даттана не иначе как «великий гражданин», «знаменитый попечитель дальневосточной науки», «выдающийся деятель приамурской торговли».

У него была большая семья — семеро детей, а многочисленные их потомки живут ныне в Германии, Швеции, Англии, Франции, Дании, США, Канаде, Австралии, но не в России.

Несколько раз во Владивостоке побывал внук А. В. Даттана, профессор Дитрих Берникер, который учредил стипендию А. Даттана, ежегодно выплачивающуюся из средств его родственников одному из студентов ДВГТУ, кандидатура которого утверждается на ученом совете вуза. Стипендия имени А. В. Даттана с немецкой аккуратностью приходит ежегодно уже в течение нескольких лет.

ОСТАНОВИСЬ, МГНОВЕНИЕ! ПЕРВЫЕ ВЛАДИВОСТОКСКИЕ ФОТОГРАФЫ: ВЛАДИМИР ЛАНИН И ДРУГИЕ

Человеческую жизнь невозможно представить без фотографий. Они сопровождают его от рождения до смерти. Только поэты и фотографы могут сказать: «Остановись, мгновение!». Немало настоящих фотомастеров и художников жило и на

*Дом главного командира Сибирской флотилии. Фото В.В. Ланина
(почтовая карточка)*

Дальнем Востоке. Благодаря им мы можем узнать о прошлом и совершить путешествие во времени.

Среди первых поселенцев далекой окраины России был фотограф-купец В. В. Ланин, родившийся в 1826 г. К сожалению, даже дотошные краеведы не знают его биографии: как и другие дальневосточные фотографы, он не оставил письменных свидетельств о своей жизни, зато благодаря его снимкам мы можем пополнить свои представления о людях и нравах далекой поры. Приехав на Дальний Восток, Владимир Васильевич Ланин сначала остановился в Николаевске-на-Амуре. Зарегистрировавшись купцом 2-й гильдии, он занялся фотографией. Тогда на далекой окраине нашлось много людей, желавших послать свои фотографии знакомым и родным. Ланин объехал все деревни и поселки Дальнего Востока. Он был среди тех, кто пробивал тропу в неизведанном крае, и тем ценнее для нас его фотоработы. Выдающимся явлением в культурной жизни того времени стал первый выпуск комплектов фотографий с видами города и природы. Тираж был небольшим, и сегодня только редкие музеи и архивы могут похвастаться открытками с печаткой «В. В. Ланин — на Амуре».

Переехав во Владивосток, когда городу было всего пять лет, Ланин занялся художественной фотографией. Его огромная коллекция из 150 снимков, сделанных им в 1875—1876 гг., с видами Амура, Южно-Уссурийского края, первых дальневосточных городов Хабаровска и Владивостока вызвала большой интерес в Санкт-Петербурге. Жизнь русского тихоокеанского побережья впервые стала достоянием широкой публики. Кстати, треть коллекции была посвящена жизни коренных народностей. Работы В. В. Ланина пользовались широкой популярностью среди издателей. Они были опубликованы в «Живописной России», «Азиатской России», «Народоведении» и многих других авторитетных изданиях. Уникальные фотографии были приобретены и императорской публичной библиотекой в Санкт-Петербурге.

О владивостокском периоде жизни Владимира Васильевича также сохранилось не много сведений. Известно, что он исполнял с 1881 г. обязанности первого общественного нотариуса и городского маклера. Есть и небольшое объявление, опубликованное в газете «Владивосток» 28 февраля 1888 г.: «По случаю отъезда продаю дома с земельными участками в гор. Владивостоке и фотографическое заведение...» Память о жизни во Владивостоке первого дальневосточного фотографа осталась в названии Ланинского переулка около железнодорожного вокзала, где стоял его дом. Известный краевед Николай Матвеев не забыл мастера и опубликовал в своем альбоме его портрет с надписью «В. В. Ланин — первый фотограф города Владивостока».

«Популярная газета» А. Гатцука, столичные журналы «Всемирная иллюстрация», «Нива» и «Вокруг света» часто публиковали фотографии, показывающие жизнь на восточной окраине Российской империи. Местные фотографы в своей деятельности не ограничивались только коммерческими целями, они часто выезжали в села и поселки Приморья, делая фоторепортажи о местной жизни. Таким человеком был и А. П. Хлебников, начавший работать во Владивостоке в апреле 1889 г. Его фотоателье располагалось в магазине Кунста и Альберса на Светланской улице. Затем фотограф переехал в Никольск-Уссурийский, где его следы затерялись.

Фотограф В. Мацкевич приехал во Владивосток на пароходе Добровольного флота «Россия» в июле 1892 г. На Дальний Восток его манили приключения. Мацкевич запечатлел на фотопластинах лагерь, каторжан, занятых на строительстве Уссурийской железной дороги, охотников на островах Аскольд и Путятин. Он совершил увлекательное плавание в Императорскую гавань, где сфотографировал место гибели знаменитой «Паллады». Проведя на Дальнем Востоке летние месяцы, осенью он вернулся в родной Екатеринослав, но через три года, в октябре 1895-го, вновь приехал во Владивосток и открыл фотомастерскую в доме Соллогуба по улице Пушкинской.

Большой заказ управления Уссурийской железной дороги не заставил себя ждать, и фотограф с удовольствием занялся интересной работой по подготовке фотоальбома о начале Транссиба. Через год прекрасный альбом был выставлен в Обществе изучения Амурского края, а затем демонстрировался на выставке в Нижнем Новгороде. За него мастер был удостоен золотой медали. В. Мацкевич был лауреатом многих выставок. На обратной стороне своих работ мастер делал такую надпись: «Его императорского Величества удостоен высочайшей награды».

В советское время судьба В. Мацкевича сложилась очень трагично. Об этом однажды рассказал в своей интересной статье владивостокский краевед Алексей Буюков (Провинциальный фотограф: (О В. Мацкевиче) // Владивосток, 1994, 1 сент. С. 7).

Сегодня уникальные фотографии первого дальневосточного фотографа В. Ланина, снимки А. Хлебникова, фотоальбом В. Мацкевича и другие работы старых мастеров-фотохудожников хранятся в архиве Общества изучения Амурского края и рассказывают нам о жизни на Дальнем Востоке. Многие любители мечтают издать фотоальбом, посвященный первым дальневосточным фотографам, но невозможно найти издателя на это благое дело.

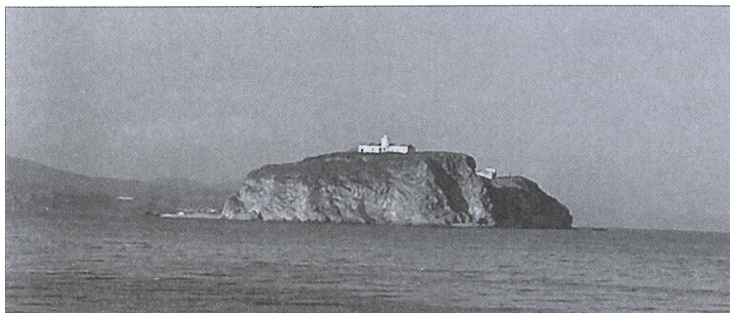
Глава 4.

ПАМЯТНИКИ, КОРАБЛИ, МУЗЕИ И ОБЩЕСТВА, ВЛАДИВОСТОКСКИЕ ДИАСПОРЫ

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА ВЛАДИВОСТОКА: МАЯК НА ОСТРОВЕ СКРЫПЛЕВА

В конце августа 1862 г. корвет «Новик» под командованием 35-летнего Константина Григорьевича Скрыплева бросил якорь в бухте Золотой Рог и уже через несколько дней приступил к гидрографическим работам у острова Русский и близлежащих островков, до того времени никем не описанных. Тогда-то и появилось имя Скрыплева на морской карте.

Маяк на острове Скрыплева является для мореплавателей визитной карточкой порта Владивосток, он зарегистрирован властями как исторический памятник. После того как было принято решение основать во Владивостоке главную базу военно-морского флота, а это произошло более ста лет назад, интенсивность движения судов по проливу Босфор Восточный увеличилось во много раз. Остров Скрыплева лежал как раз у них на пути, и многие командиры военных кораблей, капитаны и шкиперы коммерческих судов постоянно говорили о необходимости установить на

Маяк на острове Скрыплева

острове маяк. Военный инженер Татаринов даже предпринял такую попытку, но средств тогда не было выделено, и все, что смог сделать строитель, это срубить только одно строение без окон, полов и печей.

В 1876 г. на остров завезли строительные материалы, пришла сюда и команда из Сибирского экипажа, состоявшая из девяти рядовых и одного унтер-офицера. В помощь им на время строительства были направлены мастеровые, среди них один кочегар, работающий на паровом опреснителе. Дело в том, что в колоде, вырытом на острове, вода оказалась настолько соленой, что была непригодна для питья. Для размещения людей использовали старое строение. В дальнейшем оно было достроено и служило домом для смотрителя маяка.

К строительным работам приступили 5 июля 1876 г., и к концу года маячное здание и подсобные помещения были почти закончены. Дом смотрителя покрыли новым железом, пристроили к нему сени и кладовую. На самом берегу залива разместилась баня с помещением для хранения цистерны и бочек с пресной водой. Здание маяка имело в высоту 5 метров. Фонарь с шестнадцатью аргандовыми лампами и таким же количеством рефлекторов был установлен на специальном каменном фундаменте высотой два метра. Временно вместо зеркальных стекол на маяке установили колокол, который в туманные дни предупреждал своим звоном моряков об опасности. Огонь маяка был постоянный, белого цвета.

1 марта 1877 г. стал историческим днем для маяка: началось регулярное освещение на всю дальность математического горизонта, которая равнялась 14,5 миль.

Через два года гидрографический департамент Российской империи довел до сведения моряков, что на острове Скрыплева при маяке сверх имеющегося колокола установлено четвертьпудовое орудие — единорог, которое производит ответные выстрелы на запросы судов в туманную погоду. Орудие это установили не на южном мысу, где находился сам маяк, а на восточном, который больше вдается в море.

В 1948 г. маяк был капитально отремонтирован и модернизирован, и сейчас всех моряков, входящих в пролив Босфор Вос-

точный, встречает белая восьмиугольная каменная башня, на вершине которой установлено фонарное сооружение. После реконструкции свет маяка стал виден за 20 миль. Маяк оснащен и современными средствами оповещения моряков об опасности.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ФАМИЛИЯ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

Семья Романовых оставила свой след не только в истории России, но и Владивостока. Речь идет не только об известном факте, когда будущий император России Николай Александрович символически заложил в 1891 г. Транссибирскую магистраль, но и о великом князе Алексее Александровиче, четвертом сыне Александра II. Он родился 2 января 1850 г. Как водилось в те времена, в возрасте трех лет его зачислили в Гвардейский экипаж, а еще через три года назначили шефом 27-го флотского экипажа. Уже в 16 лет великий князь стал лейтенантом.

Справедливости ради надо заметить, что сановным особам приходилось отрабатывать свои эполеты. В мае 1867 г. молодой князь отправился из Кронштадта в длительный поход: на фрегате

Триумфальная арка (почтовая карточка)

«Александр Невский» он хотел обогнуть Африку. В плавании путешественника ждало приключение: однажды ночью фрегат разбился, и князь «с опасностью для жизни» перебрался на берег. Кораблекрушение не отбило у его высочества охоту к странствиям, и в 1871 г. он в должности старшего офицера фрегата «Светлана» совершил кругосветное путешествие в Северную Америку, а уже оттуда 5 декабря прибыл на внешний рейд порта Владивосток. Мощные льды в проливе Босфор Восточный не дали кораблю зайти в Золотой Рог, и «Светлане» пришлось вернуться в Нагасаки.

Ожидая, пока расчистится лед, великий князь несколько месяцев провел в море, совершая заходы в порты Китая. В начале мая 1873 г. русская эскадра в составе фрегата «Светлана», корветов «Витязь» и «Богатырь» бросила якорь в бухте Золотой Рог. Владивосток в тот год получил новый скачок в своем развитии: из Николаевска-на-Амуре сюда был переведен военноморской порт. Алексей Александрович со своими спутниками остановился в доме главного командира портов Восточного океана и в первый же день отправился осматривать город. «Отцы-командиры» уговорили сиятельного путешественника пойти на охоту в окрестности Владивостока, которые славились дичью. Трофеи охотников превзошли все ожидания.

Его высочество не пренебрег и государственными делами. Он пригласил «отцов города» и купечество к себе на обед. В той знаменательной беседе, которая вошла в анналы истории Владивостока, великий князь «призывал к самодеятельности» городских коммерсантов. Тогда же он предложил горожанам организовать местный музей, пообещав для него экспонаты из своего путешествия. Если к первому предложению владивостокуцы отнеслись с полным пониманием, то ко второму — с явной прохладцей. К идее создать во Владивостоке музей горожане вернутся через десять лет. Пока же, воодушевленные встречей с представителем императорской фамилии, решили переименовать гору Церковную в Алексеевскую, а улицу Американку — в Светланскую, по имени фрегата «Светлана». Вскоре на Алексеевской горе была построена пожарная каланча — будка пожарного смотрителя.

Маяк на мысе Басаргина (почтовая карточка)

11 мая 1873 г. великий князь Алексей Александрович выехал из Владивостока через Сибирь в Санкт-Петербург. Безоблачно продолжалась карьера князя: он совершил несколько плаваний на фрегате «Светлана», приходил и на далекую окраину импе-

рии, где 2 января 1876 г. стал шефом 1-го Восточного Сибирского линейного батальона. Участвуя в боевых действиях на Дунае, контр-адмирал Алексей Александрович получил в 1877 г. орден Св. Георгия и золотое оружие. В 1881 г. он был назначен главным начальником флота и Морского министерства, а еще через семь лет стал полным адмиралом.

Большая энциклопедия того времени сообщала: «За время управления Его Высочества морским ведомством и флотом сделано много преобразований как в строевом отношении, так и в административном, введен морской ценз для офицеров флотских корпусов, положение о вознаграждении за долговременное командование судами 1 и 2 ранга и многие льготы механикам и судостроителям. Образованы дивизии и увеличено число экипажей, построена масса судов броненосного флота и крейсерского, устроены порты Севастопольский, Александра III, Порт-Артур, доки в Кронштадте, Владивостоке, увеличено число эллингов для строящихся судов».

Любопытно, что владивостокцы все же вернулись к идее, высказанной великим князем, и избрали его в 1887 г. покровителем первой научной организации на Дальнем Востоке — Общества изучения Амурского края. Алексей Александрович внимательно следил за успехами подопечного общества, помогая где советом, а где и деньгами. До сих пор в Обществе хранится печать с императорской символикой — двуглавым орлом. Благодаря этому Общество имело право бесплатно отправлять свою почту во все концы России. Другой интересный факт: хребет в центре Владивостока, состоящий из гор Алексеевской, Орлиного Гнезда, Бориславского, Буссе, Комарова и Попова, даже в пылу революционных переименований сохранил свое название Великого князя Алексея Александровича.

Большой вклад в деятельность Общества изучения Амурского края внес и другой представитель царской семьи — великий князь Александр Михайлович Романов (родился 1 июня 1866 г. в Тифлисе). Он был мужем великой княгини Ксении Александровны, дочери императора Александра III. В 1887 г. он был избран почетным членом ОИАК, а 8 июня 1888 г. сам

посетил Владивосток на корвете «Рында». В то время замышлялось строительство музея ОИАК, и великий князь пожертвовал для этого 1000 руб., а вскоре участвовал в закладке здания музея (30 июня 1888 г.). В течение 25 лет он был покровителем ОИАК, помогал и Обществу любителей охоты. Он способствовал учреждению в России военно-авиационной школы на р. Кача в Крыму. В 1916 г. его назначили генерал-инспектором Российского военно-воздушного флота. Все годы эмиграции он провел во Франции, был почетным председателем Союза русских военных летчиков, Парижской кают-компания и Объединения чинов Гвардейского экипажа. Он скончался 26 февраля 1933 г. в Ницце, похоронен на кладбище Ронбрюн под Ментоной, на юге Франции.

Несмотря на сырую и холодную погоду, 11 мая 1891 г. множество владивостокцев толпилось на Адмиральской набережной, а самые нетерпеливые забрались даже на Крестовую сопку, чтобы лучше видеть заход фрегата в бухту Золотой Рог. Сейчас нам трудно понять те верноподданнейшие настроения, присущие тогда русскому народу, но не будем торопиться и порицать наших предков — это был их образ жизни и мышления, вошедший в плоть и кровь. Владивосток, без сомнения, с благоговением ждал приезда цесаревича. Город был умыт, вычищен, разукрашен транспарантами, флагами и гирляндами цветов, а неказистые слободки успешно скрыла свежая майская зелень.

В честь прибытия Николая II Владивостокская городская дума постановила построить Триумфальную арку или ворота, которые и были торжественно открыты 11 мая и названы Николаевскими. «...о том гласят инициалы в лавровых венках и надписи, сделанные славянской вязью на каждой стороне ворот, — писал «Сибирский путеводитель» 1896 г. — Несмотря на то, что ворота выдержаны в строгом византийско-русском стиле и построены из камня и кирпича, они прежде всего поражают своей легкостью и воздушностью. Видимо, рука строителя искусно распорядилась с такой массой мертвого материала и сумела придать ему ту красоту и пропорциональность, под которыми невольно теряется массивность и выглядит изящество, стройность.

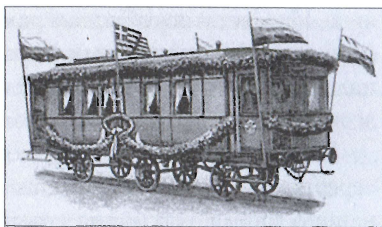

Сами по себе ворота представляют четыре отдельных каменных основания, на которых покоятся серовато-желтые стены, напояющие своими гранями стены Грановитой палаты; вместе с колоннами-пилястрами эти стены образуют четыре широких и высоких пролета, над которыми лежит широкий карниз с 4-мя большими и 8-ю малыми византийскими стрельчатыми полуарками, а над ними уже высится светло-голубая, шахматная с синими гребнями крыша, представляющая собой осьмигранную пирамиду, на вершине которой водружен русский двуглавый золоченый орел. В большой полуарке, обращенной к рейду, помещен образ Св. Николая-чудотворца мирликийского; над образом выведены белой, с красным оттенением, вязью первые слова из тропаря тому же угоднику: “правило веры и образ кротости воздержание учителю”, а внизу, т. е. под образом, красными значками дата — 11 мая 1891 — день прибытия его величества во Владивосток. В остальных трех полуарках помещаются гербы и различные даты, так, в правой вылеплен герб Приморской области и дата “2 ноября 1860” — время основания Владивостокского поста; в левой — герб крепости и дата “30 августа 1889” — день, когда город был переименован в крепость, и, наконец, в задней полуарке, обращенной к городу — герб Владивостока и дата “28 апреля 1880” — день объявления поста городом. За исключением крыши, триумфальные ворота окрашены в бледный серовато-желтый цвет и богато украшены древнерусскими цветными орнаментами, где резкие и противоположные колера, начиная от ярко-красного до темно-синего и от травяно-зеленого до оранжевого и голубого включительно, гармонично подобраны друг к другу и нисколько не режут глаз, а напротив, производят на зрителя самое мягкое и ласкающее впечатление».

Сейчас можно спорить о культурной и художественной ценности этой арки, построенной городским архитектором капитаном Коноваловым, но в течение почти трех десятилетий она считалась достопримечательностью Владивостока. В первые годы советской власти Триумфальная арка была снесена, улица Петра Великого, на которой она стояла, переименована в ули-

цу Первого Мая, а пристань Адмиральская — в Комсомольскую. Тем самым всякая память о визите цесаревича Николая во Владивосток была уничтожена, но тогда, в 1891 г., его приезду придавали очень большое значение. Редакционная статья газеты «Владивосток», написанная в тот день, сообщает: «Ре-

Вагон Уссурийской железной дороги, на котором цесаревич Николай прибыл из Уссурийска во Владивосток

формы, которыми пользовалась Россия, как-то обходили Сибирь, и она прозябала при традиционных порядках и старых судах, при которых здесь были возможны и даже приобретали характер легальности доносы, фискальства, неограниченный произвол, самовольное истолкование самих законов, так что торжество правды и справедливости, да еще при изолированности и отдаленности страны, считалось почти необычным явлением... Вся Сибирь и первый Владивосток приветствуют своего монарха, который увидит сам ее нужды, поведает державному отцу своему настоящее положение края, ожидающего много для того, чтобы начать новую, радостную жизнь с европейской Россией, со своей матерью».

С любопытством смотрел цесаревич Николай на приближающийся Владивосток. Живописными сопками и необыкновенно красивыми скалами он мало напоминал российские равнинные местности. Подошедший флаг-капитан контр-адмирал В. Г. Басаргин показал рукой на полуостров и скалистый мыс, объяснив, что они были названы в честь капитана в 1862 г., когда он командовал корветом «Новик». Мыс тут же был зарисован художником, сопровождавшим наследника.

И вот с фортов крепости прозвучал трехкратный пушечный залп и раздалось такое громогласное «ура!», что с окрестных сопкок поднялось все воронье. Фрегат бросил якорь у Адмиральской пристани. Но Николай II сошел на берег лишь на следующий день, 12 мая 1891 г. Центром встречи стала триумфальная

арка. На Светланской шпалерами встали войска, на ряях кораблей на рейде выстроились матросы. Раздались залпы пушек, над городом полился нескончаемый звон церковных колоколов, возвещая сход высокого гостя на владивостокскую землю.

Городской голова И. И. Маковский, передавая цесаревичу на серебряном блюде хлеб-соль, сказал: «Простите неустроенность нашего города! Город еще новый, только что строится, много в нем недостает. Но население богато твердою верою во всемогущего Бога, безграничною любовью и непоколебимой преданностью своему монарху и его августейшему дому, богато именно тем, что издревле составляет оплот величия и могущества нашей родины».

«Вечером город был роскошно иллюминирован,— писал очевидец, — и представлял с моря чрезвычайно эффектное зрелище, которому в значительной мере способствовало расположение его террасами вниз по склонам гор. По бухте двигались иллюминированные катера и шлюпки, и осветилась электрическими огнями вся эскадра, представляя собой поразительно блестящую картину на темном фоне неба и окружающих бухту гор. В продолжение одиннадцати дней, которые пробыл наследник цесаревич во Владивостоке, город был парадно разукрашен, каждый вечер зажигалась иллюминация, отличавшаяся постоянным разнообразием декораций».

17 мая 1891 г. в 10 часов утра цесаревич принял участие в закладке памятника адмиралу Г. И. Невельскому. В основание монумента Николай положил закладную пластинку, после чего начались работы по установке фундамента. Те из присутствующих, кто знал старого адмирала, не могли сдержать слез. Место для памятника было выбрано очень удачно — на возвышении, на берегу бухты Золотой Рог, почти напротив того самого места, где нашел свой последний причал транспорт «Байкал», на котором Невельской исследовал устье Амура. В тот же день состоялся парад войск.

Другой не менее важной церемонией, в которой участвовал наследник, была закладка сухого дока. От первой портовой улицы до берега бухты была проложена дорога, украшенная цветами и

флагами, которая вела к возведенному для торжества павильону. 18 мая ровно в десять часов цесаревич со своей свитой подъехал к месту закладки дока. После небольшого молебна было зачитано сообщение из Петербурга о том, что новый док назван в честь цесаревича. Главный инженер и строитель дока В. Иванов очень переживал за свое детище. Согласно проекту, док представлял собой огромное по тем временам сооружение. Предположительно его длина по кильблокам составляла 500 футов, у ворот 85 футов и глубина на пороге — 28 с половиной фута. Ничуть не меньшего объема были трудности по его строительству. Право на постройку дока было отдано с торгов еще в октябре минувшего года, когда сезонные рабочие из Владивостока уже разъехались. Но, несмотря на мерзлый грунт, ко времени закладки было вручную открыто более 5000 кубов земли.

Николай заложил закладную доску в специально приготовленное место, при этом раздался торжественный салют. «Отныне, — как писала местная газета, — мы не будем уже обращаться к дорогим услугам иностранцев для починки наших судов, и платимые им сотни тысяч рублей останутся у нас». 7 октября 1897 г. сухой док был открыт и в него ввели крейсер 1-го ранга «Дмитрий Донской».

Основной целью путешествия цесаревича Николая на Дальний Восток была закладка Транссиба. В высочайшем рескрипте на имя наследника было написано: «Повелев ныне приступить к постройке сплошной, через всю Сибирь, железной дороги, имеющей соединить обильные дары природы сибирских областей с сетью внутренних рельсовых сообщений, я поручаю Вам объявить таковую волю мою по вступлении вновь на русскую землю...»

19 мая 1891 г. стало днем рождения Транссибирской магистрали. В двух верстах от города было приготовлено на насыпи место закладки. Цесаревич, взяв в руки лопату, загрузил тачку землей и провез с десяток-другой метров на место будущей магистрали. Сколько же таких тачек предстояло перевезти рабочим, чтобы соединить Владивосток с Москвой? Надо отметить, что от Владивостока дорогу в основном строили каторжане, и в период пребывания наследника в Приморье была объявлена ча-

стичная амнистия: «Ссылно-каторжным, которые добрым поведением и прилежанием к труду окажутся достойными снисхождения, уменьшить назначенные судом сроки каторги до двух третей, бессрочную же каторгу заменить срочной на двадцать лет...»

По окончании торжественной церемонии Николай со свитой сел на поезд и вернулся во Владивосток уже по готовому пути. «Так как поезд наш шел по свежей насыпи медленно, из предосторожности, — писал репортер, — то большинство собравшегося вдоль полотна народа, особенно рабочих команд и рабочих ссылнокаторжных, недавно осчастливленных царскими милостями, успевали бежать за поездом...»

Уже во Владивостоке состоялась другая церемония — закладка здания железнодорожной станции. На серебряной доске, которая легла в фундамент рядом с первым камнем, было написано: «Во имя отца и сына и святого духа. В лето от Рождества Христова 1891, месяца мая 19-го, в благополучное царствование его императорского величества государя императора самодержавца всероссийского Александра III, в городе Владивостоке заложен сей первый камень строящегося конечного участка Сибирской железной дороги (Уссурийская дорога)...» 1 февраля 1896 г. южно-уссурийский участок Сибирской железной дороги был сдан в эксплуатацию.

За время пребывания наследника в наших местах ему старались показать окрестности Владивостока, он попробовал пищу в казармах Сибирского флотского экипажа, осмотрел выставку искуснейших работ сахалинских каторжан, побывал в Обществе изучения Амурского края и передал на его развитие тысячу рублей, а также инструменты, которыми производил закладку. К сожалению, в советское время их пустили в переплав. И, конечно же, гостеприимные владивостокцы в эти дни устраивали многочисленные рауты и обеды с неизменным шампанским. Хотя цесаревич Николай и не злоупотреблял алкоголем, в последний вечер он допоздна засиделся с офицерами фрегата «Память Азова». Проведя с ними бок о бок семь месяцев, он сблизился с такими же, как он, молодыми людьми. Хотя груз на-

следной ответственности нечасто позволяя ему быть на равных с окружающими, в тот вечер Николай был искренним и задушевным. Он говорил: «Познакомившись со всеми случайностями в море и внутренней корабельной жизнью, я признаю трудности службы...»

Когда склянки отбили полночь, офицеры вместо гребцов отвезли будущего императора России на берег, а там на рукахнесли в дом губернатора. 21 мая 1891 г. цесаревич Николай покинул Владивосток.

Все подробности этого путешествия описаны князем Э. Э. Ухтомским, позднее выпустившим в свет несколько увесистых томов на прекрасной веленовой бумаге с тончайшими гравюрами.

В 1927 г. Триумфальную арку взорвали, руины разобрали. В 2003 г. ее восстановили при деятельном участии выпускников и преподавателей Дальневосточного государственного технического университета (ДВГТУ). При ее восстановлении использовались сохранившиеся в архивах чертежи и старые открытки.

ПАМЯТНИК АДМИРАЛУ Г. И. НЕВЕЛЬСКОМУ

Светланская ул. Сквер «Жертв революции»

Геннадий Иванович Невельской (1813—1876) окончил Морской кадетский корпус и офицерские классы. В 1848—1849 гг., командуя транспортом «Байкал», прошел из Кронштадта до Петропавловска-Камчатского, произвел исследование и составил описание северной части о. Сахалин, Сахалинского залива, устья р. Амур, доказал, что Сахалин — остров, а не полуостров, установил доступность Амура для морских судов. Им были основаны порты Николаевска-на-Амуре и Советской Гавани. Кроме Владивостока памятники Невельскому установлены в Николаевске-на-Амуре, Хабаровске, Солигаличе.

Как уже отмечалось, 17 мая 1891 г. цесаревич Николай заложил фундамент памятника Г. И. Невельскому. Деньги на его строительство собирались по всей России. Памятник Невельскому со-

Памятник адмиралу Г.И. Невельскому

оружался по проекту инженер-механика флота А. Н. Антипова, а бюст адмирала, шар, двуглавый орел и три доски с изображением кормовой части транспорта «Байкал» и перечислением участников Амурской экспедиции выполнены скульптором Робертом Бахом. Самыми известными работами Р. Баха являются памятники: Пушкину-лицеисту в Царском Селе, композитору М. И. Глинке в Санкт-Петербурге; портретная галерея деятелей русской культуры: И. Тургенева, Н. Гоголя, Ф. Достоевского,

А. Толстого, П. Чайковского, И. Крылова. Кстати, в их честь названы улицы Владивостока, а в 2001 г. одна из новых улиц в районе Черной Речки названа именем скульптора Роберта Баха.

26 октября 1897 г. другому будущему известному адмиралу А. В. Колчаку довелось участвовать в открытии памятника адмиралу Г. И. Невельскому. Нетрудно представить, какие мысли одолевали офицера в эти минуты: превыше всего он ценил долг перед отечеством. Незадолго до этого он изложил в письме к отцу свои размышления по поводу офицерского долга. Они были навеяны встречей с американским офицером Филом Мак-Гиффином, проявившим беспримерную храбрость в Китайско-японской войне. Это письмо было опубликовано в конце ноября 1897 г. в газете «Владивосток»: «Мак-Гиффин дает нам пример, как должен вести себя каждый офицер в бою, несмотря на все ужасы современной техники разрушения, оставаясь непоколебимым и твердым, как те орудия, из которых он стрелял. Он дает всякому морскому офицеру идеал человека, как части того сложного механизма из стали, называемого боевым судном, человека, который в бою явится только разумным прибором, с теми же качествами, какие имеются у всякого точно выверенного дальномера или боевого циферблата, недоступного ни чувству страха, ни самосохранения, способного рассуждать под громом стали и чугуна. Его имя, я повторяю, не будет известным, но не мешало бы многим офицерам прочесть эту маленькую историю о человеке, который, можно сказать, один из всех известных деятелей последних морских боев осуществил идеал военного моряка. Подобно всякому судовому механизму, каждый офицер должен считать себя назначенным для боя, как конечной цели своего существования, и Мак-Гиффин, кажется, дает пример, достойный подражания. Много ли есть людей, которые бы походили на этот суровый идеал современной войны, где нет места ни одушевлению, ни увлечению, и где требуется лишь огромная нервная выносливость и самообладание, позволяющее думать в такой обстановке, когда обыкновенно голова работать не способна». Этому идеалу он следовал своей трагической смерти.

Памятник Г. И. Невельскому во Владивостоке дважды лишился двуглавого орла. Первый раз в 1918 г. 4 апреля 1923 г. в сквер памятника Невельскому перенесли прах активных участников борьбы за власть Советов на Дальнем Востоке К. Суханова, Д. Мельникова, Р. Цейтлина, А. Евдокимова, позже к ним присоединили и других, а над памятником Г. И. Невельскому водрузили звезду.

Скульптура двуглавого орла была заново выполнена при реставрации памятника уже в 1961 г. скульптором В. Г. Гриневой. Тогда бюст Г. И. Невельского и плиты в основании памятника были уже изготовлены не в бронзе, как это было первоначально.

СНЕСЕННЫЙ ПАМЯТНИК

Кумирами известного гидрографа М. Е. Жданко были два адмирала: Г. И. Невельской и В. С. Завойко. 18 мая 1908 г., когда во Владивостоке торжественно отмечали 50-летие заключения Айгунского договора, на юбилейном заседании Общества изучения Амурского края гидрограф предложил весь сбор от продажи брошюры с материалами этого заседания отдать в фонд установки памятника адмиралу Невельскому в Николаевскена-Амуре. Одновременно Жданко участвовал и в сборе средств на памятник адмиралу Завойко во Владивостоке, а при открытии памятника выступил с речью:

— Мы только что возлагали венки на памятнике первого, незабвенного Геннадия Ивановича, и пришли оттуда сюда, чтобы присутствовать при открытии памятника второму и возложить на него венок, дань уважения и признательности. Прими же от нас, Василий Степанович, этот памятник, сооруженный на пожертвования со всех концов нашей родины, как скромную дань беспредельного уважения к тебе всей России, а эти живые цветы пусть скажут тебе о всегда живой любви и благодарности морской семьи, которой ты своими деяниями подарил одну из самых славных страниц истории русского флота».

Автор статуи адмирала Василия Ивановича Завойко скульптор И. Я. Гинцбург — создатель многих памятников, среди

Памятник адмиралу В.С. Завойко

которых надгробие В. В. Стасову в С. -Петербурге, памятник Н. В. Гоголю в селе Сорочинцы (Украина), памятник Д. И. Менделееву в Санкт-Петербурге. Постамент памятника сооружен по проекту Н. А. Микулина.

В 1945 г. на этом постаменте по проекту скульптора Л. М. Писаревского был установлен отлитый в чугуне памятник герою Гражданской войны на Дальнем Востоке Сергею Лазо. Бронзовая фигура адмирала В. С. Завойко исчезла. Ходили слухи, что ее отправили на переплавку.

ПАМЯТНИК «КРЕЙСЕРКУ»

В сквере Матросского клуба находится памятник шхуне «Крейсерок» — огромный валун с небольшим якорьком. Это один из первых владивостокских памятников, который был поставлен в память о событии, которое произошло более ста лет тому назад. В конце мая 1889 г. охранная шхуна «Крейсерок» вышла, как обычно, из Владивостока на боевое дежурство, а к середине июня уже была на подходе к Тюленьему острову. Издали он предстал перед моряками точно таким же, каким был

оставлен в минувшем году, и, только подойдя вплотную к берегу, они увидели страшную картину браконьерства. На прибрежных камнях валялось около трехсот тушек котиков, из которых большая часть была не успевшими принести потомство самками. Все лето провел «Крейсерок» у острова, но браконьеры чувствовали опасность и не появлялись.

К началу ноября шхуну ожидали во Владивостоке, но в назначенный срок она не пришла. Неделя прошла в ожиданиях и беспокойствах, и тогда было решено отправить на поиски шхуны пароход Добровольного флота «Владивосток». Ранним утром 15 ноября 1889 г. пароход снялся с якоря и пошел вдоль приморского побережья в полутора-двух милях от берега. Время от времени он освещался красными огнями фальшфейеров и оглашался свистками, но шхуна не давала о себе знать. Не было видно и никаких следов крушения. Через три дня «Владивосток» зашел в залив Анива. Как только судно бросило якорь, на борт поднялся начальник местной каторжной тюрьмы майор Шелькинг, который смог пролить некоторый свет на исчезновение «Крейсерка».

Перед самым окончанием охранного дежурства «Крейсерок» все же сумел арестовать за браконьерство уже знакомую морякам шхуну «Розу», которая к тому времени сменила английский флаг на американский. Шкипер и пять матросов были взяты на борт «Крейсерка», а на арестованную шхуну, где оставалось еще пять человек экипажа, высадилась призовая команда во главе с лейтенантом Андреем Павловичем Налимовым. Вечером того же дня обе шхуны снялись с якоря. Вскоре на «Розе» из-за сгустившегося тумана потеряли из вида ходовые огни «Крейсерка», и это оказалось губительным для шхуны. Ночью все почувствовали удары о надводные камни, а затем «Розу» и вовсе выкинуло на берег. Спасти удалось одному лишь кондуктору Корсунцеву, который и поведал о случившемся. На месте кораблекрушения были обнаружены остатки шхуны, два вельбота и труп Налимова, который был похоронен здесь же, на мысе Терпения. Куда же девался «Крейсерок», никто ничего сказать не мог.

Пока строились планы, где и как лучше разворачивать поиски шхуны, через русскую миссию в Японии дошел слух, что в маленьком местечке Васякунаи, что на северо-западном берегу острова Хоккайдо, погибло какое-то русское судно. Туда была отправлена специальная экспедиция в составе лейтенанта Бухарина и доктора Бунге. Погода в ту зиму не баловала. Сильный снегопад с ураганным ветром отрезал многие населенные пункты. С большим трудом путники добрались до места гибели шхуны. В груде обломков, валявшихся на берегу, Бухарин увидел доску с надписью «Крейсерок» и труп одного моряка, на руке которого была татуировка — «Иванов». Японцы считали, что «Крейсерок» погиб из-за обледенения. Русские же моряки, зная всю предысторию шхуны, не исключали возможность заговора браконьеров, находившихся в то время на ее борту.

Ровно через год командир Владивостокского порта издал приказ о сооружении в саду Морского собрания памятника русским морякам. 28 октября 1897 г. он был торжественно открыт и по внешнему виду был точной копией памятника клиперу «Опричник» в Кронштадте: адмиралтейский якорь, «обнимающий» своими лапами огромный валун, бронзовый приспущенный Андреевский флаг и четыре орудия, соединенные цепями.

Почему же сейчас мы видим у Матросского клуба совсем другой памятник, спросите вы. Ответ прост. В беспмятные времена якорь, флаг и орудия были отправлены на переплавку, а на валун поставили маленький бюстик Ленина. Лишь недавно Ильича заменили на якорек Холла, на котором ясно виднеется «знак качества».

КАК СПАСАЛИ «ПОГИБАЮЩИХ НА ВОДАХ» ВЕК НАЗАД

На 2006 г. выпала юбилейная дата: 130 лет пройдет с тех пор, как летом 1876 г. было основано Владивостокское окружное правление спасания погибающих на водах. В новом Обществе заседали почти одни моряки. Первым председателем правления

был избран военный губернатор Приморской области контр-адмирал Густав Федорович Эрдман. После его отъезда Общество возглавил командир Владивостокского порта контр-адмирал А. Ф. Фельдгаузен. Первыми членами комитета были уважаемые владивостокцы: капитан-лейтенант В. А. Терентьев, вскоре занявший пост заведующего Владивостокской конторой Добровольного флота, затем капитан 1-го ранга В. М. Лавров. Не обошлось в комитете правления спасания погибающих на водах и без сильных мира сего, они были представлены городским головой Владивостока купцом 1-й гильдии М. К. Федоровым и миллионером О. В. Линдгольмом. А всеми делами заправлял многоопытный казначей и секретарь М. А. Клыков, известный гидрограф, составивший первую лоцию залива Петра Великого.

Прежде всего, новой организации пришлось заняться сбором средств на дальнейшую деятельность. Кое-какие деньги давала плата за членство в Обществе, но этого было явно недостаточно, и тогда начался поиск благотворителей. Флотские командиры занялись рассылкой подписных листов на корабли Тихоокеанской эскадры, а в приморских церквях появились так называемые «сборные кружки» для добровольных пожертвований прихожан — на это было получено специальное разрешение от церковных властей.

У Владивостокского общества спасания погибающих на водах были свои представители и в Николаевске-на-Амуре — капитан-лейтенант К. А. Велькман, а также в Благовещенске и Чите — купец 1-й гильдии М. О. Макеевский. Кстати, за внесение больших сумм в общественную копилку или же за проявления героизма при спасении людей на воде Общество ввело специальную награду — знак для ношения на шее. Ради дополнительных доходов Общество занималось и ростовщичеством, отдавая деньги под проценты в долг. Продажа спасательных кругов и нагрудников, которые присылались из Санкт-Петербурга главным правлением, тоже приносила прибыль. Но вся она шла на организацию спасательных работ и пропаганду безопасного нахождения на воде. Важным средством пропаганды члены Общества считали издание и рассыл-

ку брошюр о мерах предосторожности при купании, катании на лодках, ловле рыбы и т. д.

В 1881 г. были установлены спасательные станции в заливе Петра Великого и на Нижнем Амуре. За год до этого на пароходах «Москва» и «Петербург» появились два спасательных вельбота. Управляющий Морским министерством С. С. Лесовский дал указание выделить для службы на них гребцов из флотского экипажа.

Настоящим героем в деле спасения людей на воде стал смотритель Суйфунского маяка Федор Евстафьевич Чеберяк, на счету которого оказалось 300 спасенных человек. Место его службы пришлось на самое «доходное» место — залив Угловой. Очень часто здесь жители Владивостока переходили по льду на полуостров Де-Фриза, нередко ценой жизни проверяя крепость льда. Ф. Е. Чеберяк был награжден золотой медалью «За спасение погибающих», а местечко это на полуострове Де-Фриза до сих пор носит название мыс Утонувших.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ОДНОГО ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОГО ОБЩЕСТВА

Ул. Петра Великого, № 4 и № 6

Во Владивостоке было немало общественных организаций, среди которых выделялось Общество изучения Амурского края (ОИАК), первая научно-общественная организация Дальнего Востока. 11 декабря 1883 г. флотский механик Александр Михайлович Устинов опубликовал в газете «Владивосток» свою статью с предложением учредить в городе музей. Идея не осталась незамеченной, и уже на следующий день в квартире прокурора И. А. Бушуева собралось несколько местных интеллигентов, чтобы обсудить предложение и обдумать пути его реализации. В число организаторов музея, помимо И. А. Бушуева и Ф. Ф. Буссе, вошли А. М. Устинов, В. П. Маргаритов, В. Н. Павлов, В. В. Максимов, К. М. Токаревский, Ф. И. Гомзяков, Я. Я. Мультиановский, И. И. Манцевич, М. Г. Роттергольм и Н. В. Соколуб. Позднее по инициативе генерал-губернатора Приамурского

*Здание Общества изучения
Амурского края*

края С. М. Духовского их имена были выгравированы на металлической доске, изготовленной в Санкт-Петербурге и помещенной на стену музея в память о его основателях, но в первые годы советской власти эта памятная доска была отправлена на металлолом.

Споров вокруг будущего музея было много. Одни пред-

лагали, как это было и в других сибирских городах, ограничиться открытием краеведческого музея, другие же, и их было большинство, настаивали на основании не просто музея, а научно-просветительского общества с широким кругом деятельности, которое могло бы осуществлять комплексные экспедиции по исследованию насущных для Дальнего Востока вопросов. Они доказывали: «...один музей не может достаточно ясно характеризовать край, потому что, кроме коллекций, образцов местной природы и производства, для ознакомления с ним необходимы и такие сведения, как статистика, метеорологические наблюдения, описания быта населения и много других; к тому же и самый музей требует постоянных попечений лиц, преданных делу, на обязанности которых лежала бы забота не только охранения, но и определения коллекций посредством сношения с другими учреждениями и лицами».

3 января 1884 г. в помещении Владивостокской прогимназии состоялось учредительное собрание. Уже после первых выступлений разгорелся спор о названии будущего Общества. Одни предлагали учредить Амурский отдел Императорского Русского географического общества. Но многие возражали: «Сумеем ли мы удовлетворить требованиям такого авторитетного общества, как географическое?» Голосование окончательно подвело итог дискуссиям, было решено учредить во Владивостоке Общество изучения Амурского края. О его задачах говорила первая статья Устава: «Общество имеет целью все-

стороннее изучение р. Амура, русского побережья Восточно-го океана и сопредельных местностей и ознакомление с ним посредством собрания коллекций и разных сведений по всем отраслям естествознания, географии, этнографии и археологии и научной разработки собранных материалов, равно посредством составления библиотеки из сочинения об указанном крае, не ограничиваясь какой-либо специальностью». Как бы ни выглядели самоуверенно учредители нового Общества, замахиваясь на всестороннее изучение необъятного Дальневосточного края, в дальнейшем жизнь показала, что они блестяще справились с этой задачей, хотя профессиональных ученых среди них не было.

18 марта 1884 г. Устав был окончательно утвержден на общем собрании, а в начале апреля за подписью 45 учредителей он был представлен на утверждение военному губернатору Владивостока. Через месяц, 18 апреля, контр-адмирал А. Ф. Фельдгаузен красивым росчерком пера утвердил устав, сделав этот день датой рождения Общества изучения Амурского края, а 24 апреля собрали общее собрание. В тот же день был избран распорядительный комитет, председателем которого стал Ф. Ф. Буссе, секретарем И. А. Бушуев, а членами — князь Л. А. Кропоткин, И. И. Манцевич, В. П. Маргаритов, Л. Ф. Гриневецкий, А. М. Устинов и известный предприниматель М. Г. Шевелев. В. П. Маргаритов стал и первым директором музея, библиотеки и архива, а А. М. Устинов — казначеем Общества. За неимением собственного помещения первое научное учреждение Дальнего Востока разместилось в здании прогимназии, где ему была выделена комната. Тем самым было положено начало разнообразнейшим по широте и исключительно важным по значению научным исследованиям и практическим разработкам в Приморском крае.

Распорядительный комитет решил как можно шире оповещать жителей края о своих делах, пользуясь предложением редактора газеты «Владивосток» Соллогуба на ее страницах рассказывать обо всем, что происходит в новом обществе. Сразу же были отправлены информационные письма во многие научные

и общественные организации. Можно только удивиться тому, как быстро члены комитета смогли оформить организационные дела — ведь все они помимо общественной работы занимали ответственные посты.

Девизом всех членов Общества — а среди них было немало крупных предпринимателей, известных исследователей, — был бескорыстный труд. В 1884 г. землевладелец М. И. Янковский подарил музею собранную им коллекцию бабочек и других насекомых. Известный предприниматель Бринер отправил учителя прогимназии и директора музея В. П. Маргаритова на свои деньги в первую археологическую экспедицию. Подполковник Надаров прочитал в Обществе пять лекций о своих исследованиях Приморья и об экономическом развитии края. Генерал-губернатор Восточной Сибири Д. Г. Анучин не остался в стороне от интересного начинания и отправил Обществу изучения Амурского края 500 рублей, а на полки библиотеки встали «Сборники официальных документов по управлению Восточной Сибирью». Первым научным обществом, которое начало обмен с владивостокскими энтузиастами, стало Московское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии.

Исходя из своего большого опыта, Буссе считал, что Обществу не обойтись без издания собственных трудов. В первый же год были изданы на средства автора работы И. П. Надарова, а также отчет ОИАК за 1884 г. Вскоре из Петербурга прибыл литографический станок, который установили прямо на квартире Буссе. Теперь Общество получило возможность быстро печатать результаты исследований и другие материалы.

В первый же год существования Общества начались и научные поездки. Летом 1884 г. учитель В. П. Маргаритов, раскапывая так называемые «кухонные остатки» на полуострове Янковского, близ устья р. Сидеми, сделал сенсационное открытие, которое вошло позднее во все научные труды по археологии. А деньги на публикацию результатов экспедиции Маргаритова дал Ю. И. Бринер. Известный коммерсант имел в том месте загородный дом, и сам давно заинтересовался ракушками, в изоляции разбросанными по полуострову.

Вскоре в Обществе стали накапливаться научные коллекции, пополнялась библиотека. Ее первые 63 книги были получены в дар от членов нового Общества, и в дальнейшем эта добрая традиция сохранилась. Тоненький ручеек познания края стал постепенно расширяться и в 1885 г. уже не мог остаться незамеченным большинством образованных горожан. Члены ОИАК считали своей задачей не только совершать экспедиции, но и делать доклады о проведенных исследованиях перед широкой публикой. Всего за год было прочитано четыре основных доклада. 4 апреля 1885 г., например, В. П. Маргаритов доложил о результатах работ на полуострове Янковского. 20 ноября первый гражданский житель купец Я. А. Семенов прочел интересный доклад о промысле морской капусты на острове Сахалин. Большим энтузиастом Общества изучения Амурского края стал подполковник Генерального штаба Иван Павлович Надаров. По своим научным интересам он очень походил на Н. М. Пржевальского. Как и его знаменитый коллега, он попутно с военными делами интересовался жизнью коренных народностей. Этой теме офицер посвятил несколько интересных докладов, в том числе о производстве китайской водки ханшин и об инородческом населении Приморья.

Все эти доклады были с восторгом приняты слушателями, причем сообщение Семенова сразу же было отпечатано в виде небольшой брошюры, а к докладу Маргаритова были выгравированы карты. Сообщения Надарова также были отправлены в типографию газеты «Владивосток». Кстати, редактор газеты Соллогуб не взял за их издание ни копейки, а только попросил оплатить расходные материалы.

Музей, которым продолжал заведовать В. П. Маргаритов, постепенно пополнялся экспонатами, и вскоре витрина и комод, выполненные на заказ, перестали вмещать все коллекции. Не выручили и два дополнительно изготовленных переносных шкафа. В одном из них находились инородческие костюмы, в другом — археологические коллекции. Поэтому крупные экспонаты пришлось повесить к потолку и разместить по стенам на такой высоте, чтобы до них не могли дотянуться любопытные ученики прегимназии.

Размещение коллекций было самым болезненным вопросом для Маргаритова. «Обращаясь к существу музея, — отмечалось в отчете Общества, — то есть к его коллекциям, распорядительный комитет счастлив возможностью указать на весьма богатое приращение. Предметы приносились в дар как отдельными экземплярами иногда простыми людьми, так и подобранными коллекциями». А люди несли и несли в дар бесценные экспонаты. Во время плавания в Беринговом море шкипер шхуны «Сибирь» Фридольф Гек в свободное время собрал прекрасную коллекцию бытовых предметов чукчей, коряков и эскимосов. Всего он передал музею 224 экземпляра. И. П. Надаров во время рекогносцировочных путешествий по реке Уссури собрал 88 предметов обихода орочей. Хорошую коллекцию морских губок и предметов культа айнов привез с Сахалина купец Я. А. Семенов. Моряки клипера «Крейсер» привезли из плавания зоологическую коллекцию, а офицеры клипера «Джигит» передали 5 предметов из быта орочей. Михайловский и Буссе произвели раскопки уникального кургана в Никольск-Уссурийском, и их археологическая коллекция тоже легла на полку музея. Маргаритову приходилось все свое свободное время проводить в музее, чистя коллекции, вываривая черепа животных и заспиртовывая экспонаты.

Продолжала пополняться и библиотека Общества. Регулярно приходили посылки из Санкт-Петербурга, Москвы, Новороссийска, Иркутска и других городов, в которых, прослышав об учреждении нового общества на берегах Тихого океана, сразу же захотели осуществлять научный обмен. Общество изучения Амурского края не оставалось в долгу. В Санкт-Петербургский университет был отправлен гербарий морской флоры Шантарских островов и небольшая археологическая коллекция. Ушли посылки в Новороссийский университет и в Московское общество естествоиспытателей. Бремя почтовых расходов было бы непомерным для молодого Общества, если бы не помощь агента Добровольного флота В. А. Терентьева, который за свой счет отправил все посылки в Европу.

Подводя итоги за год, распорядительный комитет поделился новым замыслом: «Одной из ближайших целей Общества

должно быть изучение орочей — племени, живущего в ближайшем соседстве и почти вовсе неизвестного науке». Что ж, внимание к коренным народностям было похвальной чертой Общества. Из научных дел ОИАК надо отметить экспедицию В. П. Маргаритова в Императорскую гавань, которая прошла с 1 июня по 23 августа 1886 г. Деньги на это путешествие дали барон А. Н. Корф, коммерсанты М. Г. Шевелев, А. К. Вальден и другие. Результаты поездки превзошли все ожидания. Была собрана полная коллекция домашних предметов орочей, записаны сказания и описан быт, а самой ценной находкой были 17 черепов, собранных на местах захоронений, которые предназначались для антропологических исследований. 17 декабря 1886 г. Маргаритов выступил с рассказом о приключениях, выпавших на его долю во время экспедиции. Доклад так понравился, что члены Общества еще дважды собирались на его обсуждение. Сообщение энтузиаста-учителя составило отдельный выпуск «Записок ОИАК», который был отпечатан в Санкт-Петербурге, а литографии к нему были изготовлены во Владивостоке князем Л. А. Кропоткиным.

Деятели Общества понимали, что для благоденствия их организации нужно заручиться поддержкой сильных мира сего. И здесь фортуна пошла им навстречу. Великие князья Алексей Александрович и Александр Михайлович, посетившие Владивосток, дважды заходили в музей Общества. Первыми почетными членами Общества стали адмирал Шестаков, первый приамурский генерал-губернатор барон А. Н. Корф, генерал И. Г. Баранов и контр-адмирал А. Ф. Фельдгаузен. Рядом с генералами и адмиралами в почетном ряду был и механик Устинов, виновник создания Общества.

Известный путешественник М. И. Венюков, живший во Франции, также стал почетным членом Общества. Он узнал о его создании от Буссе. Михаил Иванович тут же рассказал об этом на заседании Географического общества в Париже, а в подарок владивостокским исследователям послал часть своей библиотеки. В мае 1887 г. газета «Владивосток» писала: «На пароходе “Париж” прибыли три больших ящика книг, всего 205 на-

званий, в 407 томах, и 47 карт, пожертвованных генералом Венюковым Обществу изучения Амурского края».

Распорядительный комитет Общества на своем заседании постановил поместить эти книги в особом шкафу с надписью «Библиотека М. И. Венюкова» и сообщил об этом в Париж. В ответном письме старый путешественник написал: «Вы сделали слишком большую честь бывшим моим книгам, отделив их в особое собрание, но в каком бы месте они ни помещались, лишь бы приносили пользу». Забегая вперед, надо сказать, что книги Венюкова пережили все потрясения XX века и сохранились по сей день. Правда, их теперь не хранят в особом шкафу. Меньше повезло Хабаровску, где находилась основная часть венюковского собрания книг. По распоряжению Москвы большинство книг из этой уникальной коллекции было отправлено в столицу, остальные же «за ненадобностью» списали.

Большую помощь научному обществу во Владивостоке оказал приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер, который вступил в него 15 июня 1885 г. — задолго до того, как занял высшую в крае должность. Общеизвестно, что до последних дней жизни Унтербергер был покровителем В. К. Арсеньева. Он не только выделял деньги Обществу, но и подарил его библиотеке часть тиража своей популярной книги «Приморская область», которая получила медаль Императорского Русского географического общества в Санкт-Петербурге.

Членами Общества изучения Амурского края были и многие известные деятели Российского флота. Примером могут служить управляющие морским министерством: вице-адмирал Ф. К. Авелан вступил в ОИАК 21 июня 1888 г., вице-адмирал Н. И. Скрыдлов — 23 июня 1888 г., вице-адмирал В. П. Шмидт — 4 июля 1888 г. Контр-адмирал А. В. Фельдгаузен, который был военным губернатором Владивостока и членом Общества с 1885 г., выделил землю под строительство здания ОИАК, причем, в самом центре города, рядом с Адмиральской пристанью. Ярким примером того, что «свадебные генералы» не только заседали в Обществе, но и работали, была деятельность С. О. Макарова, который, вступив в члены Общества 1 ноября 1887 г.,

неоднократно выступал там с лекциями, дарил книги в библиотеку и давал деньги на благоустройство музея.

Отдельные музейные экспонаты и целые коллекции продолжали сыпаться в Общество изучения Амурского края как из рога изобилия. Комната в прогимназии уже не напоминала учебническую аудиторию, а была похожа на музейный склад. Надо было что-то срочно предпринимать, и члены Общества решили вплотную заняться строительством собственного здания. Председатель распорядительного комитета Ф. Ф. Буссе обратился к местному военно-морскому начальству, в ведении которого находилась большая и лучшая часть владивостокской земли. Приехавший во Владивосток управляющий морским министерством адмирал И. А. Шестаков разрешил подарить Обществу, которое к тому времени уже стало пользоваться популярностью в городских кругах, приличный участок прямо в центре Владивостока около Адмиральской набережной. В августе 1886 г. ОИАК получило утвержденный контр-адмиралом Фельдгаузенем земельный план. Оставалось лишь достать деньги. Касса Общества пополнялась только за счет членских взносов и добровольных пожертвований, но этих денег было явно недостаточно для того, чтобы начинать стройку.

Активисты обратились было за помощью к отцам города, но те предложили настолько неприемлемые условия, что ходатаи вернулись ни с чем. Оставалась надежда только на городских коммерсантов да на собственный энтузиазм. Начало было положено, как в тот период случалось часто, членом царской фамилии, великим князем Александром Михайловичем. Посетив Владивосток, он пожертвовал на благое дело тысячу рублей и...стал покровителем Общества. Великое дело — пример. В казну Общества полился золотой ручеек: от В. П. Бабинцева — 500 руб., крупные суммы от О. В. Линдгольма и В. П. Пьянкова. Кто не мог внести деньги, находил возможность помочь другим путем: то лесоматериалами, то кирпичом. А Янковский, например, подарил Обществу породистого скакуна. Конечно, не в качестве средства передвижения для председателя ОИАК; был объявлен аукцион, и деньги за коня, кстати, немалые, тоже по-

полнили кассу. Собрав от владивостокцев ценные художественные изделия, И. П. Надаров устроил выставку, доход от которой в сумме 521 рубль внес на счет Общества. Театрал А. Д. Беляев поставил благотворительный спектакль, который дал 278 рублей. Владивостокская городская дума тоже не осталась в стороне и выделила Обществу еще полтысячи рублей.

30 июня 1888 г. состоялась торжественная закладка нового здания. Епископ Камчатский и Благовещенский Гурий отслужил молебен. С бокалом шампанского в руках председатель Общества сказал: «Как в жизни частных лиц, к какому бы они классу и сословию ни принадлежали, так и в жизни общества есть особо чтимые дни, потому что с ними бывают связаны самые дорогие и лучшие воспоминания. Для нашего Общества таким лучшим и дорогим воспоминанием будет, конечно, сегодняшний день».

В марте 1890 г. члены ОИАК не утерпели и провели очередное заседание в еще не отделанном здании. В августе в него уже перенесли библиотеку и коллекции, а 30 сентября в присутствии приамурского генерал-губернатора барона А. Н. Корфа музей был торжественно открыт. В нем имелись следующие разделы: археологический, этнографический, минеральный, ботанический и зоологический. Во вторник, пятницу и воскресенье музей работал бесплатно. По первой страховке (в Обществе и поныне бережно хранятся все документы по строительству и эксплуатации здания) здание оценили на сумму свыше 300 тыс. рублей.

Продолжателем дел Соллогуба, редактора и владельца первой владивостокской газеты, был известный краевед и редактор-издатель журнала «Природа и люди Дальнего Востока» Н. П. Матвеев. На страницах журнала было опубликовано немало статей, посвященных известным членам Общества. Матвеев был и исполняющим обязанности председателя ОИАК. Другим не менее известным членом Общества был редактор-издатель газеты «Дальний Восток» В. А. Панов. Он бесплатно публиковал объявления Общества и дарил в библиотеку подшивки своей интересной газеты, благодаря чему

ныне библиотека ОИАК является единственным обладателем этих редчайших экземпляров. Вторым и последним редактором газеты «Владивосток» был Николай Владимирович Ремезов. В его типографии неоднократно печатались труды Общества изучения Амурского края. Особую группу меценатов Общества изучения Амурского края занимают коммерсанты. Самые богатые люди Владивостока, а значит, и всего Дальнего Востока, считали за честь выделять Обществу необходимые для его деятельности средства. Малоизвестный факт, что один из известных предпринимателей семьи Нобелей, которая дала миру Нобелевскую премию, Эммануэль Людвигович Нобель, владевший во Владивостоке нефтебазой на Первой Речке, дал Обществу изучения Амурского края 1000 рублей. Список меценатов, или, как тогда говорили, жертвователей, ОИАК можно было бы перечислять долго. К сожалению, крест на благотворительности поставили известные события 1917 г., тогда все средства Общества были национализированы, в том числе и фонды, собранные меценатами ОИАК на организацию биологической и сейсмической станций во Владивостоке и на исследование Амурского края.

...Торжественное заседание Общества изучения Амурского края, посвященное памяти Ф. Ф. Буссе, было назначено на 28 декабря 1907 г. На нем и предполагалось присудить в первый раз премию, названную именем первого председателя Общества. Премия была основана по инициативе сестры Буссе Натальи Федоровны после того, как Русское географическое общество уже после смерти исследователя за его книгу «Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край» присвоило ему Большую золотую медаль. Особым постановлением было решено передать эту золотую медаль сестре бывшего председателя Общества Н. Ф. Буссе.

В конце января 1897 г. вице-президент Русского географического общества П. П. Семенов-Тянь-Шанский писал ей: «Передавая Вам эту медаль, я прошу принять ее как знак глубокого уважения, которым пользовался среди нашего Общества покойный брат Ваш; как залог, что в этой среде доброй памяти

о нем не суждено умереть, и как доказательство, что Русское географическое общество высоко ценило труды Федора Федоровича». В ответном письме вместе со словами благодарности Наталья Федоровна выразила желание основать премию имени брата: «Желая со своей стороны почтить память брата посильным содействием к поощрению трудов исследователей восточного края, коему брат мой посвятил свою жизнь, я назначаю для этой цели премию в распоряжение Общества изучения Амурского края». Затем по совету П. П. Семенова-Тян-Шанского она написала об этом и во Владивосток: «...мое желание, чтобы из означенных денег был образован капитал неприкосновенный... и чтобы на проценты с этого капитала Общество выдавало бы один раз в каждые три года, или а) премии за сочинения вообще по естественно-историческому, особенно же по геологическому исследованию края, а также по местной археологии и по изучению быта и нужд населения, или б) если не встретится подобных сочинений, то пособие на исследования по тем же предметам».

В 1900 г. общее собрание ОИАК постановило, что первым днем присуждения премии будет 28 декабря 1902 г., но ни в этом году, ни в последующих премия так и не была присуждена. Только в начале 1907 г., через десять лет после смерти Ф. Ф. Буссе, на конкурс были представлены работы сразу двух кандидатов на премию: магистра зоологии Петра Юльевича Шмидта и геолога Антона Мартиновича Оссендовского. 28 декабря 1907 г. в день торжественного собрания председатель Общества А. Д. Рончевский, рассказав коротко о каждом из двух кандидатов на премию, подвел итог:

— Не вдаваясь в подробности обсуждения представленных трудов, комиссия считает оба их солидным вкладом в научную литературу о нашем крае и высказывается в том смысле, что они оба с научной стороны могут быть удостоены премии...

Общее собрание единогласно присудило премию в размере трехсот рублей политическому заключенному Харбинской тюрьмы А. М. Оссендовскому. Следующим лауреатом премии им. Ф. Ф. Буссе стал геолог П. В. Виттенбург. В советское время

премия имени Ф. Ф. Буссе тоже присуждалась исследователям нашего края, в 1959 г. ее лауреатом стал известный археолог Алексей Павлович Окладников за научные открытия по археологии Приморского края. Характерно то, что ученый оставил свою премию Обществу для дальнейших исследований в Приморье.

...Вечером 11 декабря 1926 г. к зданию Владивостокского отдела Государственного географического общества (Общество изучения Амурского края) по улице 1-го Мая (Петра Великого) потянулись люди. В основном это были школьники и студенты. В тот день состоялось первое организационное собрание юных краеведов. Если раньше в Географическом обществе состояли люди зрелые, то теперь 50 юных владивостокцев, казалось, принесли в старинное каменное здание Общества энергию и свежесть морского ветра.

Через два месяца, к февралю 1927 г., кружок разделился на четыре секции: зоологическую, культурно-историческую, ботаническую и метеорологическую. «Цель кружков, — как писали инициаторы их создания, — должна заключаться в том, чтобы, при меньших затратах сил и времени научить ребят разбираться в явлениях природы и подготовить к исследовательской работе так, чтобы из них в дальнейшем выработались полевые исследователи-краеведы».

Для сбора материала Владивостокский отдел Географического общества выделил начинающим исследователям бумагу, гербарные сетки, формалин, сачки, коробки и т. д. Видные ученые Приморья оказывали практическую помощь юным краоведам. В первую очередь это были археолог А. И. Разин, библиограф З. Н. Матвеев и профессор Г. Н. Гассовский. Бережно, с любовью они отнеслись к начинаниям молодежи, проводили в кружках беседы и лекции. Среди них был и знаменитый путешественник В. К. Арсеньев, который, несмотря на острую нехватку времени, только в первый год провел 5 интересных бесед.

К лету 1927 г. кружковцы разработали целый комплекс заданий по сбору растений, насекомых, рыб, этнографическим и фенологическим наблюдениям. В конце года был подведен итог,

который оказался блестящим. Видя серьезное отношение молодежи к делу, Владивостокский отдел принял решение издавать специальный журнал, «где юный краевед мог бы попробовать свои силы и почерпнуть нужные ему сведения». Этот журнал стал настоящим руководством к действию для кружковцев. В нем печатались самые разнообразные материалы, от инструкций по обследованию туземных районов, выработанных и утвержденных коллегией Научно-исследовательского института по изучению Дальневосточного края, до рисунков и гравюр кружковцев. Там даже печатались стихи, принадлежавшие перу юных краеведов. Пусть они были немного наивными и незрелыми, но в них чувствовалась любовь к природе родного края, жажда познаний, которые были свойственны всем без исключения кружковцам. Каждое лето юные краеведы со своими руководителями разъезжались по Приморью. Они собирали образцы фольклора, уточняли и записывали сведения о местных памятниках природы и истории.

К сожалению, вышло всего три выпуска «Работ кружка юных краеведов», а дальше на пути познания юных граждан Советской державы встали органы НКВД, которые пересажали в тюрьмы или расстреляли почти всех руководителей и наставников кружков юных краеведов. Список репрессированных членов Общества изучения Амурского края насчитывает десятки имен.

В ТРУДАХ НА ПОЛЬЗУ КРАЯ: ОБЩЕСТВО ВРАЧЕЙ ЮЖНО- УССУРИЙСКОГО КРАЯ

Не так давно мы распрощались с политическим строем, при котором вся общественная жизнь была строго регламентирована. Сегодня все по-иному, всяк может создавать свои партии, и наблюдается странная вещь: если общества и появляются, то больше на потребу лиц, пытающихся с их помощью пробиться либо в депутаты думы, либо еще куда-нибудь. Стремление же профессионалов того или иного рода объединиться ради общих

Городская больница

идей и интересов что-то редко наблюдается. Оглядываясь же на прежнюю жизнь Владивостока, мы видим, как много там было интересного и поучительного. Вспомнить хотя бы Общество врачей Южно-Уссурийского края.

Официальное разрешение на свою деятельность Общество получило 24 октября 1892 г., а возникло оно благодаря желанию владивостокских врачей чаще общаться друг с другом. В первом параграфе устава нового Общества было записано: «Бескорыстное служение обществу, лучшее развитие врачебной науки и тесное сближение врачей в трудах на пользу края». Эта мысль принадлежала инициатору создания этого общества местному врачу И. Я. Блонскому, который и стал его первым председателем. 27 октября 1892 г. около 20 человек, имевших отношение к медицине, собрались на первую встречу. Ее открыл военный губернатор Приморской области П. Ф. Унтербергер. Хорошо понимавший нужды края, он искренне пожелал врачам успеха.

Итоги первого десятилетия работы Общества были более чем впечатляющи: из 103 докладов, сделанных на заседании Общества, 39 были посвящены строго научным идеям. Они были основаны на местном материале. Первым таким сообщением стало выступление Николая Константиновича Эпова под названием «*Distoma heratici*» (Печеночная двуустка). Врач исследовал печень овец, павших на острове Путятине, и убедительно

доказал, что причиной падежа скота стал паразит, который может поставить под угрозу развитие овцеводства в крае.

Этот доклад был прочитан 28 ноября 1892 г., а ровно через месяц приморские врачи собрались на экстренное собрание, посвященное холерной эпидемии. С анализом прошлых заболеваний выступил сам председатель Общества. Итогом дебатов стало создание санитарной комиссии для борьбы с холерой. Чуть позже Блонский поднял вопрос об учреждении во Владивостоке карантинного поста.

На этом же экстренном собрании заместитель председателя Франц Адамович Кучинский выступил с предложением открыть во Владивостоке городскую больницу. Городской голова не оставил без внимания предложение врачей и попросил указать наиболее предпочтительное место для новой постройки.

Много внимания Общество врачей уделяло профилактике заболеваний в молодом крае. Врач Никандр Иванович Рудинский выступил 15 февраля 1893 г. с докладом о санитарно-гигиенических условиях рабочих на Южно-Уссурийской железной дороге. В то же время Общество врачей предложило городу выделить специальное помещение для дезинфекционной камеры.

Понимая, что через Владивосток, который стал восточными воротами России, может прийти немало болезней, врачи предложили построить в бухте Диомид карантинный квартал и основать во Владивостоке Пастеровскую станцию для борьбы с заразными болезнями. Приморские врачи тщательно изучали опыт своих азиатских коллег. Так, врач Александр Ювеналиевич Зуев выступил в Обществе с обзором работ японских врачей о гепатите. Н. К. Эпов продемонстрировал хирургические инструменты, изготовленные в Японии. Михаил Николаевич Обезьянинов прочел доклад «Медицина в Корее и методы лечения». Н. В. Кирилов выступил с докладом «Очерк особенностей восточных методов медицины, преимущественно китайской».

Сегодня всем известны целебные свойства шмаковских минеральных вод. Впервые их исследовал с научной точки зрения Василий Федорович Сущинский, а результаты этой работы

обобщил в своем докладе «Успенские минеральные воды», прочитанном 26 января 1895 г. Врачи занимались и исследованием местных народностей. Так, доктор Фелициан Францевич Неводничанский работал над темой «Об особенностях айнского племени», а на заседании Общества рассказал не только о жизни айнов, но и о своем друге докторе Добротворском, который с 1868 г. жил среди айнов, изучал их язык и составил словарь.

Врачи Владивостока были инициаторами учреждения съездов врачей Приамурья, которые проводились регулярно. Их усилиями была открыта Владивостокская городская больница. Это историческое событие произошло 16 августа 1893 г. Больница помещалась в двух небольших бараках и имела 18—20 коек. Первое время она содержалась за счет особого больничного сбора, который был введен во Владивостоке с первой половины 1892 г. При ней было и две койки для душевнобольных. Средства для этого были собраны при поддержке нового генерал-губернатора Приамурского края С. М. Духовского.

Общество врачей Южно-Уссурийского края было безденежной организацией и не имело возможности печатать научные труды. Не было у врачей и своих помещений. Почти все заседания они проводили в Обществе изучения Амурского края на ул. Петра Великого, где у врачей был единственный собственный предмет — небольшой шкаф для хранения справочной литературы и рукописей докладов. Вихрь Гражданской войны и 30-е годы уничтожили эти бесценные материалы, также стерлась и память о подвижниках науки.

«МИР ПРАХУ ТВОЕМУ, ЧЕСТНЫЙ ТРУЖЕНИК», ИЛИ МОРСКОЕ КЛАДБИЩЕ В КАРТИНКАХ

Когда мы подъезжали к Морскому кладбищу, на языке вертелась песня Владимира Высоцкого: «А на кладбище все спокойно-ненько, абсолютная благодать...» На самом же деле не все так спокойно в истории старейшего владивостокского кладбища. Нашим гидом был краевед Виталий Сергеевич Гришечкин, ко-

Памятник героям-варяжцам

торый много лет разбирал белые пятна этого кусочка приморской земли. Первым делом Виталий Сергеевич подвел нас к могиле первого смотрителя кладбища бывшего фельдфебеля и георгиевского кавалера Григория Васильевича Псарева. Краевед рассказал, что потомки смотрителя любезно поделились с ним интереснейшими сведениями из истории Морского кладбища.

Рядом с могилой Псарева высится красивый памятник героям-варяжцам. Гришечкину не дает покоя вопрос, почему на монументе выбито 12 фамилий, а в старых газетах упоминается о 15 гробах, привезенных из Кореи во Владивосток. Кстати, где-то здесь рядом с памятником находится и братская могила нижних чинов с крейсера «Рюрик», которая была утеряна в беспамятные годы. Да и памятнику варяжцам тоже не повезло. Несколько раз варвары пытались уничтожить каменный Георгиевский крест, но обломать смогли только его кончики.

Перезахоронение останков матросов крейсера «Варяг» нашло отражение еще на одной французской открытке. В переводе с французского языка: «Похороны русских матросов крей-

Памятник чехословацким легионерам

*Похороны русских моряков с крейсера «Варяг»
Французская почтовая карточка*

сера «Варяг», останки которых были найдены водолазами в Чемульпо. Похороны были устроены японцами с полагающейся торжественностью. Возглавляли шествие двадцать японских моряков, которые несли японский флаг с траурной лентой, затем шли два матроса с цветами. Гробы были покрыты русским флагом и установлены на орудийных лафетах, которые вручную передвигали японские моряки. Завершали шествие французские и американские матросы. Японцы дали над могилами русских моряков три винтовочных залпа». Открытка эта была издана в Париже в 1904 г.

Рядом с варяжцами на небольшом пригорке лежит прах второго командира поста Владивосток Евгения Степановича Бурачка, оставившего потомкам весьма точное и полное описание жизни первых обитателей города. Когда-то на этом месте стояла небольшая кладбищенская церковь.

Бурачек Евгений Стефанович родился 7 января 1836 г. в Санкт-Петербурге. Гардемарин (с 11 августа 1851). Мичман (с 13 августа 1853). Лейтенант (с 14 мая 1856). На винтовом клипере «Разбойник» в Балтийском море (20 мая — 18 октября 1858), в кругосветном плавании (6 июня

1859 — 24 июля 1861). Начальник поста команд в порте Владивосток Приморской области Восточной Сибири (24 июля 1861 — 4 мая 1863). Капитан-лейтенант (с 11 января 1867). Уволен в отставку с производством в контр-адмиралы (25 января 1888). Чиновник Государственного контроля (2 мая 1888 — август 1908). Е. С. Бурачек скончался 24 марта 1911 г. в Санкт-Петербурге, похоронен на Смоленском кладбище. Проведена эксгумация (29 июня 1988), и прах перевезен во Владивосток и похоронен на мемориальном участке Морского кладбища (2 июля 1988).

Старая часть кладбища, занятая теперь могилами бывшего партийно-хозяйственного актива и участников Гражданской войны, уже имела один слой захоронений, где лежали останки морских офицеров. Те, кто копал могилы на мемориальном участке, хорошо знают об этом.

Памятник на могиле Б.С. Бурачека

Едва пробравшись по тропке, заваленной старыми металлическими венками и мусором, мы подошли к так называемому «участку интервентов». От бетонных памятников так и веяло трагедией, которой суждено было разыграться на приморской земле. Не только сынам России, но и солдатам других стран пришлось заплатить своей кровью за участие в Гражданской войне. Скульптура чехословацкого legionера на одной из могил пострадала уже в те далекие годы — ей отбили руку, в которую был вложен символический кусок земли.

Кто лежит под забытыми могилами, похожими на камуфляжные холмики, неизвестно. Они изготавливались в недавнее время к приезду именитых делегаций из других стран.

ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

В годы Гражданской войны игуменья Руфина попыталась основать здесь женский монастырь. Она была настоятельницей женского монастыря в Чердыни, когда вихрь войны подхватил ее и перенес с насиженного места на Дальний Восток. Сначала игуменья поселилась на Седанкинском подворье. Свой кусок хлеба бывшая настоятельница богатого уральского монастыря стала зарабатывать мытьем полов и стиркой белья. В студеную зиму 1920 г. она слегла после того, как перестирала в проруби огромный узел белья, и только своевременный приезд ее послушницы, 19-летней Августы Мичуриной, которая стала ухаживать за игуменьей, поднял ее с постели. Епископ Самарский Михаил предложил тогда игуменье Руфине руководить хором в церквушке при архиерейском доме на Седанке и открыть во Владивостоке женскую обитель.

Так, в конце 1920 г. в одной из квартир на 7-й Матросской улице было открыто подворье в честь Смоленской иконы Божией Матери «Одигитрия-Путеводительница». Помещение было маленькое — всего три крохотные комнатки да кухня, — поэтому отправлялись только всенощные. Но игуменья Руфина не успокоилась и решила строить во Владивостоке настоящий женский монастырь. Первым делом она отправилась за помощью

и советом в контору главного инженера-строителя Владивостокского порта, где ее встретил генерал-майор А. И. Исаков.

Он внимательно выслушал игуменью и с ходу предложил взять на 20 лет в безвозмездную аренду четыре десятины Морского кладбища с небольшой церковью Божией Матери «Всех Скорбящих Радость». В марте 1920 г. монастырь был торжественно заложен. На время строительства 20 монахинь расположились в караульном помещении рядом с кладбищем.

«Энергия матушки, — вспоминала позднее А. Мичурина, — снова развернулась во весь свой богатырский размах. Поместившись в крайней простоте и тесноте, Матушка и сама погрузилась в работу, с трех часов утра уже находясь на постройке, и сестер вдохновляла на неустанный труд. Закипело дело. Вели сестры хозяйство, смотрели за могилами, помогали в совершении треб, рукодельничали. Благополучие возникающей Обители росло. Росло и здание будущего монастыря. Оно должно было, по мысли матушки, иметь три этажа. Первый, полуподвальный, предназначался под службы, второй под жилье, а в третьем должен был помещаться храм. На втором этаже постройка оказалась оборванной событиями: матушке нужно было думать лишь о том, как спастись!»

Еще летом 1922 г. во Владивосток приехал харбинский митрополит Мефодий, который, осмотрев строительство, сказал, как отрезал:

— Здесь путного ничего не выйдет!

Иерарх предложил игуменью переехать в Харбин. Настоятельница монастыря отказалась. Но... все же отправила в Маньчжурию своим полпредом Августу Мичурину, которой поруча-

Церковь в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» на Морском кладбище (рис. В.С. Гришечкина)

лось не только организовать сбор средств для строящегося монастыря во Владивостоке, но и приглядеть место для будущего подворья в Харбине.

Когда во Владивосток пришли красные, для игуменьи Руфины начались тяжелые дни. Один из владивостокских протоиереев предупредил ее о том, что подписан документ об аресте монахини, и лишь тогда она засобиралась в Харбин. Правдами и неправдами она получила разрешение на выезд. Странницей, с узелком и посохом в руках, игуменья пришла в Харбин, где начала строительство другого женского монастыря. Сколько же трудностей ей пришлось вытерпеть на этом пути! Но несокрушимая вера в Бога, преданность идее помогли построить этот монастырь во имя Тихвинской иконы Божией Матери. Позднее он был переименован в Богородице-Владимирскую женскую обитель. История с большевиками многому научила игуменью Руфину, и она загодя стала готовить место для будущего отступления. В 1935 г. в Шанхае было открыто отделение Харбинской женской обители. На церемонии открытия игуменья Руфина встретилась с Исаковым, сильно постаревшим, едва передвигавшим ноги. В октябре 1922 г. на пароходе «Взрыватель» он бежал из Владивостока. Работал преподавателем в Сибирском и Хабаровском кадетских корпусах, затем стал учителем математики и физики в Коммерческом училище Русского православного братства.

Заведовать новой обителью стала Августа Александровна Мичурина, которая была пострижена в монахини под именем Ариадна. После смерти Руфины настоятельницей монастыря была назначена игуменья Ариадна. Помня завет своей наставницы, она основала в 1940 г. подворье в Сан-Франциско, куда и уехала в 1948 г. вместе с монахинями и послушницами, когда к Шанхаю подошли красные. В Америке организаторский талант игуменьи Ариадны развернулся во всю силу. В Канаде (провинция Альберта) она основала Покровский скит, где разместились пожилые монахини, которым был закрыт въезд в США. Возрожденная ею Богородице-Владимирская женская обитель была одним из самых благополучных эмигрантских заведений.

Она приобрела типографию «Луч» и стала издавать отрывной календарь, а затем купила несколько домов с участками, где поселились монахини.

На протяжении всей жизни игуменья Ариадна вспоминала про свою наставницу и жизнь во Владивостоке. А нам на память остались имя горы Монастырской на Морском кладбище да развалины фундамента под недостроенный монастырь.

Виталий Сергеевич показывает едва ли не единственное захоронение, оставшееся на память от старого Морского кладбища. На памятнике — стилизованном каменном обрубке мачты — выбито: «Здесь покоится тело Евгения Максимова. 10 сентября 1862 года — 28 сентября 1909 года. Мир праху твоему, честный труженик». К монументу прикован маленький адмиралтейский якорек. И хорошо, что прикован, иначе его бы тут давно уже не было. Гришечкин показал нам памятники, которые назвал коротко — «ворованные камни». Когда в тридцатые годы разрушали владивостокские кладбища, то досталось и Морскому. Все памятники офицеров и прочих «эксплуататоров» были уничтожены, а мраморные и гранитные монументы были разобраны соседними жителями и использованы для строительства фундаментов домов и прочих хозяйственных нужд, а то и по прямому назначению — для новых могил.

Через дорогу-аллею от Морского кладбища когда-то располагалось еще одно — Военное. Кстати, в дореволюционном периоде на кладбище все было четко распределено: кому где лежать. Иудеи, мусульмане, католики и представители прочих религий находили здесь свое отдельное место. От старого Военного кладбища осталась одна могила, на монументе которой выбито: «Дочь подполковника 9-го Восточно-Сибирского полка Ксения Миглевская. 1891—1909». Кто за ней ухаживал и поставил оградку на могиле — неизвестно.

Руфина (в миру Кокорева, Ольга Андреевна) (1872—1938, Шанхай) — игуменья (с 12 ноября 1911). Послушница (1881). Инокья (1911). Основала Иоанно-женский монастырь в Чер-

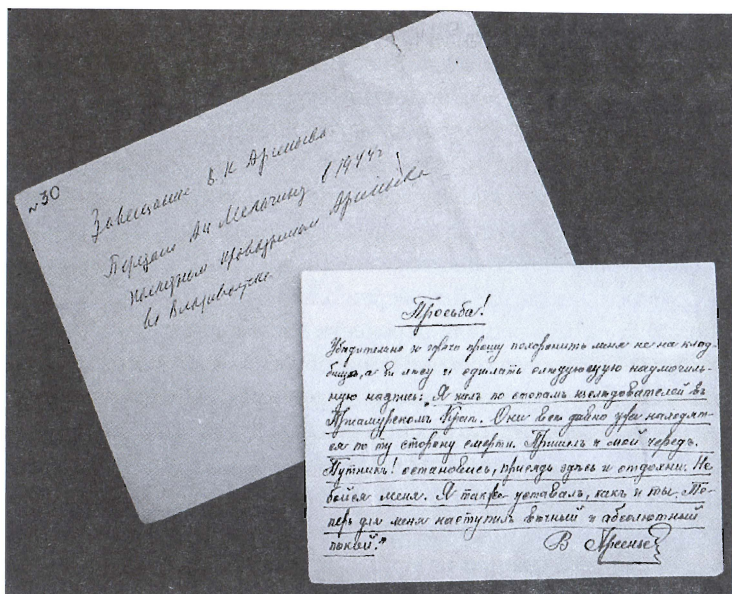

дыни (1911). Жила во Владивостоке (февраль 1920 — июнь 1923). Основала женскую обитель во имя Смоленской иконы Божией Матери «Одигитрия» на Морском кладбище Владивостока (кладбищенская церковь «Всех Скорбящих Радость»). Основала Богородице-Владимировскую женскую обитель и Владимирский монастырь после сотворения Господом чуда (26 августа 1925) в Харбине. В 1929 г. при женском монастыре нашли приют дети убитых жителей Трехречья. В 1932 г. испросила благословение у архиепископа Мелетия на устройство постоянного Ольгинского приюта, названного в память убитой великой княжны Ольги Николаевны. В 1936 г. Ольгинский приют открыл отделение при подворье женского монастыря в Шанхае.

Ариадна (в миру Мичурина, Августа Александровна) (1900—1996, Сан-Франциско) — деятельница церкви. Родилась в купеческой семье. Послушница в Чердынской Иоанно-Богословской обители, которой руководила игуменья Руфина. Вместе с ней бежала во Владивосток (февраль 1920), где основала женский монастырь на Морском кладбище. Жила в Харбине с 1923 г. Опубликовала несколько работ, посвященных своей наставнице Руфине. Игуменья (с 26 ноября 1938). Настоятельница Богородице-Владимирской женской обители в Харбине (с 16 сентября 1937). Настоятельница обители (с 1942) в Шанхае (подворье открыто в 1940), которую перевела в Сан-Франциско (1941). Эмигрировала в США (1948). Схи-игуменья (с 1990).

ВОПРОКИ ЗАВЕЩАНИЮ

Одной из самых примечательных могил на Морском кладбище является захоронение известного писателя Владимира Клавдиевича Арсеньева. В последние годы своей жизни В. К. Арсеньев напряженно работал над своей самой большой работой «Страна Удэге», которая подводила итог многолетних исследований.

Завещание В.К. Арсеньева

7 января 1930 г. путешественник подписал договор с правлением Уссурийской железной дороги и принял на себя обязанности начальника Бюро экономических изысканий новых железнодорожных магистралей. В. К. Арсеньев стал одновременно четырех экспедиций, направляющихся в районы предполагаемых железнодорожных линий. Сейчас почти невозможно узнать, о чем думал В. К. Арсеньев в последний год своей жизни. Может быть, уже подводил итоги? Один за другим подвергались арестам его друзья и коллеги.

Бывает, что огромная лавина обрушивается от небольшого камушка. Так случилось и с Арсеньевым. 19 июля 1930 г. он выехал из Владивостока в низовья Амура для инспектирования экспедиционных отрядов. Органы государственной безопасности позже отметят: «Отправился формировать шпионскую сеть». Его знакомый, работник Центросоюза А. А. Мартынов, писал позднее из Николаевска-на-Амуре: «До дня отъезда его из Николаевска Вла-

димир Клавдиевич жил у меня примерно с неделю (до 20 авг.). Я посадил его на пароход и никаких признаков болезни до отъезда не замечал. Вероятно, он простудился в пути». 26 августа 1930 г. В. К. Арсеньев вернулся из командировки домой. Его болезненное состояние не укрылось от близких, но, отмахнувшись от уговоров сходить к врачу и полечиться, Арсеньев схватился за бумаги. Но... от судьбы не уйдешь! Путешественника похоронили на Эгершельдском военном кладбище. В 1955 г. отмечалось тожежественно 25-летие со дня смерти В. К. Арсеньева. Тогда же прах путешественника решили перенести на новое место. Городским властям Владивостока срочно понадобилось место для строительства жилых домов, и они снесли старое кладбище. На новый погост успели перенести лишь несколько могил и, к счастью, среди них была арсеньевская. Когда открыли крышку гроба, то увидели Арсеньева, как живого, — в галстук-бабочке. Как отметил в официальном акте председатель комиссии по перезахоронению, случилось неожиданное: из могилы вылетела белая бабочка. Всем присутствующим тогда показалась, что это душа путешественника. В суесть прах В. К. Арсеньева положили на новом месте в нарушение общепринятой традиции: с запада на восток.

Совсем недавно один из авторов этой книги, в очередной раз оказавшись в Москве, забежал в букинистический магазин на Покровке, № 50. Просмотрев заранее отобранные материалы (об этом договорились по телефону) и выбрав несколько книг и открыток для музея ДВГТУ, поспешил к выходу, но тут был остановлен знакомым сотрудником магазина:

— Посмотрите вот это...

На выцветшей от времени синей бумаге было написано: «Завещание В. К. Арсеньева. Передано А. И. Мельчину в 1944 г. последним проводником Арсеньева во Владивостоке». В конверте имелся небольшой листок.

«Просьба!

Убедительно и горячо прошу похоронить меня не на кладбище, в лесу и сделать следующую надмогильную надпись: “Я шел по стопам исследователей в Приамурском крае. Они ведь дав-

Медаль В.К. Арсеньева

но уже находятся по ту сторону смерти. Пришел и мой черед. Путник! Остановись, присядь здесь и отдохни. Не бойся меня. Я также устал, как и ты. Теперь для меня наступил вечный абсолютный покой”.

В. Арсеньев».

Уже во Владивостоке специалисты подтвердили, что этот документ был написан известным путешественником. Бывший владелец бесценного документа А. И. Мельчин уволился в запас в звании капитана 1-го ранга, являлся членом Приморского филиала Всесоюзного географического общества (ныне Общество изучения Амурского края). Многие годы он занимался составлением биографии известного дальневосточника. Во владивостокской газете «Красное знамя» в заметке «Разбор архива В. К. Арсеньева» от 17 апреля 1945 г. сообщалось: «В краеведческой библиотеке Приморского филиала Всесоюзного географического общества закончен разбор недавно приобретенного личного архива из-

вестного дальневосточного писателя, исследователя и краеведа штабс-капитана В. К. Арсеньева...

...Пользуясь богатым историческим и биографическим материалом, председатель исторической секции общества майор Мельчин работает над составлением биографии писателя. Из всех материалов архива Арсеньева — дневников, записных книжек, научных и литературных трудов, писем — видно, как горячо любил писатель свою Родину, свой край. В только что обнаруженном еще нигде не опубликованном завещании Арсеньева выражена горячая просьба похоронить его в Уссурийской тайге».

В Приморье свято чтут память В. К. Арсеньева: его именем назван город, музей, а также имеется мемориальный дом-музей его имени и уже несколько лет работает Дальневосточный Арсеньевский благотворительный фонд. В честь В. К. Арсеньева названа гора на о. Сахалин, где он тоже побывал с экспедицией. К 135-летию со дня рождения Владимира Клавдиевича Ученым попечительским советом фонда было принято решение об учреждении медалей Арсеньева. По наброскам автора статьи коллекционер С. С. Шишков разработал дизайн, а изготовили медали в Южной Корее. Лента наградной медали выполнена двухцветной: зелёный — под цвет тайги и жёлтый — цвет Уссурийского казачьего войска. В. К. Арсеньева в экспедициях всегда сопровождали казаки.

Мерзляков Александр Иванович родился 7 мая 1878 г. в Вятской губернии. Окончил кондукторскую школу при Главном инженерном управлении. Инженерный подпрапорщик (1 июня 1905). Во Владивостоке с 1905 г. Совершил экспедиции с В. К. Арсеньевым (1906, 1907). Как бывший офицер отправлен на принудительные работы по строительству Седанкинского водохранилища (с 9 ноября 1933). Работал строителем. Сотрудник музея В. К. Арсеньева (с 15 декабря 1945). А. И. Мерзляков скончался 11 июля 1947 г. во Владивостоке. Перезахоронен одновременно с В. К. Арсеньевым.

ПОРТ ПРИПИСКИ — ВЛАДИВОСТОК

В Одессе уже готовился груз для первых рейсов судов Общества Добровольного флота на Дальний Восток, а конкретно не было известно, как же доставлять грузы на Амур, главную артерию грузоперевозок Восточной Сибири, ведь суда Доброфлота не могли пройти в Амурский лиман из-за большой осадки. Специально для этой цели было решено купить новый пароход. Главное правление Общества обратилось к известным судостроительным заводам, и вскоре пришло несколько предложений.

Пароход Добровольного флота «Владивосток»

Право выбора было предоставлено агенту Добровольного флота в Марселе капитану 2-го ранга С. Валицкому. После долгих раздумий он остановился на пароходе, строящемся на верфи «Лобниц, Кулборн и К°» в местечке Ренфрю около шотландского города Глазго. Когда Валицкий приехал на верфь, пароход уже стоял на стапеле, на нем уже были установлены машина и котлы. Оставалось дело за мачтами и отделочными работами в каютах. Строитель обещал сдать пароход через три недели.

Главное правление Общества согласилось с предложением своего агента, и 6 января 1880 г. был подписан договор о покупке этого судна, который значился под строительным номером 160 и являлся пятым в Добровольном флоте.

Пароход был двухмачтовым, трехпалубным, имел машину «Компаунд» мощностью в 700 л. с. Его длина между перпендикулярами составляла 225 футов, ширина — 29 футов. Он мог брать до 1000 т груза, не считая угля в бункерах. На пароходе имелось три трюма с тремя паровыми грузовыми лебедками. Трюмы были просторными, в среднем находился танк для водяного балласта емкостью 300 т. Судно могло брать на борт 12—13 пассажиров и получило свидетельство первого класса Ллойда и бюро «Веритас».

Фирма запросила за пароход со всем снаряжением, за исключением штурманских приборов, постельного белья и посуды, умеренную сумму — 22 тыс. фунтов. Следуя традиции Доброфлота, надо было назвать новый пароход именем города, стоящего очередным в списке тех, кто вносил пожертвования на развитие транспортного флота. Но ввиду малого водоизмещения судна, а главное, из-за того, что оно было предназначено для плавания в дальневосточных морях, его решили назвать «Владивосток».

После приобретения судна встал вопрос о назначении командира и подборе экипажа. Выбор пал на опытного морского офицера капитан-лейтенанта П. Воронова, который около десяти лет плавал в морях Дальнего Востока, командуя последние четыре года канонерской лодкой «Морж». Помощниками командира были назначены П. Качалов, отставной лейтенант

К. Готский-Данилович и поручик корпуса флотских штурманов Н. Максимов. Судомеханическая служба состояла из вольнонаемного Н. Каликанова и поручика корпуса инженеров-механиков И. Криницына. Всего экипаж «Владивостока» состоял из 33 человек.

2 февраля 1880 г. П. Воронов прибыл в Ренфрю, и сразу же на него свалилось множество хлопот: приходилось постоянно вступать в споры с судостроительной фирмой, которая строго придерживалась условий контракта и не желала устанавливать на судне новое оборудование. Но, так или иначе, а 12 февраля пароход был благополучно спущен на воду, а 17-го в испытаниях на мерной линии подтвердил, что будет хорошим ходоком, показав среднюю скорость 12,04 узла. Отделочные работы на судне были закончены только 22 февраля, хотя Воронов всячески старался их ускорить.

2 марта, загрузившись углем в Кардиффе, пароход вышел в Одессу, куда прибыл 23 марта и сразу же встал под погрузку. Всего «Владивосток» принял на борт около 520 т груза. 5 апреля вслед за пароходами «Москва» и «Петербург» «Владивосток» вышел из Одессы. Уже 10 мая он прибыл в Сингапур, а 24-го — в Японию, где в порту Нагасаки пришлось задержаться на трое суток, чтобы законопатить палубу, которая дала течь вследствие сильной жары в тропиках и проливных дождей около острова Формоза, ныне Тайвань.

27 мая, взяв на борт 70 т груза и несколько пассажиров, пароход вышел из Нагасаки в порт Дуэ, а 24 июня, побывав также в Николаевске-на-Амуре, судно благополучно прибыло во Владивосток, свой порт приписки.

Не всегда жизнь парохода была мирной. Когда к концу 1880 г. на Дальнем Востоке осложнилась международная обстановка и в воздухе запахло порохом, из трюмов «Владивостока» были подняты орудия и поставлены на свои штатные места. Пароход сразу же принял вид настоящего боевого крейсера. Но вскоре опасность миновала, и судно вновь вернулось к прежней работе. 13 лет работал «Владивосток» на каботажных дальневосточных линиях, изредка совершая трансокеанские плавания в

Одессу. Благодаря его рейсам заметно оживилась приморская торговля, улучшилась связь отдаленных районов Дальнего Востока с центром России.

1 июня 1893 г. в третьем часу дня пароход «Владивосток» под командованием лейтенанта С. А. Андреева вышел из Владивостока в Николаевск-на-Амуре, имея на борту около 400 уволенных в запас нижних чинов, 114 их жен, 138 детей, 18 других пассажиров, 45 членов экипажа — всего 701 человек, и около 31 тыс. пудов различного груза. О дальнейших событиях нам расскажет исторический документ — статья о пароходе «Владивосток» из «Очерка возникновения и деятельности Добровольного флота за 25 лет».

«По выходе в море пароход встретил сильную зыбь и густой туман, который утром 3 июня немного рассеялся, что позволило определиться по солнцу. Около полудня мокрый туман еще более сгустился так, что с мостика не видно было носа. До полудня 4 июня пароход шел курсом норд-ост... почти серединою Татарского пролива в безопасном расстоянии от обоих берегов.

4 июня в 4 ч. пополудни при непроницаемом тумане и 9 узлах хода внезапно почувствовался сильный удар носом и слышалось шуршание днищем о каменистый грунт. Немедленно раздалась команда “стоп машина”, отданы были оба якоря и приготовлены к спуску гребные суда.

Тотчас же палуба покрылась солдатами и женщинами. Заметив признаки паники, капитан успокоил людей, потребовал от них полного повиновения и приказал всем сесть на палубу у бортов. Впереди парохода, сквозь расходившийся туман, виднелись темные очертания скалистого берега, а у правого борта парохода лежал большой камень, о который пароход, очевидно, первоначально и ударился; крутом носа шумели буруны.

Немедленно же были посланы вельбот и четверка с офицерами для распознавания берега и для розыскания места для высадки, а тем временем обмер показал, что пароход сидит на камнях почти на половину своей длины, имея за кормою 8 саженей глубины, а с носу 10 фут. От времени до времени пароход подымало волною и било о камни, и каждый удар сопровождал-

ся воплями и причитаниями женщин, успокоить которых требовалось немало труда.

Признав положение парохода крайне опасным, если не безнадежным, капитан распорядился посадкою в оба катера женщин и детей. Детей сажали, передавая с рук на руки, солдаты, расставленные по обоим трапам. Вернувшийся на пароход вельбот донес о найденном на берегу, в расстоянии 1 мили от парохода, удобном для высадки месте, и тотчас же началась переправка людей... Она совершилась настолько благополучно, что ни один ребенок не получил ни малейшего ушиба.

Пароходные свистки привлекли двух орочен-рыболовов, которые сообщили, что «Владивосток» разбился на камнях Сивуч, мыс Св. Николая, в 12 милях от Императорской гавани. По окончании перевозки женщин началась переправа нижних чинов, а затем стали перевозить провизию, багаж и необходимые принадлежности для устройства лагеря: лес, брезент, паруса и пр. К вечеру зыбь все более и более усиливалась, и пароход все чаще и сильнее било о камни. К 10 часам ночи, обойдя весь пароход, капитан признал положение его совершенно безнадежным и, забрав кассу, судовые и грузовые документы и вахтенный журнал, съехал последним на берег. Здесь уже были устроены кое-какие приспособления для приюта потерпевших крушение семисот человек: женщины и дети были помещены под навесами из брезентов и парусов, разведены большие костры, вся провизия была собрана в одно место и охранялась часовыми, людям розданы сухари и установлен строгий порядок...

Не видя возможности спасти пароход собственными средствами, капитан распорядился свозить на берег все, что можно было спасти из груза. Из Императорской гавани прибыл в лагерь француз-лесопромышленник г. Моару, предложивший капитану свой запас муки до 125 пудов. Предложение это было принято с благодарностью, и с г. Моару отправилось несколько хлебопек, которые и снабжали лагерь, располагавший только сухарями, свежим хлебом. Еще утром 5 июня вновь посетили лагерь орочане, с которыми капитан сговорился доставить в Де-Кастри известие о крушении.

В ночь с 6 на 7 был шторм, «Владивосток» положило на правый борт и сильно било о камни. Все следующие дни, насколько позволяла дождливая и туманная погода при сильной зыби, производились работы на пароходе, с которого свозилось все, что было возможно, а на берегу насыпалась из камней пристань для облегчения посадки людей, когда придет за ними какой-либо пароход.

Вечером с наблюдательного поста дали знать в лагерь, что в Императорской гавани появился пароход, который на другой день с рассветом подошел к месту крушения и оказался “Байкалом” купца Шевелева. Послан он был на поиски «Владивостока» агентом Добровольного флота во Владивостоке.

В течение нескольких дней не получая известия о “Владивостоке” и беспокоясь об участии его, поручил “Байкалу” на пути из Николаевска зайти за справками в Императорскую гавань, где ему и было сообщено о происшедшем крушении.

Устроенная на берегу пристань значительно облегчила посадку людей на шлюпки, и к 12 ч. дня все войска, женщины, дети и пассажиры были благополучно перевезены на “Байкал”, который, час спустя, снялся с якоря и отправился в пост Александровск на Сахалине.

19 июня в Императорскую гавань пришла военная шхуна “Алеут” с агентом Добровольного флота и назначенным для производства дознания о крушении следователем. До 1 июля команда и офицеры “Владивостока” оставались в лагере для продолжения работ по спасению имущества и груза парохода, чему сильно препятствовали крупная зыбь и постоянные туманы. 1 июля возвратился пароход “Байкал”, на который перешли капитан и команда “Владивостока”, оставив разбившийся пароход под охраною старшины орочан.

Оставленный пароход представлял печальную картину. Корма погрузилась по планширь в воду, и волны свободно перекачивались через него до половины судна; иллюминаторы выбиты, входные рубки и люки разломаны и смыты волной, все трюмы и машины залиты. Не оставалось никакой надежды на возможность спасения парохода, и первые же наступившие штормы довершили разрушение и гибель его.

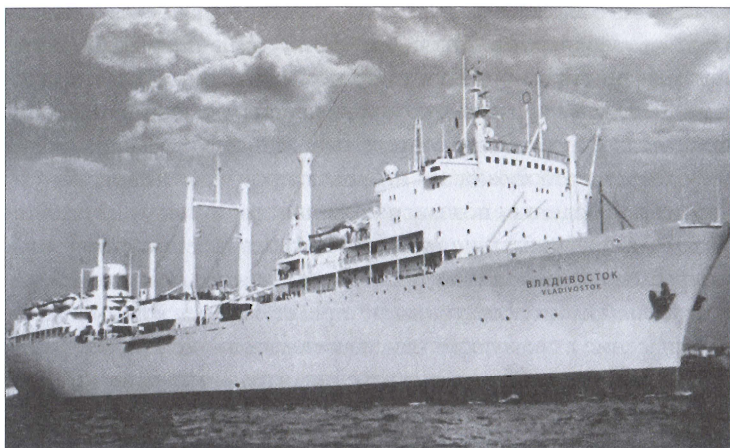

Военно-морской суд, рассмотрев дело о крушении “Владивостока”, признал, что причиной этого крушения было влияние не означенного в лоции течения, снесшего пароход к материковому берегу, в очертании которого на карте имеются неверности до 10—15 миль по долготе; стоявший же во время плавания парохода густой туман не позволял производить астрономические наблюдения, почему оказавшаяся в путевом счислении парохода неверность не могла быть своевременно замечена и исправлена. Вместе с тем суд признал, что по положению парохода на камнях спасти его не представлялось возможным и что спасение в свежую погоду значительного числа пассажиров последовало лишь благодаря распорядительности и хладнокровию капитана.

По состоявшемуся судебному приговору капитан парохода “Владивосток” лейтенант Андреев был признан невиновным в крушении своего парохода и от всякой ответственности освобожден. Гибель парохода “Владивосток” и сопряженные с его крушением расходы причинили Добровольному флоту сравнительно небольшой убыток в 140 784 р., так как ко времени крушения первоначальная стоимость “Владивостока” в 235 762 р. уменьшалась погашением до 99 637 р.».

ДРУГИЕ «ВЛАДИВОСТОКИ»...

В дальнейшем имя «Владивосток» носили корабли Тихоокеанского военно-морского флота, китобойная база, ледокол, контейнеровоз и пассажирские суда. В 1953 г. в Северодвинске заложили, а затем и зачислили в списки кораблей военно-морского флота легкий крейсер «Владивосток». Для его постройки использовались конструкции недостроенного крейсера «Дмитрий Донской». Через три года строительство было прекращено, а в 1959 г. «Владивосток» исключили из списков кораблей ВМФ и сдали для разделки на металл. Два года (с 1962 по 1964 г.) имя «Владивосток» носил эскадренный миноносец, заложенный на ленинградской верфи и первоначально названный «Стерегущим». В 1964 г. корабль снова переименовали, и он под

Китобойная база «Владивосток»

названием «Адмирал Фокин» служил на Тихоокеанском флоте. В том же году имя «Владивосток» получил большой противолодочный корабль, построенный в Ленинграде. Сначала он вошел в состав Балтийского, затем Северного флотов, а через 6 лет, после перехода вокруг Африки из Североморска во Владивосток был включен в состав Тихоокеанского флота. БПК «Владивосток» совершил дальние походы в Сомали, Судан, Маврикий, Индию, завоевал приз главкома ВМФ по ракетной подготовке. В 1995 г. БПК «Владивосток» был продан английской посреднической фирме для перепродажи в Австралию на металл.

В 1969 г. вступил в строй ледокол «Владивосток», постройкой которого завершилась серия однотипных ледоколов «Москва», «Ленинград», «Киев», «Мурманск». Строились они в Финляндии (Хельсинки) и были самыми мощными для того времени дизель-электроходами. Они хорошо зарекомендовали себя при эксплуатации в Арктике и в неарктических замерзающих морях Дальнего Востока. В мае 1971 г., впервые в истории освоения Арктики, атомоход «Ленин» провел из Мурманска на Дальний Восток ледокол «Владивосток», совершив высокоширотный рейс, севернее всех островов Евразии, в 1985 г. ледокол «Владивосток» принял участие в освобождении из ледового плена Ан-

тарктики ледокола «Михаил Сомов». Плавание ледокола «Владивосток» в высоких широтах Южного полушария явилось выдающимся событием в истории освоения Антарктики. Впервые ледокол такого типа совершил переход по просторам Мирового океана, пересек «ревушие сороковые» и «неистовые пятидесятые», пройдя через все климатические зоны Земли — от полярных районов, где температура воздуха понижалась до -40 градусов, до экваториальной зоны с температурой воздуха, достигавшей $+36$ градусов по Цельсию.

В 60-е годы имя «Владивосток» носила китобойная флотилия. Но уже через несколько лет после прибытия флотилии во Владивосток сырьевые ресурсы пришли к оскудению, курильские китокомбинаты прекращают свою работу, а интенсивный промысел китов перемещается в восточные районы — заливы Бристоль и Аляска, восточные Алеутские острова.

В конце 60-х — начале 70-х годов в мире рождается новый метод морских перевозок — контейнеризация. Появляется транссибирская контейнерная линия, обеспечивающая передвижение контейнеров международного класса морем и по железнодорожным магистралям. Уже к середине 70-х в Дальнево-

Ледокол «Владивосток»

сточное морское пароходство приходят построенные на отечественных верфях суда нового класса — контейнеровозы, и среди них — «Пионер Владивостока». А в 1993 г. в Польше был построен контейнеровоз «Владивосток», который и в наше время трудится на просторах Мирового океана.

ИСТОРИЯ «ЭСКАДРЫ-НЕВИДИМКИ»

«Эскадра-невидимка» — это неофициальное наименование в Европе Владивостокского отряда крейсеров, успешно действовавшего на морских коммуникациях Японии и отвлекавшего на себя крупные силы флота противника. Урон, нанесенный эскадрой контрабандной торговле, вызвал панику в финансовых кругах Японии, США и Англии. В Токио разъяренная толпа сожгла дом вице-адмирала Каммимур, в течение нескольких месяцев не сумевшего отыскать и уничтожить внезапно появляющиеся и исчезающие русские крейсера. Отряд включал броненосные крейсера «Россия» (флагманский), «Громобой» и «Рюрик», бронепалубный крейсер «Богатырь», вспомогательный «Лена», а также 11 миноносцев и 13 подводных лодок.

Владивостокский отряд крейсеров совершил семь походов на коммуникации противника. Первый поход 27 января — 1 февраля 1904 г. крейсера «Россия», «Громобой», «Рюрик» и «Богатырь» совершили под флагом контр-адмирала Н. И. Скрыдлова. В качестве главной задачи определялось нападение на Гензан — порт на восточном побережье Корейского полуострова, использовавшийся японцами для переброски сухопутных войск. Сложные погодные условия заставили отряд отказаться от намеченной цели. Не пройдя и трети пути, отряд вернулся во Владивосток. В ходе крейсерства был потоплен небольшой японский пароход.

Во втором походе 11 февраля — 17 февраля владивостокские крейсера провели безуспешный поиск японских транспортов к северу от Гензана. Обеспокоенные действиями Владивостокского отряда японское командование было вынуждено перебросить в Японское море эскадру вице-адмирала Каммимур, ослабляя свой флот у Порт-Артура.

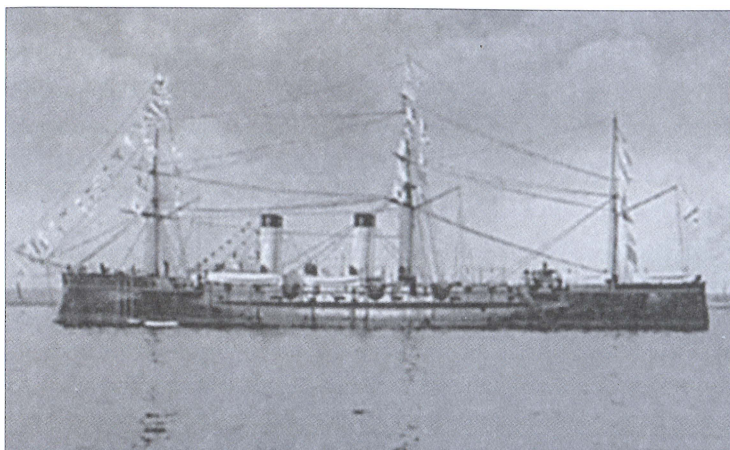

лив и малоуспешный набег на Гензан. 18 июня вблизи острова Цусима произошло столкновение с эскадрой вице-адмирала Каммимурэ. Владивостокскому отряду удалось оторваться от преследования, отбив атаку 8 японских миноносцев, два из которых, по наблюдениям с русских кораблей, были потоплены. На следующий день русские крейсеры задержали английский пароход «Четельхем», захваченный как приз.

Предпоследний, шестой поход в июле 1904 г. Владивостокский отряд под командованием контр-адмирала Иессена совершил рейд вдоль восточного побережья Японии, уничтожая суда с контрабандой. После боя 1 августа 1904 г. у Фузана, в котором погиб крейсер «Рюрик», Владивостокский отряд практически прекратил активные действия. Только в конце апреля 1905 г. крейсеры в сопровождении миноносцев совершили трехдневный поход, уничтожив четыре японских шхуны. В целом действия владивостокских крейсеров не имели решающего значения в ходе боевых действий, тем не менее нанесли противнику определенный урон и отвлекли на себя значительно превосходящие силы японского флота.

ВРАГУ НЕ СДАЕТСЯ ГОРДЫЙ «РЮРИК»

Русско-японская война 1904—1905 гг. и в настоящее время остается не слишком известным периодом русской военной истории. В череде многочисленных войн империи она была первой, которая не пользовалась популярностью в обществе. Это власть нуждалась в «маленькой победоносной войне», а народу война совсем была не нужна. Тем не менее о Русско-японской войне 1904—1905 гг., по далеко не полным данным, написано уже более двух тысяч книг. Новое время приносит новое осмысление произошедших тогда событий. И не стоит, думается, обвинять в поражении командиров русских кораблей, которые не смогли прорвать кольцо японской эскадры, несравненно лучше вооруженной и насчитывающей в своем составе гораздо большее количество кораблей. Так же как нельзя считать бездарными и обвинять в отступлении и огромных потерях русских

Крейсер «Рюрик»

офицеров, которые и сражались вместе со своими солдатами, и стойко переносили тяготы японского плена.

Особую страницу в историю Русско-японской войны вписали корабли Владивостокского отряда крейсеров. К началу войны в состав отряда входили 5 крейсеров: «Россия», «Громобой», «Богатырь», «Рюрик», «Лена»; 11 миноносцев и 13 подводных лодок.

В серии русских океанских крейсеров первым был «Рюрик». Он вступил в строй в 1895 г. и к тому времени считался одним из сильнейших крейсеров мира, отличался хорошей мореходностью и большой автономностью. Этот крейсер был известен в Японии еще задолго до начала военных действий. Дело в том, что в 1896—1897 гг. крейсер «Рюрик», а также крейсер «Память Азова» совершили переход из Балтики на Дальний Восток и длительное время провели в Японии, в порту Нагасаки. А в 1901 г., в метрической книге Успенского кафедрального собора во Владивостоке появилась запись за № 64: «24 марта крещен Владимир, китайский мальчик неизвестного имени и неизвестных родителей, 8 лет, взятый во время военных действий десантным отрядом крейсера 1-го ранга “Рюрик” в деревне Тзинь-Чхоу (близ Тяньзиня) с наречением именем Владимир и присвоением фамилии “Рюриков” в честь крейсера “Рюрик”...

С января по август 1904 г. Владивостокский отряд крейсеров совершил 6 походов, вызвав панику в деловых кругах Японии, США и Англии, вследствие чего значительно сократилось торговое судоходство у берегов Японии.

...Рано утром 14 августа 1904 г. Владивостокская эскадра из трех крейсеров подошла к месту предполагаемой встречи с Порт-Артурской эскадрой в Корейском проливе. Но вместо русских кораблей их встретила в полном составе (7 крейсеров) эскадра японского адмирала Камимуры. Завязался жестокий бой. Шедший концевым «Рюрик» получил попадания в кормовую часть, было выведено из строя рулевое управление, и крейсер потерял ход. В бою погиб командир корабля капитан 1-го ранга Евгений Александрович Трусов. Два других крейсера в течение нескольких часов пытались помочь «Рюрику», отвлекая огонь противника на себя, а затем стали прорываться на север. «Рюрику» удалось восстановить ход, и его скорость достигла 8 узлов, но все орудия оставались выведенными из строя. Это давало надежду японцам на быстрый и легкий захват корабля. Они прекратили огонь и приблизились, готовясь взять «Рюрик» на буксир. Лейтенант К. Иванов, принявший командование кораблем на себя, направил «Рюрик» на ближайший крейсер врага, пытаясь его таранить. В это время кондуктор Коротков выпустил торпеду из уцелевшего минного аппарата. Японцы отошли и вновь открыли ураганный огонь по «Рюрику», превратившемуся в дымящуюся грудю металлолома. Продолжать бой русский корабль уже не мог.

Не желая сдаваться врагу, лейтенант К. Иванов приказал открыть кингстоны. Оставшиеся в живых моряки убрали погибших с палубы, плотно задраили двери и покинули корабль. «Рюрик» накренился на левый борт, потерял остойчивость и затонул. Погибли 204 человека, ранено было 305 моряков. Плавающая в воде команда кричала «Ура!» и «Прощай, дедушка «Рюрик»!».

Оставшихся в живых моряков с крейсера «Рюрик» подняли на борт японских кораблей и переправили в лагерь для военнопленных. Отношение японцев к русским пленным в то время было примером, на основе которого создавались будущие меж-

дународные конвенции, связанные с отношением к военнопленным больным и раненым. Японское военное министерство считало, что «все войны основаны на политических отношениях между государствами, поэтому не следует разжигать ненависть к народу враждебного государства». К русским пленным относились как к почетным гостям. В Японии содержалось 71 947 русских военнопленных. Примером того служат нормы питания: на русского офицера тратилось 60 иен, на русского солдата 30 иен, при том что на японского воина тратилось всего 16 иен.

Генерал Ноги, занявший порт Артур, позволил пленным русским офицерам носить личное оружие и мундир, хотя иногда местными надзирателями это оружие временно изымалось. Даже командующий объединенным японским флотом адмирал Того, победивший в Цусимском сражении, лично посещал в госпитале адмирала Рожественского, который, получив ранение в начале боя, был в бессознательном состоянии передан на миноносец и оказался в плену. Но среди пленных моряков не было единогласия. Рюриковцы не желали находиться в одном лагере с моряками кораблей эскадры адмирала Небогатова, которые, подняв белый флаг, сдались на милость победителю. Их поддерживали моряки с крейсера «Ушаков», командир которого, капитан 1-го ранга Миклухо-Маклай, брат знаменитого путешественника, не подчинился позорному приказу и погиб в неравном бою. Требования моряков с этих кораблей были японцами удовлетворены с большим уважением.

Но плен всегда тяжел. Лейтенант Иванов в плену встретился с сыном своего командира мичманом Александром Трусковым и рассказал о гибели отца. Интересно, что в списках Министерства морского флота омского Верховного правителя адмирала А. В. Колчака, кстати, тоже участника Русско-японской войны 1904—1905 гг., числился капитан 2-го ранга Александр Тусов.

Совсем недавно в архивах Восточного института мы обнаружили сведения о мичмане с крейсера «Рюрик» Хрущове, который был допущен к изучению японского языка в Восточном институте как вольнослушатель. Вероятнее всего, эта личность

и послужила прототипом мичмана Панафидина в книге В. Пикуля «Крейсера». К изучению японского языка в Восточном институте, как выяснилось по данным того же архива, был допущен и священник крейсера «Рюрик» Алексей Оконечников, якут по национальности, известный тем, что вынес из японского плена доклад лейтенанта К. П. Иванова о бое крейсера «Рюрик» с эскадрой японского флота. Об этом эпизоде В. Пикуль также рассказывает в романе «Крейсера». Лейтенант К. П. Иванов, трижды раненный в этом бою, был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, кроме того, ему была присвоена фамилия Иванов-Тринадцатый.

Через 9 с половиной месяцев рядом с «Рюриком» лягут на дно Корейского пролива корабли 2-й Тихоокеанской эскадры, погибшие в Цусимском бою.

Точные координаты места, где был затоплен крейсер «Рюрик», остались неизвестными. При подготовке к 100-летней годовщине Русско-японской войны (программа выполнялась совместно с японским университетом Кокусикан из Токио) Дальневосточный государственный технический университет решил направить на место гибели «Рюрика» экспедицию. Эту идею выдвинул капитан мореходной яхты «Искра» Владимир Карташев. Яхта «Искра» является морской лабораторией ДВГТУ и недавно благодаря выигранному гранту была снабжена уникальным навигационным и акустическим оборудованием. Идею экспедиции поддержало командование Тихоокеанского флота.

Яхта «Искра» вышла в море именно с того самого места, с которого в свой последний поход ушел крейсер «Рюрик». Начальник экспедиции Николай Москалев, в прошлом военный моряк, контр-адмирал в запасе, подключившись к организации экспедиции, провел большую работу по поиску исторических, архивных материалов, которые могли бы с максимальной точностью помочь определить тот район, где погиб «Рюрик». Много материалов предоставили музей и библиотека ДВГТУ. На просьбу о взаимодействии активно откликнулись Военно-морской архив в Санкт-Петербурге и японская сторона.

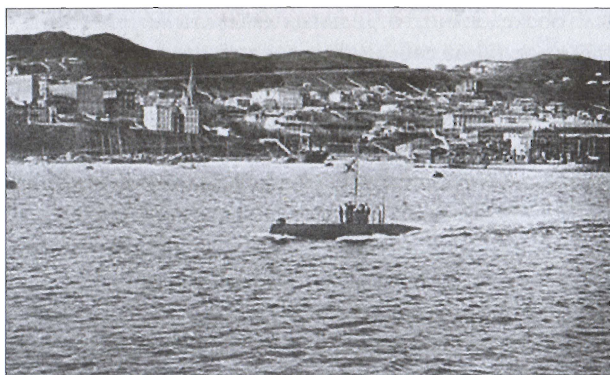
Было обследовано 3 отдельных квадрата морского дна в предполагаемом районе гибели крейсера «Рюрик», размерами соответственно сорок восемь, двадцать три и около десяти квадратных миль. В общей сложности поиски продолжались 10 дней. И, как выяснилось, наиболее точными оказались данные японской стороны, а именно данные адмирала Камимур.

В итоге специалисты яхты получили акустическое изображение лежащих на глубине 132 метра по ходу течения останков корабля, которые с очень высокой долей вероятности являются «Рюриком». Экспедиция завершилась 27 июля 2004 г. В местной прессе сообщили, что начальник экспедиции и капитан яхты доложили командующему Тихоокеанским флотом и ректору ДВГТУ об успешном выполнении задачи. О событиях этого боя, об экспедиции по поиску места гибели крейсера «Рюрик» Александр Карташев при участии ДВГТУ и ТОФ создал документальный фильм «Дедушка “Рюрик”», презентация которого состоялась в кинотеатре «Океан» г. Владивостока.

В советское время главком ВМФ адмирал В. Чернавин приказом № 310 от 19 декабря 1986 г. включил в число «памятных мест славных побед и героической гибели кораблей русского и советского флота» место гибели крейсера: с этого времени на предполагаемом месте гибели крейсера «Рюрик» все корабли советского ВМФ отдавали ему воинские почести, предусмотренные корабельным уставом.

ВЛАДИВОСТОКСКИЕ ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ И МЕДАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ, ИЛИ ДАР ВАСИ-ПОДВОДНИКА

Владивосток издавна был базой подводного флота, а первые подводные лодки появились здесь еще во время Русско-японской войны. Подводные лодки, построенные на отечественных или иностранных судостроительных заводах в 1904—1905 гг., было решено перевезти во Владивосток для укрепления мощи этой военно-морской базы. На Путиловском заводе построили специальные платформы и разобранные лодки перевезли во Владивосток, где они вошли в состав Сибирской флотилии.

Подводная лодка в бухте Золотой Рог. Начало XX века

Все первые подводные лодки носили имена рыб или морских животных. Первой отправили во Владивосток «Форель», построенную на судостроительном заводе Круппа в Германии в 1904 г. Кстати, немцы передали ее в дар России. Во Владивосток «Форель» прибыла в сентябре 1904 г. После наступления морозов лодку подняли на берег и установили в здании Новокотельной мастерской порта, где она простояла до весны следующего года. Самой знаменитой отечественной подводной лодкой был «Дельфин». Проект лодки был разработан в 1901 г. кораблестроителем И. Г. Бубновым и инженер-механиком И. С. Горюновым, а первым командиром стал Михаил Николаевич Беклемешов, который и руководил строительством «Дельфина» на Балтийском заводе. Затем лодку отправили по Транссибу во Владивосток. Во время Первой мировой войны «Дельфин» совершил второе путешествие по железной дороге — в Архангельск, где подводная лодка находилась в строю до августа 1917 г. «Форель» находилась в эксплуатации всего пять лет. Следуя из бухты Новик во Владивосток на буксире подводной лодки «Бычок», она неожиданно затонула 17 мая 1910 г. в бухте Золотой Рог. Глубина была всего около 15 саженей, и лодку подняли на следующий день. К сожалению, были причинены большие повреждения корпусу и механизмам, и лодку отвели в судоремонтный завод, где она простояла целый год. 30 мая 1911 г. она была исключена из спи-

сков судов флота. Подводную лодку «Осетр» купили у американской фирмы «Protector» в год ее строительства — 1904-й. Она также по железной дороге попала во Владивосток. Прослужив обычный срок, она в августе 1913 г. была списана. «Кефаль» построили в 1904 г. в Либаве. 5 августа следующего года ее спустили на воду во Владивостоке, но только через два месяца она произвела первое погружение. В марте 1916 г. «Кефаль» была сдана в порт, как «не представляющая почти никакой боевой ценности». Личный состав был переведен на Балтийский флот. Подводную лодку «Кета» построили на добровольные пожертвования. Она была заложена в 1905 г. в Петербурге на судостроительном заводе Лесснера. 16 июня 1908 г. ее исключили из списков флота, как «совершенно непригодную к дальнейшей боевой службе». «Бычок», «Палтус» и «Плотва» были построены в Либаве и вступили в строй в 1905 г., а через восемь лет их списали, как «пришедшие в ветхость и непригодные к дальнейшей службе». Несмотря на короткий срок службы первого подводного флота на Тихом океане, эти лодки сыграли огромную роль в защите тихоокеанских рубежей России. Во время Русско-японской войны именно благодаря подводным лодкам японцы побоялись занять Владивосток.

...19 марта 1906 г. последовал указ императора Николая I об отнесении подводных лодок к отдельному классу боевых кораблей. Этот день и считают днем создания подводных сил России. К этой знаменательной дате во Владивостоке на территории факультета военно-морского обучения Дальневосточного государственного технического университета был сооружен мемориальный комплекс «В память подводников всех поколений», состоящий из ограждения боевой рубки с выдвижными устройствами, части носовой надстройки, а также макетов боевого оружия (ракет, торпед, мин). Дело в том, что многие выпускники кораблестроительного факультета ДВГТУ проходили службу в Военно-морском флоте, становились старшими офицерами и адмиралами, были конструкторами подводных лодок и оружия для них, и даже возглавляли ЦКБ по проектированию подводных лодок, как Герой Социалистического труда П. П. Пустынцев.

К 100-летию подводных сил России в ДВГТУ были изготовлены две памятные медали — наградная и настольная. Художественную обработку и изготовление медалей выполнили: наградной — Сергей Шишков, настольной — Герман Каяк. К юбилейной дате от имени министра обороны медалями «За службу в подводных силах» награждались подводники-ветераны, офицеры и мичманы, проходящие службу на подводных лодках. Главкомом Военно-Морского флота были утверждены нагрудные золотые и серебряные знаки «Подводник Военно-Морского Флота России», вручавшиеся наиболее заслуженным подводникам. Различными организациями выпущено к юбилею подводных сил России более десяти вариантов памятных медалей «100 лет подводному флоту России», причем некоторые из них отличаются друг от друга только подписью на обратной стороне медалей.

Существует и около десятка вариантов нагрудных памятных знаков, выпущенных в честь 100-летия подводных сил России. Обязательными составляющими знаков являются крест и якоря. Некоторые отличаются друг от друга только тем, что прикрепляются к колодке. Иногда нагрудные знаки укрепляются на деревянных плакетках, на которых гравировются имена награжденных.

Есть еще одна уникальная награда, которая очень высоко ценится. Это памятный знак «Жене подводника», который вручается от имени Совета Международной ассоциации общественных организаций морского флота и моряков-подводников. На обороте удостоверения напечатаны проникновенные стихи капитана 1-го ранга Геннадия Цветко. Наверное, для других профессий во всем мире нет подобной награды для женщин.

К 100-летию подводного флота России ДВГТУ решил создать мемориальный комплекс «В память подводников всех поколений» на территории факультета военного обучения нашего университета. Инициаторы обратились к владивостокцам за поддержкой.

Кто-то предлагал лес, кто-то краску, кто-то уточнял, куда перевести или принести деньги.

Однажды к начальнику факультета подошел бомжеватого вида мужичок:

— Ну, где тут у вас подводная лодка строится?

— Да вот она...

— Я помогать пришел, лопату мне давайте, — потребовал мужичок.

— Пожалуйста, поступайте в распоряжение вон того капитана 2-го ранга...

— Да, еще, — остановился добровольный помощник и спросил: — Вам ведь и деньги нужны?

— Ну а как же, — развеселился начальник факультета.

Мужичок сунул руку в карман довольно-таки потрепанной куртки, извлек оттуда две смятые бумажки достоинством по 100 долларов каждая и молча протянул начальству.

— А как вас записать?

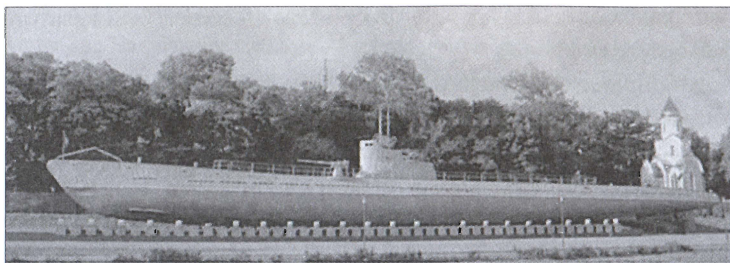
— Вася-подводник я, — пробурчал тот и, опираясь на лопату, поднялся на бугор ковырять мерзлую землю.

На одной из памятных досок, установленных у мемориала среди названий организаций и фамилий граждан, которые внесли средства на строительство мемориала, значится теперь и надпись «Вася, матрос-подводник».

4 ноября 2008 г. во Владивостоке на Корабельной набережной недалеко от мемориала подводной лодки С-56, открыт еще один памятник в честь первых подводников России, в верхней части которого есть стилизованное изображение нагрудного знака подводников начала XX века.

БЕРЕГОВАЯ «ФЛОТИЛИЯ»

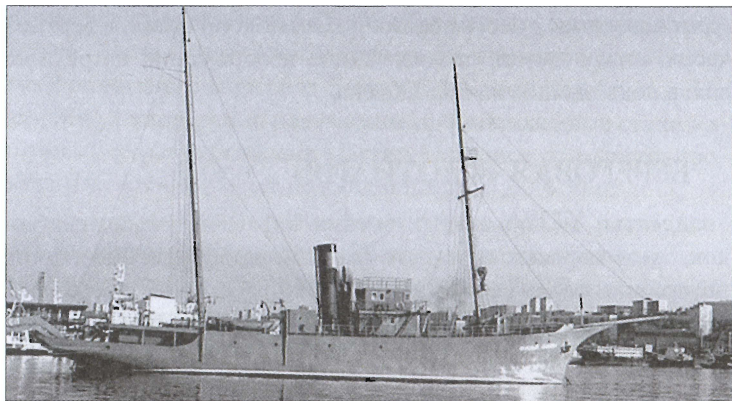
Десятки мемориальных боевых кораблей, подводных лодок, судов морского и речного флота можно увидеть во многих портовых городах России. Кормой к Корабельной набережной ошвартовался небольшой корабль с изящно изогнутым форштевнем, высокими мачтами и чуть наклоненной дымовой трубой. Это сторожевик «Красный вымпел». Его история началась в апреле 1911 г., когда на финской верфи «Крейтон» построили

Подводная лодка С-56

одновинтовую, двухпалубную паровую яхту, названную в честь камчатского военного губернатора В. С. Завойко, руководившего обороной Петропавловска-на-Камчатке в Крымскую войну. Сначала яхту приписали к Ревельскому (Таллинскому) порту, затем она перешла через Балтику, Атлантику, Суэцкий канал, Индийский и Тихий океаны на Камчатку.

После Гражданской войны часть боевых и вспомогательных кораблей угнали отступившие белые части, миноносцы с выведенными из строя машинами стояли на приколе во Владивостоке. Единственным боевым кораблем в дальневосточных водах оказался «Адмирал Завойко», которому 31 мая 1923 г. присвоили новое название «Красный вымпел» и переклассифицировали в сторожевик.

Сторожевой корабль «Красный вымпел»

В 1924—1925 гг. «Красный вымпел» охранял морскую границу, помогал ученым и флотским гидрографам исследовать акваторию Японского моря. В 1923 г. были учреждены Морские силы Дальнего Востока (позже — Тихоокеанский флот), и первым в списках был «Красный вымпел». Он стал настоящей кузницей кадров для флота, на нем служили будущие видные флотоводцы, в том числе будущие адмиралы С. Г. Горшков и Н. И. Смирнов. В 1940 г. сторожевик передали военно-морскому училищу, но с началом Великой Отечественной войны «Красный вымпел» вернулся в строй: прокладывал подводные линии связи, обеспечивал базирование субмарин в необорудованных бухтах. В августе 1945 г. корабль становится тральщиком, участвует в Сейсинской десантной операции, потом очищает воды северокорейских портов от мин, оставленных японцами.

Кончилась война. Долгие годы «Красный вымпел» еще служил вспомогательным судном. 20 июля 1958 г. Военный совет флота преобразовал старый корабль в плавучий музей.

В 1978 г. Герой Советского Союза вице-адмирал Г. И. Щедрин, командовавший лодкой С-56 в годы Великой Отечественной войны, предложил создать в одном из приморских городов мемориальный порт, где были бы собраны знаменитые корабли и суда — памятники воинской и трудовой славы моряков. Во Владивостоке уже есть такая мемориальная «флотилия». Это музейный комплекс «Боевая слава Тихоокеанского флота», расположенный на Корабельной набережной, где находится знаменитая С-56. Она была перевезена по Транссибирской магистрали во Владивосток и вступила в строй 20 октября 1941 г.

К началу Великой Отечественной войны в составе ВМФ находились 14 таких подводных лодок, а во время войны было сдано флоту еще 16. Эти лодки принимали участие в боевых действиях. Шесть из них были награждены орденами Красного Знамени, двум было присвоено звание гвардейских, а командиры подводных лодок — Б. А. Алексеев, Г. И. Щедрин, И. Ф. Кучеренко и С. П. Лисин — были удостоены званий Героя Советского Союза. Подводная лодка С-13 знаменита еще тем, что она под командованием капитана 3-го ранга А. И. Маринеско потопила 30 ян-

варя 1945 г. лайнер «Вильгельм Густлоф», на котором погибло более 4000 солдат и офицеров противника, в том числе и более 1000 специалистов-подводников.

В 1942—1943 гг. группа тихоокеанских субмарин совершила переход через Тихий и Атлантический океаны на действующий Северный флот. Вел «эску» ее первый командир, капитан-лейтенант Г. И. Щедрин. Подводники-тихоокеанцы одержали в Баренцевом море немало побед, лодка была награждена орденом Красного Знамени и стала гвардейской.

В 1951 г. С-56 вернулась на Тихий океан, практически совершив кругосветное путешествие. Кстати, ее переход по Северному морскому пути обеспечивали ветераны Арктики — макаровский «Ермак» и ледокол «Ленин» (бывший «Александр Невский»).

После того как лодка отслужила положенный срок, ее переоборудовали в учебно-тренировочную станцию. К 30-й годовщине Победы она вновь подняла овсянный ветрами трех океанов флаг, став мемориалом.

Проекты реконструкции и установки «Красного вымпела» и С-56 были выполнены Приморским ЦКБ, а претворили эти разработки в металл работники Дальзавода. Мне тоже посчастливилось принимать непосредственное участие в этих работах.

На территории музея Тихоокеанского флота застыл на пьедестале почета торпедный катер № 123 типа «Комсомолец». Испытания головного катера этого типа были начаты на Балтике в 1940 г.

Новые «морские москиты», не уступая в скорости своим предшественникам — торпедным катерам типа Г-5, были крупнее их и обладали лучшей мореходностью — могли действовать при 4-балльном волнении. Они были вооружены двумя трубчатыми торпедными аппаратами, спаренным крупнокалиберным пулеметом или скорострельной пушкой. На флот новые катера стали поступать с 1934 г., причем многие строились на средства, собранные тружениками тыла, советской молодежью. Об этом свидетельствуют их названия: «Тюменский комсомолец», «Тюменский пионер», «Речник Ангары», «Одесский комсомолец», «Комсомолец Казахстана». Торпедные катера типа «Комсомо-

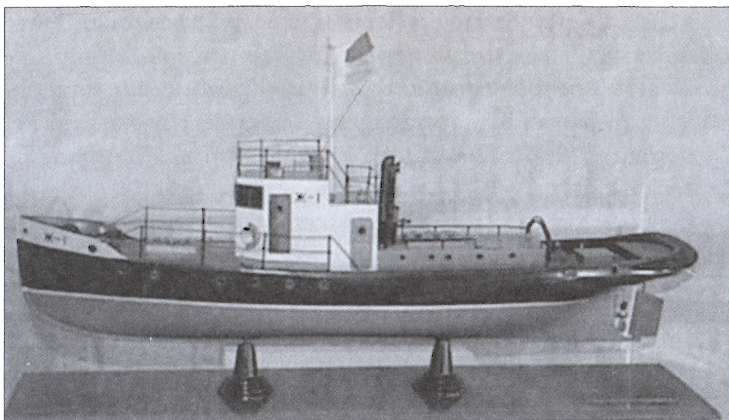
леу» сражались на Балтике и Черном море, участвовали в боевых действиях на Тихом океане против милитаристской Японии.

В наши дни торпедные катера типа «Комсомолец» установлены не только во Владивостоке, но и в Азове, Новороссийске, Севастополе, Санкт-Петербурге, Баку, Балтийске, Калининграде, Бердянске.

Особо место в истории советского судостроения принадлежит буксирным катерам типа «Ж», любовно называемым «Жучками», серийная постройка которых началась на Дальзаводе во Владивостоке с 1930 г. Эти буксиры водоизмещением всего 30 т предназначались для буксировки промысловых вспомогательных судов и плавсредств водоизмещением до 200 т с удалением от порта-убежища не более чем на 20 миль.

Первое в СССР полностью сварное судно — буксирный катер «Ж» — было заложено весной 1930 г. и сдано в эксплуатацию в следующем году. Кстати, в музее ДВГТУ хранится документ, согласно которому признается, что первых в СССР инженеров-электросварщиков начали готовить именно во Владивостоке, в ДВПИ им. В. В. Куйбышева.

Серийное строительство цельносварных буксирных катеров продолжалось и после Великой Отечественной войны. Многие из них имели собственные имена (например, «Коршун») и эксплуатировались не только в морских портах, но и на реках. Общее количество построенных буксирных катеров типов «Ж», «ЖС» и «ЖСЛ» составило около 200 единиц. Буксирные катера типа «Ж» эксплуатируются и в настоящее время. Эти катера сыграли значительную роль в развитии народного хозяйства Дальнего Востока: использовались как разъездные, портовые, пожарные и лоцманские суда. В годы Великой Отечественной войны часть буксирных катеров была вооружена и переоборудована в посыльные суда, суда охраны рейдов и тральщики. Известен, например, случай, подтверждающий высокие мореходные качества этих судов. Экипаж катера Ж-257 совершил беспримерный 82-дневный дрейф по просторам бурного в зимнее время Тихого океана. Ураган угнал судно с острова Парамушир в конце ноября 1953 г., и только в конце февраля 1954 г. его об-

Макет первого сварного судна в СССР буксира Ж-1

наружили у восточных берегов Камчатки. Все шестеро моряков были живы.

Недалеко от одной из проходных Дальзавода установлен памятник буксиру типа «Ж», часть фрагментов которого представляют детали первого цельносварного катера, а на здании управления Дальзавода в свое время была установлена мемориальная бронзовая доска с текстом: «В 1930 г. здесь построено первое в Советском Союзе цельносварное судно. Строительство велось под руководством и при непосредственном участии профессора Виктора Петровича Володина». К сожалению, до настоящего времени доска не сохранилась. Осталась только фотография, хранящаяся в музее ДВГТУ. Там же экспонируется две модели буксирного катера типа «Ж». Одна из них выполнена из бумаги судомоделистом Зыряновым.

У мыса Голдобин во Владивостоке на вечной стоянке отшвартовался небольшой сейнер МРС-80, служивший в Дальневосточном промысловом флоте. Этот неутомимый труженик моря в течение многих лет был основным типом судов для прибрежного лова рыбы. Первенец отечественного рыболовного судостроения МРС-80 расположен на овальной площадке, выложенной бетонными плитами, на которой начертано: «В честь трудового героизма и доблести рыбаков Приморья».

Малый рыболовный сейнер был рассчитан на плавание с удалением от базы не далее 20 миль. Он мог вести лов как с помощью кошелькового невода, так и дрейфтерным способом. Конструктивно судно представляло собой катер с полубаком.

В конце 1990-х гг. памятник пришел в запустение. Однако после серии передач по истории флота известного журналиста Константина Кухаренко на Приморском телевидении памятник отреставрировали, и теперь он, как и прежде, во всей красе встречает корабли и суда, заходящие в бухту Золотой Рог.

На берегу Семеновского ковша, на любимой владивостокцами набережной, у самой кромки воды стоит на берегу судно на подводных крыльях «Колхида-4». Судно было построено на судостроительном заводе в Поти в 1984 г. Водоизмещение полное — 70,2 м. Размерения: 34,5 × 10,25 × 3,5 м; осадка на крыльях — 1,9 м. Два двигателя мощностью по 1920 л. с. Скорость 35 узлов. Дальность плавания 150 миль. Из Поти «Колхида-4» была доставлена во Владивосток на борту грузового теплохода и вошла в состав Дальневосточного морского пароходства. С 1992 г. судно принадлежало Владивостокскому морскому торговому порту. Эксплуатировалось на линии Владивосток — Находка. Списано в октябре 1997 г. В настоящее время используется в качестве ресторана «Глория»

Таким образом, «береговая флотилия» Владивостока насчитывает 6 судов и кораблей. Хочется надеяться, что эти памятники отечественного кораблестроения и морской истории сохранились на века.

КОРЕЙЦЫ В ПРИМОРЬЕ, ИЛИ ИЗ ИСТОРИИ ДУХОВНОЙ МИССИИ В КОРЕЕ И ВО ВЛАДИВОСТОКЕ: ЦЕРКОВЬ НА МАХАЛИНА

Одной из серьезных проблем Приморья сегодняшние политики видят в притоке сюда жителей Китая и Кореи. В прошлом это также было животрепещущей темой для прессы и государственных чиновников. Придя в Южное Приморье в 1860 г., рус-

Корейцы во Владивостоке

ские обнаружили здесь лишь отдельных представителей китайцев и корейцев, которые промышляли морепродуктами и дарами тайги, но как только жизнь в молодом крае забурлила, соседи-эмигранты все чаще стали искать в нем пристанище. Если жители Поднебесной, которых именовали манзами, были в основном изгоями из своей страны и не брезговали разбоем, то выходцы из Страны утренней свежести, как называли тогда Корею, отличались добропорядочностью и трудолюбием. История их поселения на наших землях весьма интересна и поучительна.

Как известно, в 1868 г. разразилась Манзовская война, причиной которой стали золотиносные россыпи на о. Аскольд, разрабатываемые самовольно китайцами. Русским войскам пришлось тогда силой оружия выдворять незваных гостей на их родину. В тот же год в Приморье хлынул поток беженцев из Кореи, которые в неурожайный год искали спасения от голода в Приморье.

В течение двух лет в наш край переселилось около шести тысяч корейцев, которых русские власти приняли благосклонно. Они посчитали, что эмигранты смогут положить начало развитию земледельческой культуры и помогут снабдить продовольствием местные гарнизоны.

Беженцев из Кореи было так много, что генерал-губернатор Восточной Сибири решил переселить часть их в Амурскую

область, где ощущался недостаток населения. Весной 1871 г. 500 корейцев были отправлены на р. Самарку (в 500 верстах от Благовещенска), где основали село Благоденное. Так что автором первого насильственного переселения корейцев за пределы края был вовсе не Иосиф Сталин, как это принято считать.

Губернаторский съезд 1885 г. не только подтвердил правомерность этого решения, но и подчеркнул, что «допускать дальнейшее переселение корейцев в наши пределы не следует, а поселившихся ранее, не в далеком расстоянии от границы, нужно постепенно выселять внутрь края и расселить их среди русских, приписав по несколько дворов к деревням». Это указание было вызвано в первую очередь подчеркнутым нежеланием корейцев ассимилироваться с местным русским населением, их неприятием российских законов, а также опасностью того, что корейцы могли поддержать внешних врагов в случае их вторжения на территорию края.

В 1884 г. начались официальные отношения между Россией и Кореей. Тогда же было признано, что корейцы, переселившиеся в Приморье до этого времени, признаются равноправными гражданами Российской империи. Почти поголовное принятие корейцев в русское гражданство произошло в 1895 г. К этому году на территории края проживало около 13 тысяч корейцев, которые занимались земледельческим трудом. Каждой семье было отведено по 15 десятин земли.

Особой страницей отношений между Россией, Кореей и Китаем является район реки Туманной. Еще в 1712 г. состоялось разграничение этой территории между Китаем и Кореей. Район, отошедший к Китаю, получил имя Нангин (Цзян-дао). Но жили в нем преимущественно корейцы. В 1903 г. был поднят вопрос о присоединении этой провинции к России. Русско-японская война поставила точку на этих дебатах.

...В августе 1999 г. во Владивостоке, недалеко от школы № 18, на ул. Хабаровской, где когда-то располагалась Корейская слобода, состоялось открытие монумента. Он посвящен памяти корейских поселений на российском Дальнем Востоке и Дню независимости Кореи. «Наверное, — писала газета «Владиво-

сток”, — для многих владивостокцев новостью оказался тот факт, что сложившаяся здесь 100 лет назад Корейская слободка стала “колыбелью священной борьбы корейцев за свою независимость после узурпации Японией государственного суверенитета Кореи”. Именно здесь корейские патриоты поклялись восстановить независимость родины, учредили многие патриотические организации, что привело к созданию в 1919 г. эмигрантского правительства — Корейской национальной ассамблеи. В тот же год 1 марта была принята декларация независимости Кореи. Думаю, для наших земляков, 80 лет воспитывавшихся в духе интернационализма, сей факт приятен — кому-то мы стали колыбелью. Но заметно, что на черной плите мемориала, как говорится, в последнюю минуту добавлена строка: “В связи с 60-летием депортации корейцев”. 500 тысяч их было выселено с Российского Дальнего Востока в республики Средней Азии и Казахстан. Понятно, с каким чувством вспоминают это корейцы».

Корейская духовная миссия была основана в Сеуле в 1900 г., и ее целью было обслуживать духовные потребности православных русских в этом городе и распространять христианство среди корейцев. Первым начальником миссии стал архимандрит Хрисанф, в миру Шетковский, который служил в миссии до начала Русско-японской войны. Время его пребывания в этой должности было ознаменовано строительством новых храмов и приходов. Тогда Корейская миссия замыкалась на Владивостокскую епархию. Интересно, что именно она построила православный храм на улице Махалина, куда по сей день ходят православные владивостокцы.

Во время Русско-японской войны Корейская миссия была закрыта. Когда же ее двери вновь открылись, Священный синод стал выделять ежегодно на ее содержание 10 тысяч золотых рублей. Вторым главой миссии в период с 1906 по 1912 г. был ученый-самородок архимандрит Павел, в миру Ивановский. Его перу принадлежат несколько книг по православию, которые монах перевел на корейский язык.

В самый сложный период пришлось управлять Корейской духовной миссией архимандриту Феодосию, в миру Перевало-

ву. Федор Иванович Перевалов родился в г. Уржуме Вятской губернии в 1875 г. В 19 лет он поступил послушником в пещеры Гефсиманского скита при Троицко-Сергиевой лавре. В 1904 г. Федор Перевалов был командирован псаломщиком походной кухни на фронт Русско-японской войны. После окончания войны он перешел на службу в духовную миссию в Корею регентом и учителем пения, а через два года принял монашество. В 1911 г. Феодосий был командирован во Владивосток священником и законоучителем в церковь-школу «Памяти убиенных воинов», а через шесть лет, в 1917 г., иеромонах вернулся в Корею, так как он был назначен начальником духовной миссии в этой стране.

Осенью и зимой 1922 г. Феодосий обогрел многих беженцев, покинувших Приморье. На следующий год он был возведен в сан архимандрита. О последних годах жизни почтенного иеромонаха известно очень мало. Сообщалось только, что в 1930 г. его вызвал в Токио глава Японской миссии архиепископ Сергей, который хотел, чтобы Феодосий заменил его на этом посту. Но по японским законом главой православной церкви мог быть только японец. Архимандрит Феодосий скончался в Японии, и русские эмигранты еще много лет продолжали вспоминать его с теплотой.

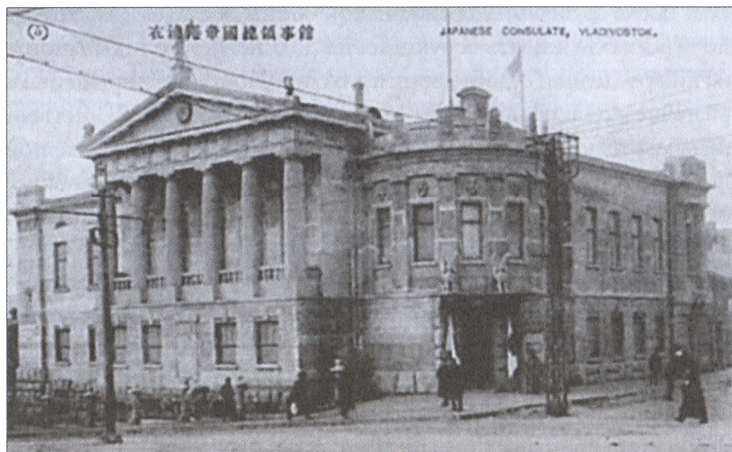
Надо отметить, что большая часть владивостокского духовенства после окончания Гражданской войны осталась дома, предпочитая обслуживать верующих на родине. В 30-е годы многие из них разделили судьбу своих приходов. Почти все церкви были разрушены, а священники отправлены в лагеря. Единственным местом, где шла полнокровная деятельность православной церкви, оставалась Маньчжурия. В феврале 1920 г. в Харбин с остатками колчаковских войск прибыл из Оренбурга епископ Мефодий. 16/29 марта 1922 г. указом Высшего церковного управления в Харбине была учреждена временная самостоятельная епархия, с назначением главой архиепископа Мефодия. На первых порах епархия замыкалась на Московскую патриархию. Но в 1923 г., опираясь на решения Заграничного архиерейского синода, Мефодий решил провести коренную реорганизацию епархии. «Этот конфликт, — писал очевидец, — повлек за собой печальные последствия: падение церковной дисципли-

ны, усиление сектантства (адвентистов, баптистов и др.) и проч. С переменой администрации КВЖД, с приходом сюда в октябре 1924 г. представителей Советской России изменилось и положение православной церкви в Маньчжурии: причт был лишен жалования и квартир, церкви — пособий». Против этой реорганизации резко выступил последний епископ Владивостокский Михаил, которому удалось в последнюю минуту бежать из Владивостока в Харбин. Он скончался 9 июля 1925 г. и был похоронен в Софийской церкви.

ЯПОНЦЫ И ДРУГИЕ. ИНОСТРАННЫЕ КОНСУЛЬСТВА ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

Интерес к этой теме возник после того, как однажды в одном архивном деле было обнаружено письмо, написанное еще в начале века. В нем житель Владивостока жаловался властям на произвол чиновников-бюрократов, которые не дали разрешения его брату жениться на японской девушке-проститутке, из-за чего тот покончил с собой. Сквозь скупые строки письма читалась история трагической любви русского солдата и японской

Здание японского консульства

девушки, что, видимо, не было редкостью в то время. В прошлом Владивосток был центром японской эмиграции. Из четырех тысяч японцев, проживавших в начале века в России, три с половиной приходилось на этот город. Четверо японцев имели во Владивостоке крупную недвижимость. Юридические права японцев, живших у нас, были определены Симодским договором 1855 г.: «В России японцы имеют те же права и преимущества, какие дарованы в ней всем другим иностранцам». В новом договоре 1875 г., по которому Россия обменяла Курильские острова на о. Сахалин, эти права остались без изменений.

Первое время японцы облюбовали для себя Николаевск-на-Амуре, но как только военный порт переехал во Владивосток, Япония решила открыть здесь консульство и в 1875 г. обратилась с этим предложением к русскому правительству. Но поскольку Владивостоку с самого начала определялась роль важного военного форпоста, просьба японцев была отклонена. Им разрешили иметь во Владивостоке лишь коммерческого агента. На следующий год было открыто Императорское коммерческое агентство. Его юридическое положение было сформулировано так: «Чтобы агент не имел никакого официального характера, а служил только посредником между японскими подданными и нашими местными властями». Правда, японское правительство все-таки наделило коммерческого агента консульскими обязанностями: он должен был регистрировать смерти, рождения и браки, оказывать помощь своим соотечественникам и содействовать их возвращению на родину, визировать паспорта и пр.

Японцы, переселившиеся во Владивосток, были главным образом ремесленниками, но большинство из них работало чернорабочими. Все они принадлежали к бедному крестьянскому сословию и не имели ничего, кроме пары крепких рук и огромного трудолюбия, выработанного столетиями каторжного труда на земле. Было замечено, что как только японец устраивался на новом месте и обрстал небольшой недвижимостью, он вызывал к себе во Владивосток родственника и подыскивал ему жилье и работу.

Японец, приехавший во Владивосток и предполагавший прожить там более трех месяцев, должен был стать членом об-

пешественной организации «Урадзиво-киорюмин-кай кисоку» (Общество японцев, проживающих во Владивостоке). В первых статьях его устава говорилось: «Общество имеет своей целью защищать интересы всех японских подданных, проживающих во Владивостоке» и «каждый японский подданный, проживающий во Владивостоке, имеет право пользоваться покровительством со стороны этого общества и в свою очередь должен принимать активное участие в его делах».

Японское общество имело и свое издание «Урадзиво-боэки-геппо» — ежемесячный «Вестник иностранной торговли Владивостока», который выходил благодаря усилиям японского коммерческого агента. Он печатался в Цуруге тиражом 300 экземпляров и в основном распространялся в Японии.

Члены общества были распределены по цеховому принципу. В нем были отделения фотографов, прачек, парикмахеров. Это давало японцам возможность сразу же хорошо сориентироваться в местной жизни. При этом владивостокцы заметили, что некоторые услуги, оказываемые японцами, были монополизированы и качество их держалось на высоком уровне. Например, прачечные во Владивостоке были в основном японскими.

Востоковед П. Васкевич, занимавшийся анализом жизни японской колонии во Владивостоке, отмечал: «Благодаря существованию Общества, японцы чувствуют себя на чужбине, как у себя дома — в Японии, представляя колонию, имеющую свой чисто национальный орган самоуправления и прочно организованные по разным отраслям труда союзы, чего им не удалось пока достигнуть даже у себя на родине».

Средоточением культурной жизни японцев во Владивостоке был буддистский храм. Первое время он располагался в частном доме, но затем, собрав огромную сумму денег, японцы купили в рассрочку на десять лет землю и построили на ней большой каменный дом. Масса бумажек, прикрепленных в фасаду, развевались на ветру у его входа. По воспоминанию очевидца, храм выглядел так: «Комната, где помещается церковь, содержится замечательно чисто. Она вся застлана циновками, и отделение для молящихся совершенно лишено какой бы то ни было мебели.

Китайцы во Владивостоке

Алтарь отделен занавеской. При входе в алтарь у стены имеется шкаф, уставленный тоненькими деревянными дощечками с надписями. По объяснению японцев, на этих дощечках поименованы все умершие во Владивостоке японцы».

В самой большой комнате храма разместилась и местная японская школа, в которой обучались начальной японской грамоте около 30 ребят. Вечером же в ней были открыты курсы для желающих пополнить свои знания по русскому языку. Преподавали на курсах бесплатно. Также в храме имелась хорошая библиотека. Всем этим хозяйством заправлял японец-монах.

Сколько бы японец ни жил на чужбине, он носил в сердце желание вернуться на родину. Обычно года через четыре японец уезжал домой с честно заработанными 500—1000 рублями. Это было одной из причин, по которой местная администрация отрицательно относилась к пришлому элементу из Азии. Увидев, как дешево оплачивается труд в его родной стране, японец часто возвращался во Владивосток. Этому способствовало и то, что почти все они знали русский язык.

Товары из Страны восходящего солнца, которые предлагались в японских лавках (их во Владивостоке было много), не пользовались доверием среди местного населения. Как-то раз газета «Вла-

дивосток» отметила: «Кроме того, японцы начали подделывать обувь и готовое платье. Обувь очень плохого качества, иногда неделю не пронашивают, а покупают, потому что дешево». Зато существовали виды деятельности, где японцы были вне конкуренции. Они славились, например, как отменные плотники и шлопочники. Умелыми были и японские портные, изделия которых в основном копировали европейские товары. Это не раз приводило к недоразумениям, о которых написала одна из газет того времени. «Заказывает, например, какой-нибудь господин сшить ему сюртук, а для образца дает свой старый, заплатанный. Японец-портной отлично шьет ему новый сюртук, но только везде, где на старом были заплаты, кладет их на новый...»

Японцы были и отличными каменщиками. Цоколи многих старинных домов, которыми мы любимся сегодня, сделаны их руками. Во многих местах мостовая Владивостока была уложена гранитными кубиками, привезенными из Японии. Чуть позже в город привезли и самих мастеров-японцев, которые стали заготавливать гранит на Русском острове. Постройка Уссурийской железной дороги также не обошлась без помощи японских рабочих, которых трудилось на ней более тысячи. В основном они были заняты на земляных работах. Перевозку грузов и пассажиров из Японии во Владивосток осуществляло крупное пароходство «Ниппон-Юзен-Кайша», которое успешно конкурировало с другими компаниями. Кстати, русский люд, проживающий на Дальнем Востоке, предпочитавший ездить на лечебные грязи в Нагасаки, что было гораздо дешевле поездок на запад, переправлялся через море на японском судне.

Издавна японцы облюбовали север Приморья для рыбного промысла. Как только начинался ход красной рыбы, десятки японских шхун устремлялись в районы Ольги, Пластуна и Тернея. Надо отметить, что промысел велся в строгом соответствии с русскими лимитами тех лет. Правда, нередки были и случаи браконьерства.

Самым темным пятном в истории японской колонии во Владивостоке было занятие японок доходным промыслом — проституцией. Всего в дореволюционном Владивостоке суще-

ствовало более 12 японских домов терпимости, в которых было занято около 200 японок. Японское правительство пыталось бороться с этим явлением. Неоднократно в портах Японии обнаруживалась контрабанда живого товара, и женщин возвращали домой. Любые перемещения лиц женского пола за границу в Японии строго контролировались. Даже для того чтобы вывезти во Владивосток из Японии прислугу, требовалось специальное разрешение губернатора, но все эти меры не приносили ожидаемых плодов.

Первым японским коммерческим агентом во Владивостоке был Саваки-сан. В анналах истории сохранилось много фактов, рассказывающих о том, как этот японец, немало времени проведший в России, помогал своим согражданам обустроиваться на Дальнем Востоке. Известно и то, что в 1876 г. господин Саваки купил во Владивостоке на углу Китайской и Пекинской улиц участок земли и занялся строительством небольшого деревянного домика. На некоторых дореволюционных фотографиях виден как сам дом, так и флаг Японии, развевающийся над ним.

Парадокс, но Русско-японская война оживила деятельность японцев на русском Дальнем Востоке, и в 1907 г. Японское коммерческое агентство было преобразовано в консульство Японии, которое через два года получило статус Японского генерального консульства. Домик, построенный господином Саваки, стал маловат для такой представительной организации, и вскоре на его месте выросло большое каменное здание, украсившее Владивосток.

Есть малоизвестный, но интересный факт из прошлого. Еще до начала Русско-японской войны власти стали подозревать, что японское консульство занимается сбором информации, утечка которой была бы нежелательна для России. Но с улучшением политической обстановки подозрительность к восточному соседу постепенно стала ослабевать, пока и вовсе не была забыта. В сталинские же времена отношения между Россией и Японией вновь стали натянутыми и балансировали между миром и войной. В этот период Приморское управление НКВД при-

стально следило за японскими дипломатами, но, естественно, чекисты не могли проникнуть в здание консульства. Между тем они подозревали, что оттуда денно и нощно ведется наблюдение за бухтой Золотой Рог.

Подготовка к окончанию войны на Тихом океане привела к тому, что советские власти решили возвести стену перед окнами японского консульства, выходящими на бухту. Понимая, что это может вызвать недоумение, была объявлена формальная причина: начало строительство здания Дальрыбвтуза. За считанные месяцы была возведена та часть здания, которая примыкала к консульству, но потом настала эпоха долгостроя. Война, а затем и капитуляция Японии в 1945 г. привела к закрытию японского консульства. Стена под окнами японской миссии, закрывающая вид на Золотой Рог, потеряла свою актуальность, а с возведением Дальрыбвтуза можно было не спешить. Об этой истории рассказал отставной офицер госбезопасности, служивший в то время во Владивостоке.

В конце 60-х гг. XIX века начинается иммиграция во Владивосток китайцев из приграничных районов Маньчжурии. Небольшой поселок китайских поселенцев возник на западном берегу Золотого Рога рядом с зоной портовых сооружений. Китайские рыбаки часто заходили в бухту Золотого Рога для сезонной продажи морепродуктов. Появлялись в городе охотники за женьшенем. Большая часть китайского населения состояла из сезонных рабочих, прибывших в поисках заработка. Со временем китайские купцы обосновались во Владивостоке для скупки пушнины, вели торговлю китайскими товарами. Большинство зданий в городе возводилось при участии китайских строителей. Вместе с сезонными рабочими численность китайцев только во Владивостоке доходила до 90 тысяч человек. Жили обособленно, содержали свой театр (во Владивостоке было три китайских театра) и даже свою полицию.

Владивосток — один из немногих городов не только России, но и мира, где слово «толерантность» соответствовало своему значению, хотя, наверное, слово это в то время даже и не произносилось.

На берегах бухты Золотой Рог и двух заливов — Уссурийского и Амурского — селились люди разных национальностей и даже рас, и жили вместе и в то же время независимо друг от друга, исключая катаклизмы, искусственно создаваемые недалекими политиками. А в память о тех временах во Владивостоке сохранился целый микрорайон под названием «Миллионка». Сколько же он еще простоит под ударами времени и безхозяйственности?

Владивосток быстро стал и неформальной столицей дипломатических представительств многих иностранных государств. Разные лица приезжали сюда по всяким надобностям. Одни — проездом, воспользовавшись услугами Транссиба, другие успешно занимались здесь коммерцией, некоторые же навсегда связали свою жизнь с городом-портом. Все они в той или иной мере нуждались в консульском обслуживании своих стран. Вот некоторые консулы, жившие во Владивостоке.

АНГЛИЯ. Ходсон (Hodgson, Robert M.) — дипломат. Английский коммерческий агент во Владивостоке с 10 октября 1907 г. Принял дела англичан от американского агента.

БЕЛЬГИЯ. Масленников, Александр Алексеевич — предприниматель, дворянин и совладелец компании «Бринер и Кузнецов». Свободно владел французским, английским и немецким языками. Нештатный бельгийский коммерческий (с 1898 г.) и германский консул (с 1914 г.) во Владивостоке.

ГЕРМАНИЯ. Многолетним представителем Германии на российском Дальнем Востоке был торговый дом Кунста и Альберса, в частности его глава А. В. Даттан, заодно он же исполнял обязанности шведско-норвежского коммерческого консула.

КИТАЙ. Литяю — первый китайский коммерческий агент с 1897 г. В истории Владивостока китайское консульство было третьим после Японии и США.

НОРВЕГИЯ. Эриксон, Иван М. — мореплаватель. Капитан 1-го разряда. Жил на российском Дальнем Востоке с апреля 1889 г. Работал капитаном в компании М. Г. Шевелева (10 лет), в Морском пароходстве Китайско-Восточной железной дороги (6 лет). Агент для пароходов, приходящих во Владивосток

(с 1905). Норвежский коммерческий агент во Владивостоке (с 5 сентября 1907).

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ. Мортон, Уильям В. — коммерческий консул (1875). Грин — Гринер, Роджер (Ричард) — дипломат. Коммерческий агент (консул) США во Владивостоке (6 сентября 1898 — 1905).

ФРАНЦИЯ. Монсэ, Жюль (Юлий) — предприниматель. Француз. Французский коммерческий агент во Владивостоке (с 23 сентября 1897). Пларр А. — коммерческий агент Франции во Владивостоке с 1901 г. С 1908 г. заведовал генеральным агентством. Исполнял обязанности турецкого коммерческого агента во Владивостоке без права пользования шифром, флагом и другими консульскими преимуществами (с 31 мая 1904).

ЯПОНИЯ. Каваками, Тошихико (Kawakami Toshihiko) родился в 1861 г. Дипломат. Служил переводчиком во Владивостоке, Сан-Франциско и Санкт-Петербурге. 3-й секретарь японского посольства в Санкт-Петербурге. Японский коммерческий агент во Владивостоке с 14 декабря 1900 г. В январе 1904 г. осуществил отправку большей части японской колонии в Японию. В 1906—1914 гг. генеральный консул в Харбине. Директор Общества ЮМЖД в 1914—1920 гг. Посланник в Польшу в 1920—1923 гг.

История дипломатических представительств во Владивостоке еще пишется. В ней немало ярких личностей, которые ждут своих биографов.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРОВ.....	5
Глава 1. ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ, ПЕРВЫЕ ВЛАДИВОСТОКСКИЕ РАЙОНЫ, УЛИЦЫ И ИХ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ	
Память о графе.....	11
Первооткрыватели.....	21
Первый гражданский житель Владивостока Яков Семенов.....	24
Голова Владивостока и купец Михаил Федоров.....	30
Первые улицы Владивостока	36
Они заселяли Куперовскую Падь.....	39
Вокзальная площадь: страницы прошлого, или Как пообедал С. Моэм	40
Алеутская улица и памятник в Японии.....	43
Первая речка, или Память о Нобеле.....	46
Рабочая слободка.....	50
Улица Нагорная-Суханова	53
Достопримечательности Пушкинской улицы.....	56
Дом Николая Соллогуба, где начиналась владивостокская журналистика.....	58
Здесь жили дипломаты, врачи.....	60
Восточный институт — Дальневосточный государственный технический университет (ДВГТУ).....	61
Пушкинский театр.....	64
Украшая город, или На фуникулере на Орлиную сопку	66
Лютеранская кирха.....	68
Книжная лавка братьев Синкевичей.....	70
Дом Николая Соловьева, тестя В. К. Арсеньева.....	73
Слава владивостокской уголовки	74
Коричневая гимназия.....	76
Педагоги Владивостока.....	78
Народный дом и книголюб Игнатий Маковский	80
Их именами названы улицы Владивостока	85
Как начиналась владивостокская почта.....	86
Памяти архитектора Гвоздзиовского.....	89

Епископ Евсевий: «Я очень скучаю о Востоке...»	91
«Воздушный замок» во Владивостоке.....	95

Глава 2. МАСТЕРА ПЕРА ВЛАДИВОСТОКА: ВОСПОМИНАНИЯ

«Авраам с семейством» и С. В. Максимов	98
Из письма К. М. Станюковича	99
Однофамилец Максимова	101
Автор «Петербургских трущоб» во Владивостоке	104
«Это уж не Сибирь»: Николай Гарин-Михайловский.....	106
Поэма Павла Гомзякова	108
Из воспоминаний В. А. Панова	114
П. В. Шкуркин. Из книги о Ланцетупах	121
В. П. Шкуркин. Воспоминания детства о Владивостоке....	125
Забирая с собой память.....	127
«Одиссеи без Итаки».....	135
Корейский писатель во Владивостоке.....	137

Глава 3. ПОРТРЕТ ВЛАДИВОСТОКСКОГО КОММЕРСАНТА

Первый аптекарь и «пилигрим» Аксель Вальден	140
В Жариковском овраге.....	143
Театр начинался с «Калинки»: Александр Иванов.....	145
«Это была чистая душа среди стяжателей и воров нашей окраины...»: Михаил Шевелев.....	147
Братья Пьянковы: они гнали водку и помогали просвещению	151
Он был среди тех, кто основал Дальневосточное пароходство: Владимир Терентьев.....	154
Кормил народ, ловил рыбу, бил китов, строил маяки и давал деньги на культуру: Отто Линдгольм.....	157
Владивостокский швейцарец Юлий Бринер.....	162
Коммерции советник «Чурин и компания».....	168
Любимое место отдыха дам и гимназисток у Августа Менарда	172
Об отце-молочнике Карле Гольденштедте и сыне-архитекторе Владимир Левине	173
Одиссея купца Ивана Галецкого	175
Наше пиво было лучшим в России: Адольф Рик и другие	178

Владивостокский благодетель Михаил Суворов.....	179
Семья Георгия Демби во Владивостоке и Японии.....	184
Основатель Дальморепродукта Мейер Люри.....	189
Ното Ussuriensis Михаил Янковский.....	193
Сын декабриста Алексей Старцев во Владивостоке и на Путятине.....	198
Адольф Даттан: Немецкое качество во Владивостоке.....	202
Остановись, мгновение! Первые владивостокские: фотографы Владимир Ланин и другие.....	207

Глава 4. ПАМЯТНИКИ, КОРАБЛИ, МУЗЕИ И ОБЩЕСТВА, ВЛАДИВОСТОКСКИЕ ДИАСПОРЫ

Визитная карточка Владивостока:	
маяк на острове Скрыплева.....	211
Императорская фамилия во Владивостоке.....	213
Памятник адмиралу Г. И. Невельскому.....	223
Снесенный памятник.....	226
Памятник «Крейсерку».....	227
Как спасали «погибающих на водах» век назад.....	229
Хроника жизни одного отдельно взятого Общества.....	231
В трудах на пользу края: Общество врачей Южно-Уссурийского края.....	244
«Мир праху твоему, честный труженик», или Морское кладбище в картинках.....	247
Женский монастырь.....	252
Вопреки завещанию.....	256
Порт приписки — Владивосток.....	261
Другие «Владивостоки».....	267
История «Эскадры-невидимки».....	270
Врагу не сдается гордый «Рюрик».....	272
Владивостокские подводные лодки и медальные истории, или Дар Васи-подводника.....	277
Береговая «флотилия».....	281
Корейцы в Приморье, или Из истории Духовной миссии в Корее и во Владивостоке: Церковь на Махалина.....	287
Японцы и другие. Иностранные консульства во Владивостоке.....	292

Научно-популярное издание
Исторический путеводитель

Турмов Геннадий Петрович
Хисамутдинов Амир Александрович

ВЛАДИВОСТОК

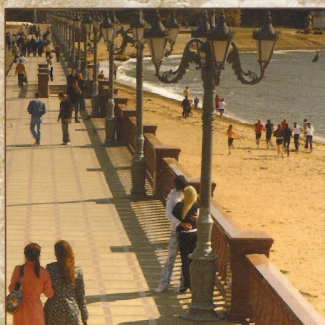
Автор идеи и проекта *С.М. Бурыгин*
Выпускающий редактор *Н.М. Смирнов*
Корректор *Е.Ю. Таскон*
Верстка *И.В. Хренов*
Разработка и подготовка к печати
художественного оформления *Е.А. Забелина*

ООО «Издательский дом «Вече»
Почтовый адрес:
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.
Фактический адрес:
127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

Е-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 28.04.2010. Формат 84×108^{1/32}.
Гарнитура «LazurskiC». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 9,5. Тираж 1300 экз. Заказ О-575.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
Е-mail: idelpress@mail.ru

История Владивостока начинается в 1858 году с подписания «Айгунского договора» между Россией и Дайцинским (Китай) государством. Инициатором этого договора был генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев-Амурский. В результате Россия получила приморскую территорию на Дальнем Востоке.

В 1859 году Н.Н. Муравьев-Амурский, обходя на корабле берега залива Петра Великого, обратил внимание на хорошо укрытую бухту. Генерал-губернатор предложил назвать её Золотым Рогом и приказал основать на берегах бухты военный пост с именем — Владивосток.

К началу XX века крохотный военно-морской пост превратился в крупнейший порт и военно-морскую базу России на Дальнем Востоке.

Об истории Владивостока, его достопримечательностях, памятниках культуры рассказывает очередная книга серии.

ISBN 978-5-9533-4924-6

9 785953 349246

